

№ 10(110)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КАК КОММУНИКАЦИЯ

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 38** *Комиссарова Я. В.*
Проблемные аспекты коммуникативной
составляющей судопроизводства
- 55** *Самсонова М. В.*
Коммуникативный подход к праву
и некоторые вопросы предмета и методологии
науки гражданского процессуального права
- 70** *Галяшина Е. И.*
Речевое манипулирование и восприятие
устной речи в судебной онлайн-коммуникации
- 120** *Соловьев А. А.*
Судейская этика в судебной коммуникации:
опыт Французской Республики
- 144** *Громошина Н. А.*
Коммуникация сторон в упрощенном
производстве: проблемные вопросы
- 178** *Фокина М. А.*
Проблема лжи в судебной коммуникации
по гражданским и административным делам

№ 10 (110)
2023

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
КАК КОММУНИКАЦИЯ

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского государственного университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственные редакторы выпуска:

САМСОНОВА Мария Витимовна — доцент кафедры гражданского и административного процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

ЧЕРНЫХ Ирина Ильинична — доцент кафедры гражданского и административного процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 28.12.2023 Объем 24,15 усл. печ. л. (14,97 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева	Корректор А. Б. Рыбакова	Компьютерная верстка Д. А. Беляков
--------------------------------	---------------------------------	---

№ 10 (110)
2023

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
LITIGATION AS COMMUNICATION

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023

10/2023

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editors-in-Chief of the Issue:

SAMSONOVA Mariya Vitimovna — Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor

CHERNYKH Irina Iliinichna — Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	28.12.2023 Volume: 24, 15 conventional printer's sheets (14,97 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader A. B. Rybakova
Computer layout D. A. Belyakov	

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	10
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	13
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Гражданско-правовой процесс в коммуникативном измерении	
Аргунов В. В. Гражданский процесс — «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству	26
Комиссарова Я. В. Проблемные аспекты коммуникативной составляющей судопроизводства	38
Сухорукова О. А. Судебная коммуникация как предмет правового регулирования	47
Самсонова М. В. Коммуникативный подход к праву и некоторые вопросы предмета и методологии науки гражданского процессуального права	55
Черных И. И. Судебная коммуникация и мотивировочная часть решения суда. О будущем гражданского процесса	63
Коммуникативная компетентность участников гражданского судопроизводства: междисциплинарный аспект	
Галяшина Е. И. Речевое манипулирование и восприятие устной речи в судебной онлайн-коммуникации	70
Казиханова С. С. Веб-конференция как современная модель взаимодействия суда и участников процесса: недостатки правового регулирования и перспективы использования	79
Кокурин А. В., Петров В. Е. Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи Ф. Н. Плевако по делу П. Качки	88
Маркова Т. Ю. Судебное следствие в суде присяжных заседателей как способ коммуникации участников: процессуальные особенности и современные возможности	96
Марчева П. Е. Влияние профессионального выгорания адвоката на коммуникативные возможности	105

Скабелина Л. А.

- Психологические аспекты применения
онлайн-коммуникации в судебном процессе 114

Соловьев А. А.

- Судейская этика в судебной коммуникации:
опыт Французской Республики 120

Тихомирова Ю. В., Шкаревская В. В.

- Особенности взаимодействия участников
процесса и суда при рассмотрении дел
с использованием веб-конференций в арбитражных судах 127

Фомина О. Ю.

- Вовлеченность судьи в онлайн-коммуникацию
при использовании системы веб-конференции 136

Теоретические и прикладные проблемы реализации
коммуникативных задач в гражданском судопроизводстве

Громошина Н. А.

- Коммуникация сторон в упрощенном
производстве: проблемные вопросы 144

Лукьянова И. Н.

- Значение права быть заслушанным и быть услышанным судом
для правовой коммуникации в цивилистическом процессе 152

Мацкевич П. Н.

- Коммуникация между судом и участниками процесса
как гарантия достижения целей гражданского
и арбитражного судопроизводства 161

Остроумов А. А.

- Взаимодействие суда и сторон в процессе представления
и исследования доказательств в электронном виде 168

Фокина М. А.

- Проблема лжи в судебной коммуникации
по гражданским и административным делам 178

Трибуна молодого ученого

Аверина А. В.

- Судебная коммуникация в процессе утверждения
мирового соглашения в рамках дела о банкротстве 186

Гильманова В. И.

- Реализация процессуальных прав иностранными
лицами при выдаче экзекватуры арбитражным судом 194

Лукашин А. А.

- К вопросу о целесообразности онлайн-коммуникации суда
с экспертом и специалистом в цивилистическом процессе 200

Эрзин А. Д.

- Протокол в цивилистическом процессе:
 некоторые аспекты судебной коммуникации
 и принципа непосредственности 207

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

- Иосиф Моисеевич Резниченко 214

Резниченко И. М.

- Психологические аспекты искового производства (*извлечение*) 216

ПОСТСКРИПТУМ

Черных И. И.

- Куда смотрит компас коммуникации,
 или Благодарность — основа коммуникативной среды будущего 228

NOTE TO THE READERS	10
UNIVERSITY CHRONICLE	13
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
The Civil Process in the Communicative Dimension	
Argunov V. V. Is the Civil Process an «Ideal Communicative Community»? The Idea of Discursive Ethics in Relation to Judicial Proceedings	26
Komissarova Ya. V. Problematic Aspects of the Communicative Component of Legal Proceedings	38
Sukhorukova O. A. Judicial communication as a object of legal regulation	47
Samsonova M. V. Communicative approach to law and some issues of the subject and methodology of civil procedural law science	55
Chernykh I. I. Judicial communication and the reasoning part of the court decision. About the future of civil procedure	63
Communicative Competence of Civil Trial Participants: Interdisciplinary Aspect	
Galyashina E. I. Speech Manipulation and Perception of Oral Speech in Court-Hearing Online Communication	70
Kazikhanova S. S. Web conference as a modern model of interaction between the court and participants in the process: shortcomings of legal regulation and prospects for use	79
Kokurin A. V., Petrov V. E. Methods of Manipulative Influence in the Judicial Defensive Speech of F. N. Plevako in the Case of P. Kachka	88
Markova T. Yu. Judicial investigation in a jury trial as a way of communication between participants: procedural features and modern possibilities	96
Marcheva P. E. The influence of occupational burnout of a lawyer on communication capabilities	105
Skabelina L. A. Psychological aspects of using online communication in court proceedings	114

Solovyev A. A. Judicial Ethics in Judicial Communication: the Experience of the French Republic	120
Tikhomirova Ju. V., Shkarevskaya V. V. Features of interaction between participants and the court in considering cases using web conferencing in Arbitration Courts	127
Fomina O. Yu. Involvement of the judge in online communication when using the web conference system	136
Theoretical and Applied Problems of Implementation of Communicative Tasks in Civil Proceedings	
Gromoshina N. A. Communication of the parties in simplified production: problematic issues	144
Lukianova I. N. The meaning of the right to be heard for legal communication in the civil procedure	152
Matskevich P. N. Communication between court and participants as a guarantee of achievement of goals and objectives of civil and arbitrage proceedings	161
Ostroumov A. A. Interaction between the court and the parties in the process of presenting and examining evidence electronically	168
Fokina M. A. The problem of lies in judicial communication in civil and administrative cases	178
YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE	
Averina A. V. Judicial communication while approving a settlement agreement in bankruptcy case	186
Gilmanova V. I. Foreign persons procedural rights implementation in the issuance of an exequatur by commercial court	194
Lukashin A. A. On the matter of reasonability of online communication of the court with an expert and a specialist in civil procedure	200
Erzin A. D. Protocol in Civil Procedure: Some Aspects of Judicial Communication and the Principle of Immediacy	207

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Legal Legacy

Iosif Moiseevich Reznichenko 214

Reznichenko I. M.

Psychological Aspects of Lawsuit Proceedings (extract) 216

POSTSCRIPT

Chernykh I. I.

Where the Communication Compass Looks,
or Gratitude as the Basis of the Communication
Environment of the Future 228

Слово к читателю

Уважаемый читатель!

Перед вами — очередной специальный номер журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», посвященный необычной для традиционных научных правовых исследований теме — судебной коммуникации. Наш Университет — единственный юридический вуз — участник программы «Приоритет-2030», и отдельным аспектом его основной миссии является развитие социоправа на стыке юридического, технического, естественно-научного и социально-гуманитарного знания, формирование новой юридической архитектуры для меняющегося социума.

В этом выпуске журнала мы предложили авторам по-новому раскрыть гуманистическую парадигму права, как нацеливает реализуемый в рамках программы «Приоритет-2030» проект «Социоправо», — в свете понимания и прогнозирования взаимодействия человека и общества в условиях трансформации мира.

Считаем, что один из трендов и вызовов современного мира — изменение роли и статуса информации как категории. Философия имеет опыт создания целостной теоретической модели новой информационной формы бытия универсума. Мир наполнен совершенно разными и уникальными представителями разных видов вещей — физическими неодушевленными, живыми, рукотворными артефактами, и их наиболее общая природа — информационная. Взаимо-

действия между ними могут быть поняты как информационные, происходит переход от материального — уникального и незаменимого — к информационному.

Акцентируя внимание на правовой информации, мы сочли, что цивилистический процесс обладает самыми уникальными демонстрационными возможностями формализованного превращения данных, сообщений, смыслов разнообразной природы, позволяющих существовать межличностному общению, в информацию правовую. Именно поэтому мы связали тему номера с формированием представления о цивилистическом процессе как о судебной коммуникации.

Такой подход открывает возможность применения нетипичных для правоведения приемов исследования, которые хорошо известны, проверены и успешно используются в рамках других областей знания. Готовясь к выпуску тематического номера журнала, мы пригласили участвовать в обсуждении проблем реализации

коммуникативных задач в судопроизводстве не только юристов, но и психологов, криминалистов, лингвистов. Вовлекая в юридический дискурс представителей иного гуманитарного знания, мы стремились подчеркнуть междисциплинарность коммуникации как явления, включающего в себя социальный контекст, позволяющий получить представление об участниках коммуникации, о совокупности вербальных и невербальных знаков, предполагающих форму общения в данном коммуникативном пространстве.

Нам представляется, что такое трансдисциплинарное взаимодействие дало толчок развитию нового концептуального научного аппарата, системы судебного коммуникативного поведения, позволило появиться новациям методологического характера, предполагающим благодаря своей совокупности возникновение иного уровня теоретического мышления в правовых исследованиях.

Исследования судебной коммуникации важны в разрезе прагматических аспектов дискурса доказательств (природы речевых актов, судебной коммуникации в профессиональном процессе). Но они также значимы и в аспекте организации судебного соревнования правовых позиций в целом: влияния *Fighting Words Doctrine* (написанных или произнесенных слов с целью разжигания ненависти или насилия) в судебной речи, анализа устной речи с точки зрения содержания и эмоциональной составляющей текста, интонации, от которых, по мнению лингвистов, может меняться смысл произнесенной фразы.

Психологические исследования поведения участников судебного процесса и судей при рассмотрении дела и принятии решений заметно изменились в плане расширения масштабов и методологии исследований. В частности, все большее число исследований направлено на то, чтобы охватить уникальные условия, имеющие отношение к судебному поведению. В зарубежных исследованиях изучается и поведение судей представителями науки экономики. В основном экономический анализ поведения судьи связывается с такими терминами, как «рациональность», «стимулы», которые введены для объяснения общей эффективности права.

Это лишь часть примеров междисциплинарных исследований, приведенных для демонстрации существенных результатов от объединения интеллектуальных усилий специалистов в разных областях знаний при решении смежных вопросов.

Благодаря совместной работе уже удалось получить оригинальные научные результаты, имеющие значение в том числе для образовательной деятельности. Становятся более заметными изменения в мышлении будущих юристов и преподавателей. В преподавании дисциплин цивилистического процесса мы все чаще рассматриваем суд не как поле для правового сражения, а как пространство для согласованного урегулирования конфликта путем сотрудничества сторон и суда. Это совсем иное качество коммуникации.

Набирает масштабы всестороннее исследование судебной коммуникации онлайн. Замена непосредственного общения опосредованным через информационные технологии предполагает осмысление форм и средств передачи и специфики восприятия информации. Междисциплинарный дискурс уже озадачен идеей формирования информационной культуры, в которой появляются новые коммуникативные практики и видоизменяются старые. Очень важны исследования готовности людей — участников судебных разбирательств эффективно взаимодействовать в информационном обмене в новых условиях. В этой связи

весьма продуктивным является участие в исследовании темы экспертов, помогающих выявить и учесть психологические, нейробиологические, лингвистические и иные значимые аспекты судебной онлайн-коммуникации.

Весьма примечательно, что прикладные возможности коммуникативного подхода привлекают обладающих более пластичным правовым мышлением молодых ученых. С удовлетворением отмечаем, что их трибуна не осталась пустующей в данном тематическом номере.

В постановке вопроса о коммуникативном измерении судопроизводства нас не смутила некоторая его провокационность. Мы посчитали бы своим успехом, узнав, что избранный подход не оставляет равнодушным, задевает, не отпускает, вызывает желание ответить, поспорить.

*С уважением,
М. В. Самсонова, И. И. Черных,
кандидаты юридических наук, доценты кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ОКТАБРЬ 2023¹

Университет в общественной жизни страны

Заседание Экспертной группы по вопросам защиты традиционных семейных ценностей Общественного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации

4 октября 2023 г. под председательством ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктора Блажеева состоялось заседание Экспертной группы по вопросам защиты традиционных семейных ценностей Общественного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации.

В мероприятии также приняли участие и.о. заведующего кафедрой семейного и жилищного права Екатерина Горская, которая выступила с докладом «Защита и надлежащее обеспечение интересов ребенка, воспитывающегося в семье, где один из родителей совершил перемену пола» и старший преподаватель кафедры семейного и жилищного права Наталья Румянцева, которая рассказала о тенденциях и перспективах семейной медиации в Российской Федерации.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта

19 октября 2023 г. ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев принял участие в заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта. Заседание провел Президент России Владимир Путин. На встрече обсуждались вопросы развития и оснащения спортивной инфраструктуры.

Ректор МГЮА Виктор Блажеев заявил о новом этапе развития спортивного арбитража в России

В рамках форума «Россия — спортивная держава» состоялся круглый стол «Арбитраж споров в спорте: текущее состояние, перспективы и проблемы». В дискуссии приняли участие эксперты в сфере спортивного права и спортивного арбитража, а также руководители ведущих спортивных организаций.

Модератором выступил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев: «Президент Российской Федерации Владимир Путин неоднократно акцентировал внимание на том, чтобы включить в работу спортивного арбитража спортивных юристов и юристов общего права. Сейчас, с учетом новых задач, мы можем говорить о новом этапе развития спортивного арбитража. Необходи-

мо расширить юрисдикцию нашего национального спортивного арбитража и предоставить ему возможность рассматривать споры в сфере международного спорта, а также существенным образом повысить независимость национального спортивного арбитража, чтобы он стал сильной, самостоятельной структурой, которой стороны смогут доверять».

В рамках круглого стола также обсудили критерии формирования доверия к арбитражным спортивным судам, в том числе их финансовую независимость. Подняли вопрос об арбитражной оговорке и досудебном разрешении споров.

Развитие Университета

Университет стал участником консорциума научно-образовательных лабораторий по вопросам изучения событий Второй мировой войны

Участниками консорциума также стали Благовещенский государственный педагогический университет, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Марийский государственный университет, Псковский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Тихоокеанский государственный университет, Уральский государственный педагогический университет и Южный федеральный университет.

Со стороны Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) соглашение подписал проректор по молодежной политике Александр Чанышев.

Подписание соглашений о вхождении в состав сети научно-образовательных лабораторий по вопросам изучения событий Второй мировой войны состоялось в рамках Международного научно-практического форума «Без срока давности. Преступления нацистов против человечности: история и современность».

Конференции, круглые столы, семинары

В загородном комплексе МГЮА прошла проектная сессия в рамках программы «Приоритет-2030»

С 6 по 7 октября 2023 г. в загородном комплексе МГЮА «Малюшина дача» прошла проектная сессия в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Руководители центров компетенций представили отчеты о своей деятельности, а участники сессии дали оценку и выдвинули предложения по развитию проектов на будущий год.

«Наша цель — обсудить итоги этого года и спроектировать программу на 2024 год, уже в первый день нам удалось обсудить множество важных моментов, новые идеи и смыслы для наших проектов», — отметила проректор по стратегическому и международному развитию МГЮА Мария Мажорина.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — единственный юридический университет — участник Программы стратегического академического лидерства

«Приоритет-2030». Для реализации проектов на сегодняшний день образовано восемь центров компетенций: «Геоправо», «Киберправо», «Техноправо», «Биоправо», «Бизнес-право», «Социоправо», «Экоправо» и «Право устойчивого развития. ESG-стандарты», основной задачей которых является генерация инновационных знаний в области права, представляющих собой ценностные, гуманистические и правовые механизмы, позволяющие обеспечивать научно-технологическое и социально-гуманитарное лидерство России, моделировать и преобразовать социальную, информационную, природную, биологическую, техно- и пространственную среду на национальном и глобальном уровнях.

Делегация МГЮА приняла участие в фестивале лучших практик вузов-участников и кандидатов программы «Приоритет-2030»

С 12 по 13 октября 2023 г. в МГИМО состоялся Priority Fest 2023 — фестиваль лучших практик вузов-участников и кандидатов программы «Приоритет-2030». Цель мероприятия — обмен накопленным опытом, инструментарием и экспертизой, а также обсуждение планов по созданию новых консорциумов и партнерств.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на мероприятии представляла делегация в составе проректора по стратегическому и международному развитию Марии Мажориной, директора Центра управления изменениями Владимира Никишина, менеджера Центра управления изменениями Алены Никитиной и руководителя Цифровой кафедры Университета, руководителя проекта Центра управления изменениями Екатерины Соловьевой.

«На мероприятии анонсировали изменения, которые ждут нас, как участника программы, с января 2024 г. Они направлены на повышение эффективности программы, определение механизмов ротации участников. Мы с оптимизмом смотрим в будущее, видим, что многие наши коллеги уже вовлечены в реализацию программы развития МГЮА — программы «Приоритет-2030». Этот масштабный российский проект о лидерстве, о влиянии на достижение национальных целей и приоритетов, о развитии нашей страны. Будем работать, готовиться к защите, добиваться целей, находить правовые решения для обеспечения научно-технологического и социально-гуманитарного лидерства нашей страны», — отметила Мария Мажорина.

I Форум консорциума «Инновационная юриспруденция»

В период 19—20 октября 2023 г. на базе Университета прошел I Форум консорциума «Инновационная юриспруденция», посвященный теме «Университеты и индустрия: от приоритетов к продуктам».

Торжественное открытие прошло в Национальном институте развития ВЭБ. РФ. В форуме принимают участие представители крупнейших государственных, частных корпораций и компаний, руководство университетов, партнеры юридических фирм и эксперты в области юриспруденции. На протяжении двух дней участников будут ждать пленарные сессии, круглые столы, лекции и бранчи, на которых будут обсуждаться актуальные проблемы права и способы их решения.

С приветственным словом к участникам форума обратилась проректор по стратегическому и международному развитию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина: *«Программа стратегического академического лидерства “Приоритет-2030” принципиально меняет наше образовательное пространство. Вузы сегодня проходят очень серьезный и интересный путь трансформации, и наш Университет не стал исключением. Для нас программа — это одновременно и большая честь, и большая ответственность, потому что для МГЮА очень важно не просто быть лидером, но еще и стать лидером в новое время».*

Руководитель ФГАНУ «Социоцентр» Андрей Келлер отметил: *«Данный форум направлен на создание коммуникации между университетами — участниками*

программы Минобрнауки России “Приоритет-2030” и промышленными партнерами, что является неотъемлемой частью в укреплении сотрудничества вузов и индустрии. Участникам необходимо определить приоритеты в кооперации, которые позволят создавать новые научные знания и разрабатывать совместные продукты за счет синергии ресурсов. На сегодняшний день это является одной из стратегических задач каждого университета, который сотрудничает с промышленными партнерами».

В рамках форума было проведено множество важнейших панельных дискуссий, бранчей, круглых столов по актуальным вопросам. Основная миссия форума достигнута: положено начало созданию коммуника-

ционной экосистемы для университетов и промышленных партнеров, переходу и созданию совместных продуктов за счет синергии ресурсов; определены приоритеты сотрудничества.

I Форум консорциума «Инновационная юриспруденция» объединил тех, кто формирует актуальную юридическую повестку, кто меняется и ищет правовые ответы на вызовы современности. Два дня проведения форума стали началом плодотворной и эффективной работы.

II Международный форум по борьбе с преступностью

20 октября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось торжественное открытие II Международного форума по борьбе с преступностью. В ходе открытия и пленарного заседания эксперты выступили с приветственным словом, подчеркнули актуальность проблематики форума и дали наставления участникам.

С приветственным словом к участникам обратился проректор по научно-исследовательской деятельности МГЮА Владимир Синюков: «Это форум по борьбе,

не противодействию, а борьбе с преступностью! Каждый год мы находим здесь новые акценты и тренды. В этот раз это большая научно-практическая институция: очень много площадок, секций и других направлений, которые отражают весь спектр, все акценты той ситуации, которая сложилась в мире».

В рамках форума прошли круглые столы, посвященные самым актуальным темам, связанным с преступлениями, их профилактике, выработке новых механизмов предотвращения совершения правонарушений. Лекции, мастер-классы и деловые игры от ведущих экспертов в области криминологии, уголовного права и процесса помогли участникам получить ценную информацию и практические навыки от профессионалов в различных областях.

Научно-практическая конференция «Правовые категории»

24 октября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла научно-практическая конференция «Правовые категории», посвященная 100-летию со дня рождения Андрея Михайловича Васильева, доктора юридических наук, заслуженного юриста РСФСР.

В своих трудах Андрей Васильев изучал вопросы методологии теории права, ввел в научный оборот термины: «парные правовые категории», «понятийные ряды правовых категорий» и поставил вопрос о правовых категориях как средстве теоретического отражения правовой действительности.

С приветственным словом к участникам обратился проректор по научно-исследовательской деятельности МГЮА Владимир Синюков: *«С именем Андрея Михайловича связано и прочно ассоциируется золотое время советской юридической науки. Он отличался умением почувствовать и решить ключевые вопросы юридической эпохи».*

Спикерами выступили выдающиеся ученые-правоведы из Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН, РГУП, МГИМО МИД России, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Института государства и права РАН.

Международная научно-практическая конференция «Россия и Латинская Америка: правовое и экономическое обеспечение научно-технического сотрудничества в новых условиях»

26 октября 2023 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) стартовала Международная научно-практическая конференция «Россия и Латинская Америка: правовое и экономическое обеспечение научно-технического сотрудничества в новых условиях»

В рамках конференции рассмотрены современные проблемы и тенденции сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки в научно-технологической сфере, а также обсуждены возможные правовые инструменты согласования интересов сторон.

Конференция открылась пленарным заседанием «Правовые и экономические предпосылки научно-технического сотрудничества Российской Федерации с латиноамериканскими странами»

«Конференция, действительно, уникальна. Планируется обсудить самые разные вопросы: это и наука, и практика, и теория, и образование, и культура. Однако главное в сегодняшней конференции — это сотрудничество между университетами, странами и континентами. Мы открываем новую страницу в истории МГЮА — страницу сотрудничества со странами Латинской Америки!», — отметила в своем приветствии первый проректор Университета Инна Ершова.

С приветственным словом к участникам также обратился председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Кабышев: *«Сегодня сотрудничество со странами Латинской Америки — это жизненная необходимость! Очень важно, опираясь на приоритет национальных интересов, поддерживать дружественный диалог для обмена опытом и поиска новых решений».*

Проректор по образовательной деятельности Наталья Софийчук подчеркнула особую практическую значимость конференции для студентов. Среди почетных гостей конференции также были заместитель директора Латиноамериканского департамента Министерства иностранных дел России Дмитрий Белов, а также

заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве Елена Сущенко и советник-посланник Посольства Республики Никарагуа в Российской Федерации Клаудио Антонио Арана.

В рамках культурной программы Международной научно-практической конференции «Россия и Латинская Америка: правовое и экономическое обеспечение научно-технического сотрудничества в новых условиях» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась выставка картин кубинского художника-концептуалиста и постмодерниста, живописца, члена Международной федерации художников ЮНЕСКО Омара Годинеса Лансо.

Заседание Экспертного совета по сопровождению программы «Стартап как ВКР»

26 октября 2023 г. состоялось очередное заседание Экспертного совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по сопровождению программы «Стартап как ВКР» под председательством первого проректора, заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Инны Ершовой.

На заседании было принято важное для трех магистрантов-стартаперов решение о возможности защиты ими своих выпускных квалификационных работ (магистерских диссертаций) в форме стартапа. Стартап-проекты публично защищаются в государственной экзаменационной комиссии.

Программа «Стартап как ВКР» реализуется в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в формате эксперимента на базе двух магистерских программ кафедры предпринимательского и корпоративного права «Правовое сопровождение бизнеса (бизнес-юрист)» и «Корпоративное право» начиная с 2021/2022 учебного года и предполагает оформление обучающимися своего стартап-проекта в форме магистерской диссертации вместо традиционного написания выпускной квалификационной работы.

Гости Университета

Председатель Московской городской Думы Алексей Шапошников посетил Центр мониторинга законодательства и правоприменения МГЮА

12 октября 2023 г. в рамках рабочего визита в Университет Председатель Московской городской Думы Алексей Шапошников посетил Центр мониторинга законодательства и правоприменения МГЮА.

О проделанной работе и планах по развитию в Университете процесса мониторинга законодательства и правоприменения рассказали первый проректор МГЮА Инна Ершова и директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Олег Гринь.

«Исследования — самый правильный путь к совершенствованию законодательства, ведь корректировки формируются вследствие выявления реальных проблем, которые возникают у граждан», — отметил Олег Гринь.

За последние пять лет Центром проведено 65 исследований правоприменения федеральных законов с учетом реализации их на местах.

Международное сотрудничество

В МГЮА прошла встреча с профессором Пекинского сельскохозяйственного университета (BUA)

4 октября 2023 г. в Университете состоялась встреча проректора по стратегическому и международному развитию МГЮА Марией Мажориной с профессором Пекинского сельскохозяйственного университета (BUA) Фэн Чонгом. На встрече также присутствовали директор Центра международного сотрудничества Анна Приходько и заведующий кафедрой по международному праву Наталья Соколова.

На встрече были обсуждены академическая мобильность (в частности, обмен студентами и профессорско-преподавательским составом); создание Центра научного исследования вопросов интеллектуальной собственности и сельского хозяйства; совмест-

ный российско-китайский форум; работа онлайн-группы подготовительного факультета «Русский язык как иностранный».

В МГЮА прошла рабочая встреча с представителями Федерального университета штата Рио-де-Жанейро (Бразилия)

В рамках Международной научно-практической конференции «Россия и Латинская Америка: правовое и экономическое обеспечение научно-технического сотрудничества в новых условиях» состоялась рабочая встреча руководства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Федерального университета штата Рио-де-Жанейро (Бразилия) по вопросам сотрудничества в области образования и науки.

В ходе встречи первый проректор МГЮА Инна Ершова рассказала о направлениях международного сотрудничества и зарубежных партнерах Университета, а также о возможностях получения высшего образования иностранными студентами. Также наш Университет

на встрече представили проректор по образовательной деятельности Наталья Софийчук, проректор по стратегическому и международному развитию Мария Мажорина, помощник проректора по научно-исследовательской работе Мария Егорова, директор Центра международного сотрудничества Анна Приходько, начальник отдела международных связей Центра международного сотрудничества Татьяна Гуляева и руководитель магистерской программы Master of International and Russian Tax Law Виктор Мачехин.

Федеральный университет Рио-де-Жанейро, подключившись по видео-конференц-связи, представил его научный сотрудник, профессор кафедры права Университета имени Эстасиу де Са Освалдо Лимо, подчеркнув: *«Сегодня нам представился отличный шанс построить сотрудничество с вашим Университетом, который мы очень уважаем! Для нас встреча — это не просто возможность наладить академическое, научное партнерство, но и возможность связать две традиции, две культуры, а также обеспечить установление новых принципов и знаний о праве для наших будущих поколений».*

Мероприятия ректората

Заседание Ученого совета Университета

30 октября 2023 г. в Университете состоялось очередное заседание Ученого совета. В рамках мероприятия коллектив Университета принял решения по текущим кадровым вопросам и деятельности внутренних подразделений.

В начале мероприятия ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев поздравил юбиляров прошедшего месяца — профессора кафедры гражданского права Людмилу Василевскую, профессора кафедры налогового права Наталью Орлову, доцента кафедры энергетического и природоресурсного права Анну Лиманскую, профессора кафедры трудового права и права социального обеспечения Светлану Кобзеву, доцента кафедры гражданского права Анну Качалову, доцента кафедры банковского права Олега Иванова, профессора кафедры энергетического и природоресурсного права Юрия Шпаковского.

Затем ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев объявил о награждении специалиста по учебно-методической работе I категории института «Аспирантура и докторантура» Светланы Завражных званием «Ветеран МГЮА» и поздравил студенческую команду Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), которая заняла II место в очных раундах

Международного конкурса по воздушному праву и I место в номинации «Лучший меморандум ответчика». В состав команды вошли студентка 2-го курса Международно-правового института Екатерина Колосовская и студентка 3-го курса Института частного права Светлана Богатова.

Также в торжественной обстановке ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев вручил доценту кафедры налогового права и кафедры финансового права МГЮА Роману Ткаченко диплом доктора юридических наук.

Следующим вопросом повестки заседания Ученого совета стал доклад о реализации в Университете программ дополнительного профессионального образования. *«Дополнительное профессиональное образование в настоящий момент набирает обороты и в отдельных случаях становится локомотивом. В настоящий момент в Институте дополнительного образования реализуется порядка 75 программ ДПО. Преимуществом наших программ является их углубленность»*, — отметила директор Института дополнительного образования Татьяна Докучаева.

Проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков рассказал о подготовке к проведению Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» с 21 по 24 ноября 2023 г. на площадках Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Далее с докладом о реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) выступил директор Центра управления изменениями Владимир Никишин, а по вопросу утверждения Правил приема в Университет — начальник Управления приемной комиссии и профориентационной работы Светлана Пола.

В завершение заседания Ученого совета ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев пожелал коллегам крепкого здоровья, удачи и успехов во всех делах.

На соискание ученой степени...

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась защита докторской диссертации доцента кафедры гражданского права

17 октября 2023 г. состоялась защита докторской диссертации доцента кафедры гражданского права Университета Евгения Суворова на тему «Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника». В дис-

сертации представлена концепция банкротного права как института обязательственного права и механизма реализации принципа равенства кредиторов.

Научным консультантом по диссертации выступил доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова Евгений Суханов.

По итогам публичной защиты диссертационным советом Университета было принято решение о присуждении Суворову Евгению Дмитриевичу ученой степени доктора юридических наук.

Цивилистический процесс в коммуникативном измерении

**Всеволод
Владимирович
АРГУНОВ,**

кандидат
юридических наук,
доцент кафедры
гражданского процесса
юридического факультета
МГУ имени М.В.Ломоносова
argunov@mail.ru
119991, Россия,
г. Москва, ГСП-1,
Ленинские Горы, д. 1,
стр. 13–14

Гражданский процесс — «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству

Аннотация. С философских и социологических позиций дискурсивной этики и идеального коммуникативного сообщества (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, А. В. Назарчук), постнеклассического правопонимания и теории коммуникативного права (А. В. Поляков, Е. В. Тимошина, М. ван Хук) гражданский процесс рассмотрен как публичная коммуникация между обществом, государством и частными лицами на тему предельной конкретизации субъективного права (законного интереса). Выявлен вектор развития судебной коммуникации как формы социального управления, не совпадающий с нормативными основами аргументативного дискурса в философии и социологии по ряду параметров. Разработана типология моделей судебной коммуникации в гражданском судопроизводстве по критерию взаимодействия субъектов спора в процессуальных правоотношениях (всего пять типов). На основе междисциплинарного подхода выделены наиболее перспективные к правовому моделированию виды гражданского судопроизводства в отечественном правовом порядке.

Ключевые слова: право как коммуникация, идеальное коммуникативное сообщество, аргументативный дискурс, гражданский процесс, типы судебной коммуникации, виды гражданского судопроизводства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.026-037

Vsevolod V. ARGUNOV,

Assistant Professor at the Department of Civil Procedure
of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Cand. Sci. (Law)
argunov@mail.ru

bd. 13–14, 1, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, Russia, 119991

Is the Civil Process an «Ideal Communicative Community»? The Idea of Discursive Ethics in Relation to Judicial Proceedings

Abstract. From the philosophical and sociological positions of discursive ethics and an ideal communicative community (K.-About Apel, Y. Habermas, A.V. Nazarchuk), post-non-classical legal understanding and theory of

communicative law (A.V. Polyakov, E.V. Timoshina, M. van Hook), the civil process is considered as public communication between society, the state and individuals on the topic of the ultimate concretization of subjective law (legitimate interest). The vector of judicial communication development as a form of social management is revealed, which does not coincide with the normative foundations of argumentative discourse in philosophy and sociology in a number of parameters. A typology of models of judicial communication in civil proceedings has been developed according to the criterion of interaction of the subjects of the dispute in procedural legal relations (there are five types in total). On the basis of an interdisciplinary approach, the most promising types of civil proceedings in the domestic legal order are identified for legal modeling.

Keywords: law as a communication, ideal communicative community, argumentative discourse, civil procedure, types of judicial communication, types of civil proceedings.

Всякое государство — своего рода общение.
Общение свободных людей.

Аристотель

Понимание права на протяжении истории претерпевало множество метаморфоз. Каждая эпоха имеет свою правовую модель, выделяющую главенствующее значение тех или иных теоретических постулатов в соответствии с идеалами, выработанными научной мыслью и практическим опытом¹.

Своей задачей мы видим обсуждение коммуникативного подхода к праву через учение о процессуальном праве, о гражданском судопроизводстве. В условиях вторящего ему процессуального (процедурного) подхода теория права — не просто «возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего инструмент выбора решения в проблемной юридической ситуации, обусловленного не только результатами формально-логического анализа права и процессуально установленными фактами, но и ценностями профессионального мировоззрения»².

Коммуникативная теория служит продолжением и детализацией более ранних вариантов правопонимания. По замечанию А. В. Полякова, право невозможно без социальной коммуникации. Условием правогенеза является не возникновение государства, а появление психосоциокультурных реалий, имеющих коммуникативную направленность, в которых находят свою объективацию правовые тексты, правовые нормы и правовые отношения, порождаемые intersubjective (коммуникационной) деятельностью членов общества. Право может возникнуть только

¹ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание. М., 2007. Т. 3. С. 9.

² Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : колл. монография : в 2 т. СПб., 2014. Т. 1 / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. С. 89.

в условиях общего жизненного мира³. Данный подход, как и любая правовая теория, помогает решить три проблемы: 1) субъекта и его сознания, интерпретирующего «жизненный мир» как мир текстуальный (проблема того, кто интерпретирует и как происходит интерпретация); 2) правовых текстов или источников права и правовых норм (что интерпретируется); 3) правового взаимодействия (взаимобусловленного поведения) в форме корреспондирующих прав и обязанностей (перевод интерпретированного в социально-правовое действие)⁴.

И хотя теория коммуникации весьма молода и является объектом исследования многих областей знания, в настоящее время настал момент говорить о таком явлении, как «юриспруденция коммуникации». Важно не только влияние знаний о коммуникации на право, но и обратное влияние знаний о праве на коммуникацию. Последнее трактуется нами как поиск и установление права с помощью самого права в ходе дискурсивного взаимодействия всех желающих коммуницировать. Под правом мы подразумеваем «искусство добра и справедливости». Признание права коммуникацией как *сущности* само по себе еще ничего не говорит о том, какой *должна* быть такая коммуникация, какую роль может играть право в ее формировании.

Современное право превращается в реальную коммуникацию, когда ее участники понимают, что в ходе взаимодействия «пользуются правом» и способны принять на себя ответственность за результаты коммуникации. Безусловно, воплощение аксиомы «незнание закона не освобождает от ответственности» недостижимо, но в том-то и дело, что идеальная правовая коммуникация возможна только между субъектами: а) знающими объективное (писаное) право (как образец «идеального права»); б) способными сформировать предположения о субъективном праве (как «фактическом праве»); в) соблюдающими нормы самой коммуникации. Позитивное право как общая абстракция, зафиксированная текстом, есть *одно из* ведущих средств познания права индивидуального, субъективного и одна из частей коммуникации⁵.

Полагаем, что право как воплощение не только идеальной, но и материальной сферы «должного» способно в большей мере приблизить современное общество к «идеальному коммуникативному сообществу», чем иные регуляторы поведения. А учение о коммуникации имеет особую ценность в отношении процессуальных отраслей. Ведущими областями, воплощающими эту концепцию в жизнь по трем вышеуказанным проблемам одновременно, являются отрасли права, предмет регулирования которых — совместное познание справедливости в ходе рассмотрения и разрешения юридического дела.

Таким образом, *этика дискурса и коммуникативный подход* позволяют выдвинуть на первое место *процессуальное право*. Получив в древности мощный заряд из судебной коммуникации, даже в отсутствие такой составляющей, как правовой

³ Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб., 2014. С. 68—69.

⁴ Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003. С. 175—176.

⁵ Как пишет А. В. Поляков, это «особый эталон, критерий права и неправа». См.: Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. С. 283.

текст и доктрина, процессуальное право, вероятно, изначально и представляло собой единственный вариант реального коммуникативного сообщества, имеющего предметом познания «доброе и справедливое» и охватывающего собой львиную долю населения древнего социума.

Соотнесем считающиеся аксиоматичными правила судебного процессуального взаимодействия с правилами идеальной коммуникации, разработанными в философии, социологии. Сделаем это на примере гражданского процесса, так как он отражает наибольшую палитру возможных сегодня моделей судебной коммуникации⁶. Судебная коммуникация — своего рода «эпистемическое сообщество», также стремящееся к коллективному пониманию истины, как и сообщество научное.

Каков абрис «идеального коммуникативного сообщества» и его правил? Концептуальные основы его как детища философии и социологии XX столетия только вырисовываются. Пожалуй, наиболее гармоничны и одинаково хорошо отвечают на вопрос о «сущем» и «должном» разработки немецких философов К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности: по теории познания, трансцендентальной прагматике и дискурсивной этике. Первые две теории служат обоснованием третьей, наиболее интересующей нас.

Придерживаясь консенсуальной теории истины в науке, как и многие более ранние философы, они априори исходят из постулата обязательности познания путем очевидности личного сознания «Я» с взаимопониманием посредством языка с личным сознанием «Ты» в ходе коммуникации, ведущей к априорной значимости высказывания для «Нас». Однако концепции «языковой игры» Л. Витгенштейна, а также различного рода «сообщества», предложенные американскими философами и социологами («неограниченное сообщество исследователей» Ч. С. Пирса; «сообщество интерпретации» Дж. Ройса; «сообщество универсального дискурса» Дж. Г. Мида), по мнению немецких философов, подлежат развитию на основе диалектики трансцендентального идеализма и исторического материализма. В науках об обществе, где человек является сразу и объектом, и субъектом таковых, научное познание априори не может быть свободно от ценностей.

«Критическая наука об обществе, мыслящая собственный объект одновременно и в качестве субъекта науки, не может отказаться от оценки целей самих человеческих поступков»⁷. Основой «идеального коммуникативного сообщества», по мнению К.-О. Апеля, является набор минимальных *правил этики*, к соблюдению которых *должно стремиться* любое исторически обусловленное, воспроизводимое в действительности «реальное коммуникативное сообщество». «Безграничный процесс познания в качестве реального социального процесса с неясным фактическим исходом является предметом сразу и логики, и этики», — констатировал философ⁸.

⁶ Уголовный процесс с точки зрения вариантов коммуникации, думается, гораздо беднее, поскольку не имеет в своем арсенале такое количество процессуальных процедур, как гражданский.

⁷ Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М., 2001. С. 200—201.

⁸ Апель К.-О. Указ. соч. С. 191.

На основе теории речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серла, К.-О. Апель из трех составляющих любого речевого акта центральным видит *иллокутивный акт*, выражающий коммуникативное намерение говорящего, заключающееся в желании быть понятым. А стандартное речевое действие понимается им как состоящее из двух частей: локутивной и иллокутивной. Иллокутивная выражается в перформативном предложении — высказывании, направленном на изменение реальности. Перформативное предложение само по себе не является истинным или ложным и всегда связано с действием, совершаемым одновременно с данным высказыванием, носит конститутивный (преобразовательный) характер и зависит от контекста.

Элементарным примером иллокутивного акта является дача обещания в разговоре или взятие обещания обратно. Локутивная часть означает констатирующее предложение (направленное на простое описание реальности), при этом его смысл (как его понимать) определяется именно иллокутивной частью. Перлокутивной части речевого акта (побуждающей к действию) К.-О. Апель и его последователи, в отличие от многих других ученых, не придают решающего значения⁹.

Чтобы перформативное предложение было успешным, должны выполняться определенные условия, своего рода «процедура». О них писали еще Дж. Остин и Дж. Серл (например, такие условия, как уполномоченность на совершение действия, искренность намерений в его совершении и пр.). На основе «процедуры» иллокутивного речевого акта К.-О. Апель и вывел минимальные этические правила для трансцендентальной прагматики и идеального коммуникативного сообщества.

Ю. Хабермас, как ученик К.-О. Апеля, подробнее разработал «нормативные требования значимости» к речевому акту с тремя модусами коммуникации: *нормативная правильность, истинность, правдивость*. Коммуникативной средой для взаимопонимания служат речевые акты:

а) установления и возобновления интерперсональных отношений, когда говорящий ссылается на что-то в *мире легитимных порядков*, выражая *притязание на признание данного действия правильным*, обычно в форме побудительных суждений или суждений о намерениях (регулятивные речевые акты — самые распространенные в праве);

б) описания или предположения о состояниях и событиях — говорящий ссылается на что-то в *мире существующих положений вещей*, здесь *выражается притязание на истину*, обычно в форме повествования (констативные речевые акты);

с) проявления переживаний, т.е. саморепрезентации, причем говорящий ссылается на что-то в привилегированно доступном ему *субъективном мире* и *высказывает притязание на правдивость* в форме суждений о переживаниях (экспрессивные речевые акты).

«Коммуникативно достигнутое согласие измеряется этими тремя доступными для критики притязаниями на значимость», — пишет Ю. Хабермас¹⁰. Каждый из трех актов может быть отвергнут слушателем как неправильный, неистинный или

⁹ Между тем в юриспруденции эта часть речевого акта в коммуникации является определяющей.

¹⁰ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М., 2022. С. 320.

неправдивый. В качестве дополнительного модуса Ю. Хабермасом предложена *понятность* (соответствие предложения языковым грамматическим правилам)¹¹. Это и есть *основы аргументативного дискурса* двух немецких философов. Центральным в нем является *притязание на правдивость, понимание*.

Таким образом, нормами идеальной прагматической коммуникации, проходящей в *форме аргументативного дискурса*, по К.-О. Апелю и Ю. Хабермасу, являются: *мотив участников — взаимопонимание, взаимосогласование*, так как в коммуникации в равной степени заложена как моральная, так и эвристическая основа; *запрет на преследование собственных интересов, не совпадающих с интересами всех («рациональное очищение дискурса»)*; правило воздержания от применения неаргументативных приемов (*соблюдение модусов коммуникации*); *признание других как равноправных участников коммуникации*, если они сами соблюдают правила аргументации; требование прилагать усилия для расширения горизонта понимания своих аргументов другими участниками, способствование открытости (публичности) в реальном коммуникативном сообществе (*правило максимального приближения реального коммуникативного сообщества к идеальному*).

Важнейшим доводом философов является мысль о том, что перформативные аспекты коммуникации, безусловно направленные на взаимопонимание, нельзя элиминировать, их можно только заглушить (скрыть) перлокутивными речевыми актами, преследующими стратегические цели (побуждение другого сделать что-либо в интересах побуждающего, отличных от общего интереса). Если коммуникация и ее мотивы сознательно не искажаются, то следование правилам и априорным нормам коммуникации гарантирует правильность и перформативную истинность¹².

Итак, идеальная речевая ситуация всегда основана на единственном мотиве — стремлении к взаимопониманию. Минимальное значение термина «взаимопонимание», как пишет Ю. Хабермас, состоит в том, что (по меньшей мере) два субъекта, способных говорить и действовать, идентичным образом понимают некоторое языковое выражение¹³. Коммуникация считается успешной, если все ее участники стремятся понять друг друга, даже если выяснится, что какие-либо утверждения, выдвигаемые в коммуникации, объективно неверны. *Моральное злоупотребление вышеуказанными нормами*, а также *отсутствие возможности включения в коммуникацию всех желающих* участвовать в ней лиц разрушительно влияют на коммуникацию и ее результаты.

Вышеуказанные авторы строили свои исследования применительно к *научному сообществу*, чтобы описать возможные механизмы самоорганизации в *научной среде*, добиться *максимального уровня познания в научной коммуникации*.

¹¹ *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 319—320 ; *Назарчук А. В.* Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 36.

Для юриспруденции этот модус также имеет важное значение, так как вся судебная коммуникация ведется не только на общеупотребительном, но и на профессиональном юридическом языке.

¹² *Назарчук А. В.* Теория коммуникации в современной философии. С. 35.

¹³ *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 319.

Цель такого сообщества — поиск истины. Рискнем предположить, что результаты этих исследований важны и для деятельности по осуществлению правосудия, ядром которой является судебное познание и доказывание. И дело здесь не только в целях правосудия, научной деятельности. Вопрос о значении научного сообщества для науки синонимичен вопросам о значении науки и рефлексивного опыта для всего человеческого бытия¹⁴. Согласимся с утверждением философов, что *способ разрешения истинностных претензий (конфликтов) в жизни общества ничем не отличается от того, который происходит в идеальном коммуникативном сообществе*¹⁵. Судопроизводство — не исключение. По крайней мере, как для отечественной, так и для немецкой юриспруденции вопрос об истине в правосудии всегда находился в ряду особо значимых.

В отличие от научного сообщества, реальность которого может быть и иллюзорной, «судопроизводственное сообщество», представляющее собой на макроуровне сообщество юристов-профессионалов, работающих в судебной сфере («судебных юристов»), а на микроуровне — сообщество участников конкретного судебного процесса (включая публику), всегда ограничено по числу участников и воспроизводится ежедневно. Правосудие в буквальном смысле, как и наука, всегда существует в социальном контексте, и им не занимаются в одиночку. Но правосудие, в отличие от науки, не транспространственно, не трансисторично и не транстемпорально.

К.-О. Апель, как и Ю. Хабермас, признают, что правовое принуждение возможно в дискурсивной этике, хотя и имеет компенсаторный характер. Основа старая — осознанная необходимость (принуждение без насилия). Осуществляемая в условиях ограничений по времени, пространстве, кругу лиц дискуссия не может проходить без участия направляющего ее «модератора», которому даны определенные правовые и властные полномочия. Но эти полномочия даются с целью достижения возможно высокой степени свободы от принуждения в коммуникации¹⁶ (вектор стремления к идеальному коммуникативному сообществу). Самой приспособленной в праве фигурой на роль модератора всегда был и будет суд.

Технические средства в коммуникации мы оставляем в стороне, так как солидарны с философами, что они могут как способствовать ведению аргументативного дискурса, так и препятствовать ему¹⁷. К примеру, правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства на основе ИИ может облегчить ведение спора, но может привести и к усилению зависимости судей и других участников судебного процесса от заранее сделанных прогнозов относительно итогов процесса¹⁸. Решение вопроса о том, *может ли участвовать в аргументативном*

¹⁴ Юдин Г. Б. Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 82.

¹⁵ Ситникова Е. И. К.-О. Апель об этическом измерении истории и политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3 (4). С. 48.

¹⁶ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002. С. 171.

¹⁷ Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. С. 43—44.

¹⁸ Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 58—72.

дискурсе ИИ наряду (или наравне) с человеком или должна применяться иная технология, зависит только от самого коммуникативного сообщества. Любое навязывание техники несовместимо с нормами дискурсивной этики.

Право отражает человеческие сознательные цели, но вместе с тем является объективной необходимостью природы¹⁹. На примере основ аргументативного дискурса и идеального коммуникативного сообщества попробуем установить, насколько закрепленные в процессуальном законодательстве модели взаимодействия участников судопроизводства им соответствуют (не соответствуют).

В науке гражданского процесса нет общих работ по коммуникации²⁰. Близкими к данной тематике являются предложенные в развитие деятельностного подхода идеи о взаимодействии участников гражданского судопроизводства²¹. Некоторые вопросы взаимодействия и поведения лиц поднимались применительно к частным вопросам²², отдельным категориям дел²³.

Действующие сегодня модели судопроизводства с точки зрения типологии коммуникации возможно представить следующим образом. Гражданский процесс — это межличностная публичная коммуникация; на основе синтеза вербальной (речевой, в судопроизводстве — принцип устности и письменности) и невербальной (знаки, жесты, символы, паралингвистические средства, в судопроизводстве — принцип непосредственности) с преобладанием вербальной коммуникации; синхронная по времени и однопространственная по месту; с вектором развития на асинхронность и разнопространственность (при применении дистанционных технологий); по модусам Ю. Хабермаса, большей частью направлена не на иллюкутивные речевые акты (притязание на правдивость и понимание), а на перлокутивное побуждение и даже принуждение (притязание на нормативную правильность), с основой в локутивной констатации.

Публичность межличностной коммуникации означает опосредование ее правилами, направленными на институциональное (в рамках реализации судебной

¹⁹ Скурко Е. В. Пост-право. СПб., 2022. С. 113.

²⁰ Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект. М., 2023 ; Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М., 2022.

Обе работы, напрямую не посвященные судебной коммуникации, используют коммуникативный подход для решения отдельных вопросов гражданского судопроизводства.

²¹ См.: Zubovich M. M. Арбитражное процессуальное взаимодействие. Иркутск, 2011 ; Резниченко И. М. Психологические аспекты искового производства. Владивосток, 1989.

²² Обычно это вопросы злоупотребления процессуальными правами, значения процессуального поведения участников для разрешения спора по существу. См., например: Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 12—32 ; Стрельцова Е. Г. Принцип непосредственности и неуловимые обстоятельства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12 (88). С. 120—127.

²³ Большинство представлены применительно к делам особого производства, связанным с определением правового статуса лица.

власти) общение не только с заинтересованными лицами, но и с публикой, а также затрагивание общественных интересов при осуществлении правосудия. В этом смысле процессуальная (судебная) коммуникация как форма управления совпадает по вектору с требованием стремления к идеальному коммуникативному сообществу. В этом ее преимущество по сравнению с непубличными формами рассмотрения юридических дел и разрешения споров (арбитраж, медиация, посредничество и др.). К сожалению, в последнее время вовлечение в аргументативный дискурс максимально возможного круга заинтересованных затухает и нивелируется. Современному правосудию не хватает публичности и демократичности²⁴.

Перлокутивность судебной коммуникации означает, что модус истинности в правосудии подкрепляет не притязание на правдивость и понимание, а притязание на нормативную правильность и понуждение. Причем львиную долю правильности и принуждения вносит современное отношение к судопроизводству не как к дискурсу о субъективном праве (интересе), а как к услуге в сфере управления с принудительным эффектом. То есть по *главному критерию аргументативного дискурса* — *мотиву взаимопонимания правосудие есть «рационально не очищенное реальное коммуникативное сообщество»*. А вектор его направлен в сторону, противоположную от идеального коммуникативного сообщества.

Такой вывод напрашивается относительно правосудия в целом, как по гражданским, так и по уголовным делам. Возьмем гражданский процесс, спустимся внутрь системы, на уровень видов гражданского судопроизводства. Здесь можно вывести следующий тезис: *чем больше добровольности в процедуре рассмотрения и разрешения дела — тем ближе данное производство к нормативным основам аргументативного дискурса и идеального коммуникативного сообщества*. Парадокс, но аксиома «истина рождается в споре», которой придерживаются практически все вышеуказанные философы и социологи (и юристы тоже), не работает в современном процессуальном праве.

Подключим критерий «характер взаимодействия» субъектов процесса. Получим, что известные в истории России правила гражданского судопроизводства можно классифицировать на две большие группы: взаимодействие, основанное на сотрудничестве, и взаимодействие, основанное на конкуренции (борьбе). В первом случае у сторон есть общий интерес, выраженный соответствующими целями, который дает им возможность ценить имеющиеся взаимосвязи и стремиться к их сохранению и воспроизводству, однако есть разногласия относительно ресурсов и средств в его реализации. Наблюдается стремление к взаимопониманию. Во втором случае такого общего интереса не наблюдается и каждая из сторон, защищая свое право, равнодушна к взаимодействию с противником в будущем. То есть мотив к взаимопониманию в процессуальных правоотношениях отсутствует. На основе этих двух типов взаимодействия нами предлагаются общие модели правового поведения в гражданском судопроизводстве — «процесс

²⁴ Подробнее см.: Громошина Н. А. Вектор юридической науки. Принципы и трансформация гражданского судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12 (88). С. 87—88; Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 239—240.

на будущее» и «процесс в прошлое». Первая ближе к основам дискурсивной этики, чем вторая.

Многие юристы уверены, что в обеих моделях господствует начало борьбы. С этим можно поспорить. Большинство судебных дел проходят как в сотрудничестве, так и в борьбе. К тому же борьба нарушает правило аргументативного дискурса по признаку запрета на преследование собственных интересов, не совпадающих с интересами всех, а также по признаку общего табу на принуждение. *История показывает, что для некоторых категорий дел (экономических споров, дел добровольной юрисдикции) чаще предпочитался вариант с сотрудничеством и мотивом на взаимопонимание.* Наша задача — выявить максимальное количество *типовых ситуаций судебной коммуникации* в процессе и создать модели процессуальной деятельности, органично принимаемые ее участниками в тот или иной момент динамики конфликта.

Помехи в развитии регулятивных правоотношений являются, конечно, поводом для властного управления со стороны суда²⁵, но это еще не означает, что такое управление должно реализовываться на методе принуждения. Судебная защита — не синоним государственного принуждения, процесс — не форма принудительной реализации материального права. В процессуальных правоотношениях, как и в материальных, *в равной степени* возможны как согласование и договоренность, так и принуждение. В этом смысле существующие виды производств неравноценны. На основе комбинации характера взаимодействия субъектов в процессе и используемого метода правового регулирования такого взаимодействия можно построить *пять типовых ситуаций коммуникации в гражданском судопроизводстве* — это:

1) модель, основанная на принуждении к сотрудничеству стороны с судом, но не сторон между собой — инквизиционный, следственный процесс (сегодня не практикуется);

2) модель, основанная на принуждении к сотрудничеству сторон и суда и сторон между собой и иными субъектами процесса, — процесс «сотрудничества всех со всеми» — «социальный гражданский процесс» (терминология Ф. Кляйна), «советская» модель состязательного гражданского судопроизводства (терминология С. Н. Абрамова, А. Ф. Клейнмана). Ее в современной России тоже практически не осталось. Вероятно, наиболее близка к ней модель производства по делам о несостоятельности (банкротстве) в АПК РФ;

3) модель, основанная на свободном волеизъявлении к сотрудничеству — «партиципативный» процесс, основанный на общем совете. В современном варианте обычно выражается в несудебных примирительных процедурах. Такие процедуры процессом, по сути, не являются. Известен тип именно судебного процесса, основанного на добровольном стремлении к взаимопониманию — добровольная юрисдикция, примером которой сегодня является особое производство;

4) модель, основанная на принуждении сторон к конкуренции перед судом (борьбе, независимо от их мотивации на войну или мир) — «смешанная состязательность», «инструкционный процесс». Большинство современных

²⁵ Масленникова Н. И. Гражданский процесс как форма социального управления. Свердловск, 1989. С. 27.

процессуальных кодексов, во главе которых стоит исковая форма защиты права, основаны на этой модели;

5) модель свободной конкуренции (борьбы) в процессе — «чистый» состязательный процесс, соревнование равных между собой сторон по их доброй воле, а не по принуждению. Редкая и самая старая модель процессуального взаимодействия. Она недостаточно изучена и требует пристального внимания в современный период развития судопроизводства.

С точки зрения воспроизводства идеального коммуникативного сообщества обращают на себя внимание третья и пятая модели. В них отсутствует принуждение, в целом не одобряемое концептом идеального коммуникативного сообщества. Самые «дальние» от идеала — первая и четвертая модели. При этом очевидно, что третья, основанная на добровольном сотрудничестве субъектов процесса в познании истины по делу способна создать наиболее благоприятные условия для аргументативного дискурса²⁶. В длительной перспективе такое «согласительное, согласительное правосудие» докажет свою способность создавать более качественное право.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М., 2001.
2. *Громошина Н. А.* Вектор юридической науки. Принципы и трансформация гражданского судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12 (88). — С. 83—89.
3. *Зубович М. М.* Арбитражное процессуальное взаимодействие. — Иркутск, 2011.
4. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию Андрея Васильевича Полякова : колл. монография : в 2 т. — СПб., 2014. — Т. 1 / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова ; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной.
5. *Масленникова Н. И.* Гражданский процесс как форма социального управления. — Свердловск, 1989.
6. *Назарчук А. В.* Теория коммуникации в современной философии. — М., 2009.
7. *Назарчук А. В.* Этика глобализирующегося общества. — М., 2002.
8. *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. — СПб., 2014.
9. *Поляков А. В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. — СПб., 2003.
10. *Резниченко И. М.* Психологические аспекты искового производства. — Владивосток, 1989.
11. *Скурко Е. В.* Пост-право. — СПб., 2022.

²⁶ В отличие от пятой, история которой показывает, что одна из сторон все же «привлекалась», «приводилась» на суд, а не являлась на него по доброй воле.

12. *Ситникова Е. И.* К.-О. Апель об этическом измерении истории и политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 3 (4). — С. 44—49.
13. *Стрельцова Е. Г.* Принцип непосредственности и неуловимые обстоятельства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12 (88). — С. 120—127.
14. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Современное понимание. — М., 2007. — Т. 3.
15. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. — М., 2022.
16. *Хук М. ван* Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб., 2012.
17. *Черных И. И.* Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 58—72.
18. *Юдин Г. Б.* Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. — 2010. — Т. 9. — № 3.

**Ярослава
Владимировна
КОМИССАРОВА,**

доцент кафедры
криминалистики

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

jvkomissarova@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Проблемные аспекты коммуникативной составляющей судопроизводства

Аннотация. Сегодня внимание юристов сосредоточено в большей мере на вопросах цифровизации судопроизводства в целом и судебной коммуникации, основанной на речевой деятельности участников процесса. Проблемы судопроизводства как самостоятельного вида социальной коммуникации остаются в тени. Поскольку показания участников судопроизводства являются самыми распространенными доказательствами, правоприменители нуждаются в актуальной информации о специфике их формирования и получения. Исследования, проводимые учеными-психологами в разных странах мира, в настоящее время ставят под вопрос возможность использования в доказывании без дополнительной проверки показаний даже добросовестных участников процесса. Правоприменители объективно не способны отличить ложные воспоминания от тех, которые связаны с событиями, действительно имевшими место. При проверке информации, сообщаемой участниками судопроизводства, следует использовать специальные знания из области лингвистики, психологии, психофизиологии и смежных областей. При этом выявление экспертным путем признаков осведомленности участника судопроизводства о юридически значимом событии либо искажения им сообщаемой информации необходимо отличать от процессуальной оценки доказательств.

Ключевые слова: правосудие, уголовное судопроизводство, международный коммерческий арбитраж, доказательства, межличностная коммуникация, психология памяти, показания участников судопроизводства, достоверность показаний.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.038-046

Yaroslava V. KOMISSAROVA,

Associate professor of Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor

[Jvkomissarova@msal.ru](mailto:jvkomissarova@msal.ru)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Problematic Aspects of the Communicative Component of Legal Proceedings

Abstract. Today, the attention of lawyers is focused more on the issues of digitalization of legal proceedings in general and judicial communication based on the speech activity of participants in the process. The problems of

legal proceedings as an independent type of social communication remain in the shadows. Since the testimony of participants in the proceedings is the most common evidence, law enforcement officers need up-to-date information about the specifics of their formation and receipt. Research conducted by psychological scientists in different countries of the world currently calls into question the possibility of using even bona fide participants in the process in evidence without additional verification of the testimony. Law enforcement officers are objectively unable to distinguish false memories from those related to events that actually took place. When checking the information provided by the participants in the proceedings, special knowledge from the field of linguistics, psychology, psychophysiology and related fields should be used. At the same time, the identification by expert means of signs of the participant's awareness of a legally significant event or distortion of the information reported by him must be distinguished from the procedural evaluation of evidence.

Keywords: justice, criminal proceedings, international commercial arbitration, evidence, interpersonal communication, psychology of memory, testimony of participants in court proceedings, reliability of testimony.

Трансформационные процессы, протекающие сегодня во всех сферах жизнедеятельности общества, меняют среду, в которой происходит общение между участниками судопроизводства. Понимание сути происходящих преобразований и соответствующее им обновление нормативно-правовой базы обуславливают необходимость диалога между специалистами в различных областях знания, поскольку понятие «общение» многозначно. Речь идет о сложном процессе установления и развития контактов между людьми, охватывающем: коммуникативную (обмен информацией), интерактивную (взаимодействие) и перцептивную (восприятие и понимание) составляющие¹.

Иногда термины «общение» и «коммуникация» используют в качестве синонимов, что не совсем верно. Термин «коммуникация» (лат. communicatio от communico — делаю общим, связываю, общаюсь) появился в научной литературе в начале XX в. С его помощью обозначают информационные процессы не только между людьми, но и с представителями животного мира, а также между неодушевленными объектами (например, техническими устройствами). Понятия «общение» и «коммуникация» пересекаются, когда рассматриваются передача информации от человека к человеку (межличностная коммуникация) и обмен информацией в обществе (социальная коммуникация)². В этом случае коммуникация предстает перед нами «как процесс создания общего, в котором мы

¹ Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 11—12.

² Подробно см.: Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации : учебник. М., 2002. С. 11 ; Колесникова С. В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352 (Ноябрь). С. 183—186.

осмысливаем информацию, стремясь к взаимопониманию через совместное смыслообразование»³.

Коммуникация как социальный процесс представляет собой единство технической, семантической и прагматической составляющих. Технический аспект коммуникации связывают с передачей информации по соответствующим каналам. Семантический отражает передачу и прием информации, включая ее понимание получателем. Прагматический учитывает влияние принятой информации на поведение получателей и эффективность использования ими этой информации⁴.

Как вид социальной коммуникации судопроизводство⁵ обладает мощным потенциалом с точки зрения влияния на общество в целом и каждого человека в отдельности. Жажда мести (при упрощенном толковании принципа «око за око и зуб за зуб») трансформируется в осознание неотвратимости возмездия за любое правонарушение: таким образом правосудие, осуществляемое в рамках судопроизводства, оказывает воспитательное воздействие на граждан.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство призвано обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Указанная цель достигается за счет использования нормативного правового «программирования» образа действий участников судопроизводства в условиях предварительно прогнозируемых ситуаций. Каждый участник процесса выполняет свою функцию. Его действия сами по себе не позволяют решить глобальную задачу по защите общества от преступных посягательств, но в совокупности обеспечивают реализацию назначения уголовного судопроизводства при отправлении правосудия по конкретным уголовным делам. Это значит, что эффективность уголовного судопроизводства во многом зависит от качества межличностной коммуникации⁶.

Выработка мер по оптимизации коммуникативной стороны судопроизводства осложняется ввиду отсутствия в юриспруденции универсальных дефиниций категорий «человек», «индивид», «личность». Они не разграничиваются даже в законодательстве. Это свидетельствует об актуальности междисциплинарных исследований категории «личность», а также проблем межличностной коммуникации применительно к юриспруденции.

Вряд ли кто-либо из правоведов и правоприменителей станет отрицать необходимость использования современных достижений различных наук о человеке и человеческой деятельности при производстве по уголовным делам и

³ Борцова Е. С. История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. № 2. С. 447—458.

⁴ Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Указ. соч. С. 24.

⁵ Не следует путать или отождествлять с «судебной коммуникацией» (судоговорением) — речевым взаимодействием участников судопроизводства. По данному вопросу см.: Кра-совская О. В. Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2011.

⁶ Об этом мы писали ранее, анализируя проблемы судебно-экспертной деятельности. См.: Комиссарова Я. В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М., 2014. С. 4.

судопроизводстве в целом. Однако в действительности ситуация складывается далеко не однозначная.

Некоторые ученые и практики, в том числе представители судейского сообщества, в последнее время все чаще подменяют понятия. Ошибочно используя в качестве равнозначных категории правдивость/лживость и достоверность/недостоверность, они относят к числу правовых вопросы, разрешение которых входит в компетенцию экспертов (психологов, лингвистов и др.).

Например, Г. А. Миронова правильно пишет, что «в рамках исследований видеозаписи показаний, которые проводят эксперт-психолог или специалист-психолог, могут устанавливаться признаки ложности показаний», но при этом ошибочно полагает, что «понятие «психологическая достоверность показаний» некорректно включает в себя правовой термин «достоверность», и от него следует отказаться»⁷.

Термин «достоверность» не является правовым. И термин, и понятие, которое он обозначает, используются при проведении всех видов теоретических и прикладных исследований. С опорой на позицию известных отечественных ученых — процессуалистов, криминалистов, специалистов в области судебной экспертизы мы неоднократно писали о необходимости разграничения понятий «истинность» («правдивость») и «достоверность» в судопроизводстве, процессуальной оценки доказательств и выявления экспертным путем признаков осведомленности субъекта о юридически значимом событии⁸.

По данному вопросу С. А. Шейфер справедливо отмечал: «В начальный момент доказывания предметом познавательной деятельности следователя являются не доказательства. Изначально в природе доказательства, а именно показания, заключения эксперта, протоколы следственных действий и т.д. (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) не существуют, и существовать не могут. Объективно отражаясь в окружающем мире, исследуемое событие оставляет в окружающей обстановке лишь следы... это еще не доказательства, ибо информации, содержащейся в них, еще предстоит быть выявленной, обрести требуемую законом процессуальную форму»⁹.

Проверка и оценка информации, имеющейся по делу (в том числе с использованием специальных знаний), необходима для того, чтобы ее можно было: во-первых, перевести из разряда криминалистически значимой в доказательственную; во-вторых, отвергнуть как несоответствующую действительности; в-третьих, ограниченно использовать в ходе проверки выдвинутых версий¹⁰.

⁷ *Миронова Г. А.* Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 11.

⁸ См., например: *Комиссарова Я. В.* Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // *Российский судья*. 2023. № 4. С. 22—28.

⁹ *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 12—13.

¹⁰ Подробно см.: *Васильева О. А., Холопова Е. Н.* Проверка и оценка криминалистически значимой информации при расследовании преступлений : монография. М. : Проспект, 2023.

В русском языке слова «правдивость» и «истинность» могут употребляться в качестве синонимов, однако слово «достоверность» по отношению к ним синонимом не является¹¹. Достоверность — это субъективная характеристика знания: «Достоверное знание может быть как истинным, так и ложным. Последний вариант, когда достоверным становится ложное знание, для судопроизводства весьма опасен, так как может приводить к судебным ошибкам. Факт существования судебных ошибок общепризнан, ни в одной стране мира уголовное судопроизводство не свободно от судебных ошибок»¹².

По данным американской некоммерческой правозащитной организации «Проект “Невиновность”», начиная с 1989 г., после проведения ДНК-анализа удалось оправдать 375 человек, 21 из числа которых были приговорены к смертной казни¹³. Оказалось, что одной из основных причин принятия ошибочных решений являются искаженные воспоминания, отраженные в показаниях участников процесса. Это побудило ученых и практиков в США и Канаде заняться разработкой рекомендаций в целях защиты судопроизводства от трагических ошибок из-за неточности показаний¹⁴.

Масштаб проблемы заставил задуматься не только тех, кто по роду своей профессиональной деятельности связан с уголовным судопроизводством.

В октябре 2015 г. на заседании Комиссии ICC по арбитражу и дружественному разрешению споров (далее — Комиссия) выступил английский королевский адвокат Тоби Ландау (Toby Landau QC) с докладом на тему «Ненадежные воспоминания, ложные воспоминания и свидетельские показания». Напомнив об уязвимости человеческой памяти, он указал на отсутствие научно обоснованных методик, используя которые, юристы могли бы повысить уровень доверия к показаниям участников процесса. Также он обоснованно предположил, что некоторые приемы, используемые для подготовки и представления показаний свидетелей по фактическим обстоятельствам в международном арбитраже, могут приводить к искажению информации, на которую опираются арбитры при принятии решения по делу.

Выступление известного адвоката побудило Комиссию создать рабочую группу по вопросам обеспечения максимальной доказательственной силы свидетельских показаний. Было решено привлечь известных психологов, занимающихся изучением памяти, а также опытных специалистов в сфере международного арбитража к проведению исследования в целях повышения осведомленности всех участвующих в международном арбитраже лиц о потенциальных опасностях, связанных со спецификой работы человеческой психики, препятствующих вынесению взвешенных, объективных решений.

¹¹ Фролова О. Е. О языке научного исследования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78). С. 147—154.

¹² Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 99.

¹³ URL: <https://pravo.ru/story/237716/> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁴ Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия / пер. с англ., сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. М., 2011. С. 311.

Представители международного коммерческого арбитража грамотно сформулировали задачу, на решение которой были потрачены значительные средства: повышение качества работы за счет минимизации влияния субъективных факторов на результат рассмотрения спора.

По итогам проведенного исследования рабочая группа подготовила отчет «Точность воспоминаний свидетелей по фактическим обстоятельствам в международном арбитраже» (далее — Отчет), который в сентябре 2019 г. был единогласно одобрен Комиссией на встрече в г. Сеуле (Республика Корея) и опубликован в ноябре 2020 г. Членами Рабочей группы по вопросам психологии в международном арбитраже ICC Russia Отчет был переведен на русский язык и издан в 2021 г.¹⁵

В Отчете отмечается, что за последние полвека учеными по всему миру проведены сотни экспериментов, которые продемонстрировали, что люди неосознанно принимают вводящие в заблуждение предположения за свои собственные воспоминания.

Один из самых значимых для правоприменителей вывод, сделанный исследователями, связан с оценкой силы воздействия, которым обладает информация, возникающая до и после события: используя ее, можно достаточно быстро дополнить, урезать или изменить воспоминания добросовестного участника процесса о любом событии, действительно имевшем место.

В Отчете приведен простейший пример. Исследования показали, что оценочные характеристики, включенные в вопрос, могут серьезно повлиять на ответ. Например, когда участников эксперимента просили определить продолжительность фильма, одних спрашивали, как долго он шел, а других — как быстро закончился. В первом случае оценка составила, в среднем, 130 минут, а во втором — 100 минут¹⁶.

Это значит, что важна каждая конкретная формулировка вопроса, адресуемого участнику судопроизводства. Замена одного слова на другое может существенно изменить его показания.

Безобидная на первый взгляд информация способна спровоцировать «перезапись» существующего воспоминания. За счет внешнего воздействия образы, сформировавшиеся в памяти человека в связи с каким-либо событием, не просто видоизменяются, в них появляется множество элементов, которых изначально не было и не должно быть, поскольку они оторваны от реальности. Риски растут, когда источник дезинформации вызывает доверие. Так, участники судопроизводства, полагаящие, что другой свидетель наблюдал то или иное событие дольше них, с большей вероятностью соглашались с неверными утверждениями.

Не соответствующая действительности информация о событии не просто приводит к искажениям, но зачастую влечет формирование так называемых ложных воспоминаний, которые ничем не отличаются от воспоминаний о событиях, имевших место в действительности. Данный тип воспоминаний следует отличать от добросовестного заблуждения и целенаправленной лжи, когда

¹⁵ Кайсин Д. В., Калиш Я. В. Выбор свидетеля для целей разбирательства в международном арбитраже: практические вопросы и психологические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 38—39.

¹⁶ Вестник психологии в международном арбитраже. Вып. 1. М., 2021. С. 12, 36.

человек может признать свою ошибку: арсенал тактико-криминалистических, психологических и прочих рекомендаций по преодолению заблуждения и разоблачению лжи достаточно велик. Опасность ложных воспоминаний заключается в том, что человек не готов от них отказаться даже при наличии неопровержимых аргументов.

Разного рода заблуждения оказывают существенное влияние на поведение людей, побуждают их менять свои показания. Игнорировать данный факт недопустимо.

Этот вывод стал руководством к действию для Комиссии, призванной готовить отчеты и рекомендации по правовым, процедурным и содержательным аспектам разрешения споров. Поскольку свидетельские показания являются не просто элементом разбирательства, но зачастую занимают в нем центральное место, были разработаны конкретные предложения, адресованные сообществу специалистов по международному арбитражу. Значительная их часть вполне применима и в судопроизводстве.

Здесь-то и возникает проблема человеческого фактора: «Помимо ловушек, связанных с возможными искажениями воспоминаний свидетелей, одной из серьезных задач для арбитров становится осознание своего собственного пристрастного отношения, которое влияет на восприятие свидетельских показаний. Арбитры — это люди, и они выносят суждения и принимают решения так же, как это делают другие люди»¹⁷.

Являясь субъектом сложной системы социальных отношений, каждый человек решает стоящие перед ним задачи, исходя из имеющихся психических возможностей, руководствуясь своими привычками и предпочтениями, социокультурным опытом, приобретенными знаниями, навыками и т.д. И не важно, кто перед нами — обвиняемый или следователь, «дистанцироваться» от собственных биологических, психологических и социальных свойств, игнорировать их никому не под силу. На этапе судебного разбирательства проблема приобретает особую остроту, поскольку правоприменители сталкиваются с необходимостью принятия судебного решения, непосредственно затрагивающего права и свободы не только подсудимого, но и других участников процесса.

С учетом изложенного нам представляется чрезвычайно важной просветительская деятельность, осуществляемая в обозначенном направлении силами профессорско-преподавательского состава Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Первым мероприятием стала научно-практическая конференция, организованная в июне 2019 г. совместно кафедрами криминалистики, уголовно-процессуального права, адвокатуры «Получение, оценка, использование показаний в уголовном судопроизводстве: человеческий фактор и цифровые технологии». Доклад доктора психологических наук, доцента В. В. Нурковой (в настоящее время — профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Российской академии наук) на тему «Показания — “царица доказательств” или “жертва заблуждений”?» побудил юристов взглянуть на показания участников судопроизводства под новым углом.

¹⁷ Вестник психологии в международном арбитраже. Вып. 1. С. 3.

Дискуссия получила развитие в апреле 2022 г., когда кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Рабочей группой ICC Russia по вопросам психологии в международном арбитраже в рамках IX Московского юридического форума провели конференцию «Научные тактико-криминалистические решения для профессиональной юридической деятельности».

В декабре 2022 г. кафедра гражданского и административного судопроизводства в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» провела круглый стол «Очная и онлайн-коммуникация в гражданском судопроизводстве: можно ли поставить знак равенства?». Его активными участниками стали сотрудники Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судьи арбитражных судов, судов общей юрисдикции, компаний, осуществляющих внедрение цифровых технологий в деятельность судов, представители сферы юридического образования и юридической науки, практикующие юристы, специалисты в области психологии и психофизиологии человека.

Конкретизацию обсуждаемых вопросов, расширение состава и географии участников можно только приветствовать, поскольку, как было отмечено выше, качество межличностной коммуникации в рамках судопроизводства непосредственно влияет на оценку его социальной значимости, укрепляя или дестабилизируя систему правосудия в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борцова Е. С.* История понятия «коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. — 2015. — № 2. — С. 447—458.
2. *Васильева О. А., Холопова Е. Н.* Проверка и оценка криминалистически значимой информации при расследовании преступлений : монография. — М. : Проспект, 2023. — 144 с.
3. Вестник психологии в международном арбитраже. — Вып. 1. — М. : ICC Russia, 2021. — 78 с.
4. *Кайсин Д. В., Калиш Я. В.* Выбор свидетеля для целей разбирательства в международном арбитраже: практические вопросы и психологические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 12. — С. 37—42.
5. Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия / пер. с англ., сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. — М. : Ломоносовъ, 2011. — 383 с.
6. *Комиссарова Я. В.* Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. — 2023. — № 4. — С. 22—28.
7. *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 368 с.
8. *Комиссарова Я. В., Семенов В. В.* Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 224 с.
9. *Колесникова С. В.* Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 352 (Ноябрь). — С. 183—186.

10. *Красовская О. В.* Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Киев, 2011. — 38 с.
11. *Миронова Г. А.* Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2022. — 22 с.
12. *Овсянников И. В.* Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 511 с.
13. *Фролова О. Е.* О языке научного исследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2 (78). — С. 147—154.
14. *Шарков Ф. И.* Основы теории коммуникации : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 350400 «Связи с общественностью» / Акад. труда и соц. отношений. — М. : Соц. отношения, 2002. — 245 с.
15. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 184 с.

Судебная коммуникация как предмет правового регулирования

Аннотация. Судебная коммуникация оказывает большое влияние на эффективность процессуальных механизмов защиты нарушенных прав, поскольку в основном своем проявлении представляет собой фактическое наполнение процессуального правоотношения. Несмотря на это, судебной коммуникации не уделяется должного внимания на законодательном уровне из-за слабой теоретической проработанности данной проблематики. Вследствие такого подхода не может быть в полной мере реализован потенциал гражданской (арбитражной) процессуальной формы, а в некоторых случаях пренебрежение интересами судебной коммуникации порождает препятствия для реализации права на судебную защиту и влечет нарушение ключевых принципов процесса. Преодоление негативных эффектов возможно прежде всего за счет переосмысления пределов использования в судебном правоприменении классических правовых средств регулирования общественных отношений (норма права, принципы, правосознание, правовая культура).

Ключевые слова: судебная коммуникация, гражданское судопроизводство, правовое регулирование, норма права, фактическая реализация правоотношения, равенство.

Ольга Александровна СУХОРУКОВА,
доцент кафедры
гражданского права
и процесса
юридического факультета
Воронежского
государственного
университета,
кандидат юридических наук
osuhorukova@gmail.com
394018, Россия, г. Воронеж,
пл. Ленина, д. 10а

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.047-054

Olga A. SUKHORUKOVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,

Faculty of Law,

Voronezh State University

osuhorukova@gmail.com

1, Universitetskaya pl., Voronezh, Russia, 394018

Judicial communication as a object of legal regulation

Abstract. Judicial communication has a great influence on the effectiveness of procedural mechanisms for the protection of violated rights, because in its main manifestation is the actual content of the procedural legal relationship. Despite this, judicial communication does not receive the necessary attention at the legislative level due to the weak theoretical development of this issue. As a consequence of this approach, the full potential of the civil (arbitration) procedural form cannot be implemented, and in some cases neglecting the interests of judicial communication creates obstacles to the right to judicial protection and entails a violation of key principles of the process. Overcoming the negative effects is possible, first of all, by reconsidering the limits of

© Сухорукова О. А., 2023

the use in judicial enforcement of the classical legal means of regulating social relations (the rule of law, principles, legal consciousness, legal culture).

Keywords: *judicial communication, civil litigation, legal regulation, rule of law, actual implementation of a legal relationship, equality.*

Судебная коммуникация все чаще обращает на себя внимание ученых-процессуалистов. И хотя пока это преимущественно связано с попытками осмысления процессуальных изменений периода пандемии и оценки возможностей использования информационных технологий в судопроизводстве, в том числе технологии искусственного интеллекта¹, все же определенное движение в направлении расширения научных взглядов в последнее время просматривается, например, в изучении таких аспектов процесса, как процессуальные соглашения², право быть заслушанным³ и др.

Если десять лет назад исследования судебной коммуникации носили единичный характер, то сейчас интерес к этой теме стремительно растет. Несмотря на это, пока трудно говорить о том, что судебная коммуникация прочно закрепилась в качестве составляющей предмета гражданского процессуального или арбитражного процессуального права. Это по-прежнему довольно «экзотическое» направление исследований. Причины столь тернистого пути кроются, видимо, в самой природе этого явления, которую право в его узкопозитивистском понимании, преобладающем до сих пор во всех наших отраслевых науках, воспринимает как чуждую себе. Очевидно, что пока этот миф не будет публично развенчан научным сообществом, сложно рассчитывать на ощутимый прогресс.

Итак, действительно ли право, в частности процессуальное право, избегает темы правового регулирования судебной коммуникации или это осознанный путь игнорирования? Нуждается ли вообще судебная коммуникация в правовом регулировании или можно обходиться инструментарием иных гуманитарных и социальных наук? И, наконец, возможно ли в принципе использовать правовые механизмы для решения проблем человеческой коммуникации?

Прежде всего необходимо определиться с понятием судебной коммуникации. В свое время автором уже было проведено исследование этого вопроса⁴, в результате которого сформировано представление о судебной коммуникации как о разновидности обычной человеческой коммуникации, обладающей лишь тремя специфическими чертами, а именно: особой сферой распространения (судебный процесс); специфическим субъектным составом (участником судебной

¹ См., например: *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // *Российская юстиция.* 2020. № 7. С. 46—49.

² См., например: *Шеменева О. Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017.

³ См., например: *Лукьянова И. Н.* Право быть заслушанным и услышанным в первой и проверочных инстанциях гражданского судопроизводства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2022. № 9. С. 50—55.

⁴ См.: *Сухорукова О. А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект. М., 2019. 149 с.

коммуникации может быть только участник судопроизводства) и наличием регулирующего воздействия норм и принципов процессуального права (коммуникация должна осуществляться в соответствии с нормами и принципами процесса и не должна затруднять их реализацию).

С учетом этих особенностей судебную коммуникацию, как и любую другую, можно описывать как процесс создания и интерпретации информационных сообщений, которые вызывают определенную реакцию вследствие того, что эти сообщения (сведения, знания, факты, мнения, размышления и т.п.), имеют некое значение или смысл для коммуникантов.

Таким образом, любая коммуникация, происходящая в связи с рассмотрением дела судом, является судебной коммуникацией, т.е. термин «судебная» в данном случае свидетельствует не о существенных феноменологических признаках такой коммуникации, а лишь о контексте, в котором она развивается. И это первая болезненная для права правда о коммуникации: она есть явление неправовой природы, возникшее задолго до права и независимо от него.

Вторая проблема, вытекающая из предыдущего тезиса, состоит в том, что позитивное право регулирует общественные отношения посредством создания юридических конструкций. В каждом втором учебнике по праву можно найти такое или подобное утверждение: «Правоотношение — это общественное отношение, урегулированное нормой права». По сути, эта урегулированность означает своего рода инициацию, в рамках которой общественное отношение облекается в трехкомпонентную (субъекты, объект, права и обязанности) структуру правоотношения и существует в нем уже только в таком переведенном на язык права формате.

Правоотношение — это что-то вроде голограммы реального общественного отношения, это правовой образ, совместимая с механизмом правового регулирования модель общественного отношения. Очевидным достоинством такого подхода является абстрактность правовой нормы, которая обеспечивает ее универсальную применимость. Однако в нем присутствует и негативный побочный эффект, который проявляется на стадии правоприменения и связан с невозможностью при создании нормы учесть контекст конкретной правоприменительной ситуации. Этот контекст, эти фактические обстоятельства и взаимодействие субъектов права, наполняющие абстрактную конструкцию правоотношения реальным содержанием, и есть коммуникация.

Для законодателя не составляет никакой сложности сформулировать норму права, которая спроецирует новое правоотношение и, соответственно, обогатит правовой статус субъектов новыми правами и обязанностями, т.е. на уровне статистики материального права все будет работать безупречно. Но как с помощью абстрактной нормы права регламентировать фактическую реализацию этих нормативных установлений? Решить эту задачу с помощью нормы права, даже процессуальной, до конца невозможно, потому что коммуникация всегда эксклюзивна. Конечно, коммуникации свойственны некоторые типичные для той или иной ситуации черты, но это сходство никогда не переходит в тождество, а потому, имея возможность замечать некоторые закономерности, скажем, поведения в суде тех или иных групп населения, конечно, можно сформировать более или менее адекватные ожидания у правоприменителя, но они всегда будут вероятностными.

Поскольку правовую, в том числе судебную, коммуникацию нельзя перевести в этот «правочитаемый» формат юридической конструкции, ее полноценное регулирование нормой права (именно нормой, а не вообще правовое регулирование) оказывается невозможным. В этом, очевидно, кроется причина скепсиса относительно возможностей правотворческих средств в плане воздействия на фактическую правоприменительную деятельность и обусловленного этим скепсисом стремления удерживать коммуникацию в ряду не подлежащих правовому регулированию явлений из разряда любви и дружбы, игнорируя при этом конкретные правовые эффекты, возникающие, например, в ходе судебной коммуникации.

И, наконец, третий аргумент в пользу отказа от правового регулирования коммуникации, опосредующей правореализацию, а уж тем более коммуникации, лишь косвенно с ней связанной, состоит в оспаривании целесообразности ее правового регулирования в принципе. В этом смысле можно говорить о том, что юридическое нормирование человеческой деятельности имеет свои пределы, внутри которых субъект права свободен от нормативных указаний права (кстати, другие регуляторы, например мораль, религия, иногда корпоративные нормы, этими пределами не ограничены). И раз так, фактическое взаимодействие участников правоотношения праву безразлично, если и поскольку оно не имеет правовой формы выражения.

Однако эти аргументы справедливы лишь отчасти. Наверно, можно назвать неважными для правового регулирования купли-продажи подробности разговора покупателя с продавцом на рынке, в результате которого продавец сделал внушительную скидку, узнав, что продукты предназначены для благотворительной акции. Хотя и здесь, если это, например, окажется неправдой, при желании можно будет говорить об обмане или заблуждении с соответствующими последствиями для сделки.

Применительно к судебной коммуникации в принципе трудно говорить о каких-то неважных ее проявлениях хотя бы потому, что все они происходят уже внутри правоприменительного процесса. Инициировав судебное разбирательство, истец и ответчик (поскольку он решил защищаться от иска) принимают неизбежный факт того, что их дело перестало быть только их личным делом, оно теперь находится в объективе государства. В русском языке есть очень хорошее выражение: «предстать перед судом», которое означает в том числе «обнаружиться, раскрыться, проявиться»⁵, а если рассуждать дальше — позволить суду в целях разрешения спора посмотреть на твое дело и на тебя самого в полноте и во всех подробностях.

В этой же логике следует интерпретировать процессуальный термин «*рассмотрение дела*». И поскольку судопроизводство является деятельностью познавательной, причем часто с преодолением сопротивления участников процесса установлению истины по делу, для суда имеют значение не только документы и иные доказательства, которые представлены лицами, участвующими в деле, но и их, и не только их, поведение, слова, интонации и т.п. Так же и для участников процесса важна коммуникация с судом в смысле формирования у них итогового

⁵ URL: feb-web.ru ; URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 13.04.2023).

чувства удовлетворенности или неудовлетворенности состоявшимся судебным разбирательством. Причем этот второй аспект имеет большое значение не только для данного процесса, но в особой мере и для регулирования отношений более высокого порядка на уровне политики права и общей оценки легитимности судебной власти.

Таким образом, следует исходить из того, что судебная коммуникация, независимо от ее причастности к процессуальному правоотношению, имеет значение для достижения цели судопроизводства и должна быть предметом правового регулирования. И, раз уж это так, осозная ограниченность в этом смысле существующего, по сути, легистского подхода, необходимо решить вопрос о его дополнении новыми инструментами воздействия и контроля. О том, что судебная коммуникация не должна развиваться хаотично и бесконтрольно, наверно, не стоит и говорить.

Для нормирования судебной коммуникации может быть использован любой социальный регулятор, который хотя бы в какой-то мере определяет поведение субъектов и их решения в конкретной жизненной ситуации. Это и правовые средства (нормы права, принципы права, правовая культура, правосознание), и неправовые (корпоративные нормы, мораль, религия и обычаи). При этом важно подчеркнуть, что речь идет именно о нормировании, т.е. регулировании судебной коммуникации, а не об управлении ею. Управление судебной коммуникацией непосредственно в процессе — чрезвычайно важный аспект судопроизводства, но в рамках настоящей небольшой статьи он не исследуется.

Итак, о правовых средствах. Процессуальное право способно регулировать судебную коммуникацию. В общем, сама по себе процессуальная форма, как любой алгоритм, уже обладает определенной регулятивностью, которая достигается множеством факторов, среди которых главное место занимают, конечно, нормы права. Хотя норма права, как уже было сказано выше, не способна детально урегулировать, т.е. на 100 % предопределить поведение участников в конкретном процессе, она, безусловно, задает некие общие пределы такого поведения.

Например, ст. 158 ГПК РФ, посвященная порядку в судебном заседании, закрепляет традиционные судебные ритуалы (вставать при входе судьи, давать объяснения стоя, обращаться к суду «Уважаемый суд!») и предусматривает обязанность соблюдать установленный порядок в судебном заседании. Между тем в ГПК РФ нет норм, содержащих правила поведения в судебном заседании. Порядок в судебном заседании — это сложившаяся система поведенческих конвенций, принятых профессиональным сообществом юристов (включая судей, адвокатов, прокуроров), причем каждый судья сам определяет, какие из этих конвенций для него важны, а какие — нет. Поэтому судебные заседания у разных судей довольно заметно различаются. В данном случае мы имеем дело с регулированием коммуникации на уровне не столько правовых, сколько корпоративных норм юридического сообщества.

И именно этот примат корпоративного регулирования представляет опасность для процессов с непрофессиональными участниками, которые нормами судебной культуры не владеют. Понимая это, судьи на практике считают разумным не предъявлять к таким субъектам требования, обусловленные поведенческими конвенциями юридического сообщества, например, не требовать от них

соблюдения правил специального этикета, правильного обращения в процессе, внешнего вида или уж во всяком случае не слишком их за это журить. Однако подобные послабления нередко приводят к ведению процесса с позиции превосходства, которое обусловлено даже не судебной властью, а принадлежностью к сообществу.

В процессах, где участник-неюрист оказывается в этом смысле в оппозиции к судье, профессиональному представителю процессуального оппонента, представителю органа государственной власти и т.п., он нередко ощущает себя «недостойным» субъектом коммуникации, тем, кого слушают невнимательно и свысока, что создает заметный дисбаланс в объективных итогах процесса и их субъективной оценке. В результате, особенно в случае вынесения решения не в пользу такого непрофессионального участника, мы получаем в его лице не удовлетворенного судебным разбирательством, жаждущего до последнего добиваться справедливости в судах проверочных инстанций, а на самом деле просто желающего отмщения, «в одиночку сражавшегося против всех» человека. Как не вспомнить здесь «смешного» Карандышева драматурга А. Н. Островского и трагические последствия пережитого им унижения.

Подобные ситуации являются результатом в том числе недоработки законодателя, который столь скудной формулировкой, упомянутой ст. 158 ГПК РФ, не помогает создать у непрофессиональных участников процесса правильный образ судебного заседания и дать им возможность смоделировать собственное поведение в нем, адекватно подготовиться. Поэтому целесообразно дополнить существующее регулирование положениями о необходимости в начале судебного заседания *разъяснять* лицам, участвующим в деле, не только их процессуальные права и обязанности, но и порядок в судебном заседании даже на минимальном уровне правил об уважительном отношении к суду и участникам процесса, о недопущении оскорбительных действий и высказываний, о необходимости испрашивать разрешение суда на все действия и объяснения и т.п., а также предупреждать участников об ответственности за нарушение указанных правил.

Эффективным может быть также включение обозначенных формул порядка в судебном заседании, наряду с правами и обязанностями, в текст направляемого в адрес сторон определения о принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству. В отсутствие соответствующего нормативного указания лишь некоторые судьи уделяют этому хотя бы сколько-нибудь внимания.

Принципы процесса, общеправовые и отраслевые, в сравнении с нормами обладают куда большими регулятивными возможностями в отношении судебной коммуникации. Высокая вариативность действий судьи и сторон в данном случае обусловлена тем, что принципы, не имея четкой нормативной структуры и существуя в основном как идея о должном, а не как его модель, применяются по большей части в контексте конкретного дела и правосознания конкретного правоприменителя.

Применительно к судебной коммуникации о принципах следует говорить в двух аспектах: во-первых, принципы обеспечивают работоспособность процессуальной формы и, соответственно, оказывают регулирующее воздействие на коммуникацию. Например, принцип раскрытия доказательств вынуждает стороны раскрывать доказательства на определенной стадии процесса, и они должны

это сделать, невзирая на возможное несоответствие избранной коммуникативной стратегии. Также запрет противоречивого поведения нередко оказывается неудобным для сторон в плане изменения правовой позиции и, соответственно, коммуникативного контура дела, учитывая, что процессуальный эстоппель, как отмечает О. Н. Шеменева, нередко проявляется и как бездействие сторон⁶.

Во-вторых, принципы являются индикатором, позволяющим обнаружить недостатки процессуального законодательства, затрудняющие ведение эффективной судебной коммуникации. Хорошая норма есть та, которая создает достаточные условия для суда и участников процесса посредством эффективной коммуникации, т.е. фактической реализации правовой нормы, правильно разрешить дело в соответствии с принципами процесса. Намеренно опускаю цели и задачи, связанные с защитой права, поскольку речь сейчас идет о самом механизме безотносительно ко многим позитивным эффектам от его надлежащего использования.

В качестве примера рассмотрим вопрос о реализации принципов равенства и равноправия в рамках упрощенных форм судопроизводства. Задумывался ли законодатель, когда внедрял эти формы, о людях, которые в силу объективных причин не способны вести письменную коммуникацию? Очевидно, нет, иначе они выглядели бы по-другому. Например, совершенно неясно, как в упрощенном или приказном производстве поучаствовать гражданам с ограниченными возможностями здоровья, например незрячим людям или людям с нарушением функций верхних конечностей, страдающим в тяжелой форме дислексией или дисграфией. Все они фактически лишены возможности полноценно взаимодействовать с судом, реализовывать свои процессуальные права и т.п. Действующий ГПК РФ не дает суду возможности в случае выявления подобных обстоятельств перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. В настоящее время ст. 232.2 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, и нужного среди них нет.

Судья, оказавшись в подобной ситуации коллизии нормы и принципа равенства, должен бы руководствоваться принципом, но в существующей парадигме этого, конечно, не произойдет. Конкретно эту проблему можно легко решить изменением формулировок закона, предоставив суду возможность переходить к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, если рассмотрение дела в порядке упрощенного производства не позволит сторонам или одной из них, вследствие ограничений здоровья или иных признанных судом существенными обстоятельств, осуществлять свои процессуальные права и вести равную судебную коммуникацию. Если смотреть более широко, то законодательство, принятое без учета возможностей равной судебной коммуникации для всех, является дискриминационным. И пока так, необходимо, чтобы судьи проявляли сообразную их высокому статусу смелость осуществлять правосудие даже вопреки существующим нормам права, не делая это, разумеется, обычной практикой.

⁶ Шеменева О. Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 343—353.

Два следующих правовых средства, которые можно задействовать для регулирования судебной коммуникации, — правовую культуру и правосознание, ввиду их тесной взаимосвязи можно рассмотреть совместно. Говоря о регулирующих свойствах индивидуального правосознания, прежде всего следует сконцентрироваться на его влиянии на внутренние побудительные мотивы человека. Представление человека о юридически должном и соответствующая ему мысленная модель развития отношения, безусловно, во многом определяют поведение, в том числе в суде. Например, человек не лжет в суде из страха уголовно-правовых последствий, которые, как известно, для стороны по делу не предусмотрены. В этом случае его поведение определяется индивидуальным, пусть и основанным на незнании закона, правосознанием.

Правовая культура воздействует на коммуникантов похожим образом, формируя некую общественную реальность, основанную на отношении к праву, к правоприменению, в том числе связанную с совокупным опытом правового поведения, отражая во многом общественные настроения в определенный момент истории. Конечно, правовая культура и самостоятельно, и в силу влияния на правосознание в определенной степени регулирует поведение субъектов в суде. Однако надо признать, что и правосознание, и правовая культура, являясь регуляторами более высокого порядка, довольно трудно поддаются ручному управлению и переориентировать их с учетом новых потребностей процесса, даже осознанных политической права, будет довольно нелегко, хотя и возможно при верном целеполагании.

Каждый из названных правовых инструментов (нормы, принципы, правосознание, правовая культура) может и должен быть задействован в регулировании судебной коммуникации, но для того, чтобы это регулирование было эффективным, необходима серьезная теоретическая основа. Только через научное осмысление и объяснение коммуникативных процессов в суде, через выявление их взаимопроникновения с конструкцией процессуального правоотношения можно прийти к пониманию того, как это правовое регулирование следует осуществлять.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. — 2020. — № 7. — С. 46—49.
2. *Лукьянова И. Н.* Право быть выслушанным и услышанным в первой и проверочных инстанциях гражданского судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 9. — С. 50—55.
3. *Сухорукова О. А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект. — М. : Юрайт, 2019. — 149 с.
4. *Шеменева О. Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. — М. : Инфотропик Медиа, 2017. — 312 с.
5. *Шеменева О. Н.* Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 343—353.

Коммуникативный подход к праву и некоторые вопросы предмета и методологии науки гражданского процессуального права¹

Аннотация. Гражданский процесс рассматривается через призму коммуникативного подхода к пониманию права как взаимодействие лиц, заинтересованных в отыскании наилучшего решения для урегулирования возникшего конфликта. Коммуникативный подход позволяет выявить барьеры и сложности для эффективной коммуникации, выработать новые подходы к решению проблем гражданского судопроизводства, по-новому взглянуть на его внутреннюю структуру, взаимодействие с иными внесудебными порядками защиты субъективного права. Взгляд на гражданский процесс как сферу коммуникации обосновывает обращение к законам распространения информации, восприятия передаваемых сообщений, выявляет значимость информационного взаимодействия до обращения в суд и в ходе рассмотрения дела в суде, влияние на принятие итогового решения, что, по мнению автора, является основанием для постановки вопроса о расширении предмета и методологии науки гражданского процессуального права.

Ключевые слова: коммуникативный подход, судебная коммуникация, М. ван Хук, А. В. Поляков, правовое информирование, совещательная коммуникация, судопроизводство.

**Мария Витимовна
САМСОНОВА,**

доцент кафедры
гражданского
и административного
процесса

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

samsonova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.055-062

Mariya V. SAMSONOVA,

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

samsonova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Communicative approach to law and some issues of the subject and methodology of civil procedural law science

Abstract. The civil process is viewed through the prism of a communicative approach to understanding law as the interaction of persons interested in finding the best solution to resolve the conflict that has arisen. The communicative approach makes it possible to identify barriers and difficulties for

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

effective communication, to develop new approaches to solving the problems of civil proceedings, to take a fresh look at its internal structure, interaction with other non-judicial procedures for the protection of subjective law. The view of civil procedure as a sphere of communication justifies the appeal to the laws of information dissemination, perception of transmitted messages, reveals the importance of information interaction before going to court and during the consideration of the case in court, the impact on the final decision, which, in the author's opinion, is the basis for raising the issue of expanding the subject and methodology of the science of civil procedural law.

Keywords: *communicative approach, judicial communication, M. van Hook, A. V. Polyakov, legal information, advisory communication, judicial proceedings.*

Невозможно решить проблему на том же уровне,
на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы,
поднявшись на следующий уровень.

Альберт Эйнштейн

Изменения в общественной жизни, их нарастающая динамика являются причиной кризисных настроений в обществе, порождают неудовлетворенность достигнутым уровнем знаний и одновременно выступают стимулом научного поиска, источником новых идей². Рождаются новые подходы к пониманию и объяснению правовых явлений, закономерностей их возникновения, развития, соотношения правового и неправового в жизни социума и т.п. «На эти вопросы применительно к правовой реальности пытается найти ответы постклассическая юридическая парадигма. Право с точки зрения постклассической парадигмы — это многогранный, сконструированный и воспроизводимый практиками людей феномен... приближенный к практическим нуждам современного социума»³.

Рост знаний, благодаря современным социофилософским и теоретико-правовым исследованиям, несомненно, укрепляет фундамент современной цивилизации. Но одновременно он вызывает потребность в исследовании и осмыслении ценности и практической значимости постклассической юридической парадигмы, признающей плюрализм различных подходов и концепций, и в то же время допускающей их интеграцию, для отраслевых правовых наук⁴.

² См., например: *Честнов И. Л.* Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 118.

³ *Честнов И. Л.* Указ. соч. С. 121.

⁴ «Теория права и отраслевая юридическая наука находятся в состоянии активного поиска своего места, метода и цели. В процессе этого поиска рождается множество объяснений, гипотез, актуальных для исторического периода их появления. В литературе обосновываются плюрализм научных объяснений и относительность истинности тех или иных суждений и теорий в зависимости от сферы их распространения и цели их формирования» (*Филиппова С. Ю.* Коммуникативная теория права и инструментальный подход: является ли право магией? // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 6. С. 78).

С. Ю. Филипова не без оснований указывает на консерватизм в научных подходах к исследованию отраслевых проблем. «К сожалению, в то время как такой плюрализм для теории права является нормальным и общепризнанным, отраслевая юридическая наука продолжает основываться на преобладании догматизма, другие направления юриспруденции ею практически не разрабатываются. В праве не видят ничего, кроме набора данных извне правил, действующих самостоятельно и обеспеченных принудительной силой государства»⁵.

Наука гражданского процессуального права не является исключением. Поступательное развитие цивилистического судопроизводства с 1995 г. характеризуется постепенной модернизацией процессуальных правил, нацеленной на адаптацию к изменяющейся внешней среде. Однако однозначно успешными происходящие изменения признавать преждевременно. И одна из причин медленного развития процессуальных законодательства и науки кроется в том, что арсенал методов научного познания науки гражданского процессуального права остается прежним. В качестве решения проблем, существующих в XXI в., предлагаются решения, по сути, аналогичные выработанным еще в XIX в. и в советское время: введение приказного, заочного, упрощенного (письменного) производства, расширение оснований для их применения, сокращение проверочных инстанций, уменьшение/увеличение оснований для участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе, ослабление/усиление активности суда при рассмотрении гражданских и административных дел. Ни одно из указанных изменений не характеризуется принципиальной новизной.

В итоге мы приходим к выводу, что при всех изменениях во внешней среде модернизация процессуального регулирования осуществляется на основе прежних идей, все теми же приемами и средствами. И, несмотря на многочисленные реформы и преобразования последних двух столетий, в сфере отправления правосудия все также остаются актуальными слова Г. Р. Державина, адресованные Александру I, о необходимости реформирования судебной деятельности: «Скорое удовлетворение просителей и изыскание средств к уменьшению тяжб всегда были главнейшим предметом попечения человеколюбивых законодателей...»⁶.

Сегодня перед учеными и законодателем остро стоит задача *повышения качества правосудия* при постоянно нарастающем количестве поступающих на рассмотрения суда дел в условиях ограниченности ресурсов. Очевидно, что для этого нужны новые методологические подходы, которые позволят выработать принципиально новые решения для улучшения правосудия по гражданским делам и укрепления доверия к судебной системе в Российском государстве.

Обратимся к идеям современной теории права. Вторая половина XX в. представлена разнообразными концепциями и подходами правопонимания. При этом близки, но при этом являются самостоятельными инструментальный подход и коммуникативная теория. Внимание именно к этим направлениям научный мысли обусловлено прагматичностью разработанных концепций, возможностью

⁵ Филипова С. Ю. Коммуникативная теория права и инструментальный подход: является ли право магией? С. 78.

⁶ Цит. по: Великая реформа : Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е. А. Боровой. 2-е изд., доп. М. : Юстицинформ, 2019. С. 43.

применения их к решению практических задач, гуманистической направленностью.

Инструментальная теория права, акцентируя внимание на практическом предназначении права, на изучении поведения человека, получила развитие в рамках теории правовых средств, целеполагания юридической деятельности субъектов. Она успешно разработана и представлена в работах, посвященных проблемам частного права⁷.

Согласно коммуникативной теории реализация права происходит непосредственно в коммуникации⁸, она нацелена на познание и понимание права как целостного явления, объяснение взаимодействия правовых институтов, общества и государства. Несмотря на высокий уровень теоретических абстракций, коммуникативная теория правопонимания, как и инструментальный подход, содержит в себе значительный прагматический потенциал, который может быть применен в отраслевых правовых науках, в частности в науке гражданского процессуального права.

Коммуникативная теория права является одним из перспективных направлений в рамках постклассической концепции права, разрабатываемой зарубежными и российскими учеными со второй половины XX в.: М. ван Хуком, А. В. Поляковым, И. Л. Честновым, В. В. Лапаевой и др.⁹

В рамках настоящей статьи мы не ставим целью анализ коммуникативной концепции правопонимания, ее достоинств и недостатков, но обозначим положения, которые формируют в некоторой степени иной взгляд на гражданский процесс, рождают новые идеи и подходы для решения проблемных вопросов в сфере цивилистического судопроизводства¹⁰.

⁷ См., например: *Пугинский Б. И.* Инструментальная теория правового регулирования // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2001. № 3. С. 21—31 ; *Файзрахманов К. Р.* Инструментальная теория права как методологическая основа исследования системы субъективных гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 105—109 ; *Филиппова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. М. : Статут, 2013.

⁸ «Таким образом, правовая коммуникация — это, во-первых, правообразование как коммуникация социума и правовой системы, при которой последняя реагирует на общественные потребности и ожидания, складывающиеся из потребностей и ожиданий конкретных людей; во-вторых, реализация права, т.е. коммуникативный процесс согласования поведения человека (широких слоев социума) с информацией, сформулированной в нормах права. Во всех этих интерактивных процессах задействован субъективный — человеческий — фактор» (*Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л.* Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 85).

⁹ *Хук М. ван.* Право как коммуникация. СПб., 2012 ; *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004 ; *Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л.* Указ. соч. ; *Лапаева В. В.* Коммуникативные концепции права в контексте актуальных задач российской правовой теории и практики (с позиций либертарного правопонимания) // Правоведение. 2014. № 6. С. 77.

¹⁰ Следует отметить, что обращение к коммуникативному подходу в науке гражданского процессуального права не является принципиально новым. Рассмотрение гражданского

1. Коммуникативная концепция правопонимания расставляет по-своему акценты в уяснении сущности права и иных правовых явлений, уделяя больше внимания исследованию межличностного взаимодействия в правовой и иных сферах и выявлению взаимодействия различных социальных сфер: норм, ценностей, доктрины. Марк ван Хук о своей работе «Право как коммуникация» писал: «Анализ правового феномена в терминах коммуникации имеет несколько преимуществ. Он представляет право как средство человеческого взаимодействия, а не как самодостаточный вывод. Этот концепт делает возможным широкий, плюралистический анализ, поскольку коммуникация может быть обнаружена на различных уровнях и в различных формах. Он не ведет к разработке закрытой системы, она остается незавершенной, так как акцент делается на коммуникативном процессе, а не на фиксированных элементах, например «нормах»»¹¹.

Приведенные размышления о сущности права позволяют увидеть некоторые традиционные положения науки гражданского процессуального права по-иному. При изучении и поиске решений процессуальных проблем значимым становится фактическое поведение участников «процессуального» общения, цели, мотивы, ограничения, сложности, которые испытывают субъекты такого взаимодействия.

Следует поддержать О. А. Сухорукову, утверждающую, что «судебный процесс есть прежде всего коммуникация, и не каждое ее проявление можно описать с помощью конструкции процессуального правоотношения, так как не любое поведение сторон в процессе можно урегулировать нормой процессуального закона, как, например, речевое взаимодействие участников процесса, в том числе сторон друг с другом и т.п.»¹². Такой подход расширяет предмет и методологию научных исследований в сфере цивилистического судопроизводства; полученные результаты, в том числе междисциплинарных исследований, смогут дать объективную основу для оценки соответствия и достаточности или пробельности процессуального регулирования.

Другой толчок для процессуальных исследований дает взгляд на современное право не только как на меру возможного поведения, но и как на средство, устанавливающее компенсационные механизмы наиболее слабым членам общества, обеспечивающее равенство стартовых возможностей в реализации гражданами своих основных прав и свобод¹³. Применительно к гражданскому процессу эта мысль очень важна, поскольку позволяет поднять вопрос о создании специальных процессуальных правил, вводящих компенсационные механизмы для лиц, испытывающих определенные ограничения в коммуникации в силу объективных особенностей развития, заболеваний и т.д. И это значимо не только для таких лиц. Следует понимать, что коммуникативные проблемы создают трудности и для

процесса через призму коммуникации см.: Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект : монография. М. : Юрайт, 2019 ; Ференс-Сороцкий А. А. Коммуникативный подход к праву в работах А. В. Полякова и некоторые проблемы теории гражданского процесса // Правоведение. 2015. № 1.

¹¹ Хук М. ван. Указ. соч. С. 21.

¹² Сухорукова О. А. Указ. соч. С. 24.

¹³ Лапаева В. В. Указ. соч. С. 89, 93.

суда, и для адвокатов, и для прокуроров, в конечном итоге препятствуют установлению обстоятельств дел и принятию обоснованного и справедливого решения.

2. «Право предполагает рамки, внутри которых граждане могут достичь понимания норм и ценностей, реализовать коллективные стремления, разрешить конфликты и столкновения интересов. Все это играет важную роль в создании и сохранении социальной связи и интеграции»¹⁴.

Гражданский процесс представляет собой среду, в которой происходит наиболее тесное взаимодействие по поводу права, применение общего правила к конкретной ситуации, когда право из должного переходит в сущее и может быть осознано как реально существующее и действующее. Именно в период рассмотрения дела в суде участники правового конфликта испытывают на себе наибольшее воздействие правовых норм, уясняют их смысл и вынуждены ими осознанно руководствоваться. В этот период такое взаимодействие должно быть защищено от искажений, неквалифицированных и агрессивных комментаторов и интерпретаторов. В этот период наиболее болезненно воспринимается ошибочность принимаемых решений, их немотивированность, профессиональное безразличие, что подрывает доверие к праву и правосудию в целом.

Полагаем, что обозначенная проблема может быть решена за счет системы мер качественного информирования и поддержки участников судопроизводства как при обращении за судебной защитой, так и в период рассмотрения дела в суде. Это необходимо не только в тех случаях, когда лицо самостоятельно ведет свое дело в суде. Когда участники действуют в процессе через профессиональных представителей, содержательное и качественное информирование о процессуальных правах, обязанностях, порядке их осуществления понятным языком в удобной форме может выступать в качестве дополнительных мер поддержки, повышающих доверие как к своему представителю (и своевременно предотвращающих совершение фактических и процессуальных ошибок), так и к судебной системе в целом.

Если же стороны действуют в процессе самостоятельно, эти меры окажут им основную помощь и станут направляющими во взаимоотношения с судом. Сегодня правовое информирование может быть реализовано с помощью современных технологий распространения информации, использования законов массовой коммуникации. Это автоматизированные помощники, конструкторы документов, чат-боты и т.д. Невозможно обеспечить и гарантировать качественную работу каждого представителя по делу, но возможно дать непрофессиональным участникам информацию и обеспечить самостоятельное понимание права и процессуальных правил для грамотного и ответственного поведения при рассмотрении споров в суде.

Правовое информирование должно отвечать запросам различных категорий граждан и давать ответы, понятные применительно к конкретным ситуациям. Такого рода информирование предполагает проработку и правовых, и психологических, и лингвистических аспектов, подготовку ответов, понятных различным группам адресатов, т.е. предполагает теоретические и практические междисциплинарные исследования.

¹⁴ Хук М. ван. Указ. соч. С. 93.

3. Гражданский процесс — это пространство, в котором между всеми его участниками происходит обмен данными, которые они получают извне. Здесь происходит взаимодействие двух информационных сред. Информация, необходимая для рассмотрения дела, образуется и накапливается вне судебного процесса. Далее она поступает в информационное поле гражданского процесса через его участников и суд. В итоге информация аккумулируется в рамках конкретного дела и остается там.

Взгляд на гражданский процесс как единое информационное пространство, взаимодействующее с внешней средой, позволяет не только по-иному взглянуть на традиционные вопросы познания и доказывания в ходе рассмотрения спора, но и посмотреть по-новому на внутреннюю организацию гражданского процесса, взаимодействие между его структурными элементами — производствами, а также иными несудебными порядками защиты нарушенного субъективного права.

Так, на сегодняшний день нет движения информации об установленных обстоятельствах между различными судебными порядками (например, между приказным и исковым производством, между особым и исковым, гражданским и арбитражным и т.д.), минимально — между различными юрисдикционными порядками защиты права (административным и судебным, судебным и досудебным порядком урегулирования спора).

Отсутствуют согласованные требования к документам, формируемым вне процесса, которые потенциально могут быть использованы в качестве судебных доказательств. Между тем накапливаемая информация по каждому делу представляет интерес для ее обработки с целью выявления типовых дел — по обстоятельствам, доказательствам, требованиям и применимым нормам. Однако сегодня вся эта информация не структурирована, поскольку нет соответствующих требований ни к процессуальным обращениям (документам), ни к доказательствам, формируемым вне процесса. Между тем это важная предпосылка для организации в дальнейшем работы с большими данными для выявления типовых дел, автоматизации типовых действий, выявления ошибок в судах проверочных инстанций. Исследование проблематики «типовых гражданских дел» представляется перспективным научным направлением с точки зрения как формулирования критериев их выделения, так и постановки вопроса о разработке специального упрощенного порядка рассмотрения «типовых» дел.

Завершая предпринятую попытку рассмотреть влияние коммуникативного подхода на предмет и методологию науки гражданского процессуального права, можно прийти к выводу, что коммуникативный подход смещает представления о гражданском процессе на более высокую ступень познания, характеризующую реальностью, практичностью и открытостью. Он позволяет увидеть информационную основу всех процессов в сфере судопроизводства и обратить внимание исследователей на законы коммуникации, распространения информации, психологии общения и т.д.

В свете коммуникативного подхода гражданский процесс предстает перед нами как многогранное сложное явление, в котором переплетаются психологическое, социокультурное, нормативное, информационное. И эта совокупность аспектов, проявлений, их взаимосвязь, взаимное влияние должны стать предметом междисциплинарных исследований, учитываться при проведении правовых исследований цивилистического судопроизводства.

Отношения, наиболее тесно связанные с гражданским процессом — как предшествующие, так и сопутствующие рассмотрению дела в суде (правовое информирование, правовая и специализированная помощь участникам судопроизводства), отношения между участниками процесса (обмен информацией, совещания, иное взаимодействие), оказывают непосредственное влияние на эффективность рассмотрения дела в суде, поэтому должны определяться в качестве предмета науки гражданского процессуального права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. — 2013. — № 6.
2. Великая реформа : Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е. А. Борисовой. — 2-е изд., доп. — М. : Юстицформ, 2019.
3. Зайченко Е. В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
4. Лапаева В. В. Коммуникативные концепции права в контексте актуальных задач российской правовой теории и практики (с позиций либертарного правопонимания) // Правоведение. — 2014. — № 6.
5. Поляков А. В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. — М., 2008.
6. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. — СПб., 2004.
7. Пугинский Б. И. Инструментальная теория правового регулирования // Вестник Московского университета. — Серия 11 : Право. — 2001. — № 3. — С. 21—31.
8. Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект : монография. — М. : Юрайт, 2019.
9. Файзрахманов К. Р. Инструментальная теория права как методологическая основа исследования системы субъективных гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 2 (103). — С. 105—109.
10. Ференс-Сороцкий А. А. Коммуникативный подход к праву в работах А. В. Полякова и некоторые проблемы теории гражданского процесса // Правоведение. — 2015. — № 1.
11. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права. — М. : Статут, 2013.
12. Филиппова С. Ю. Коммуникативная теория права и инструментальный подход: является ли право магией? // Известия вузов. — Правоведение. — 2015. — № 6.
13. Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб., 2012.
14. Честнов И. Л. Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Правоведение. — 2013. — № 5 (310).

Судебная коммуникация и мотивировочная часть решения суда. О будущем гражданского процесса¹

Аннотация. Анализ судебной коммуникации, проводимый в данной статье, сосредоточивается на ее институциональном значении для гражданского процесса. С этой целью критически рассматриваются существующие версии изложения цели гражданского судебного разбирательства. Формулируется авторская концепция, в соответствии с которой объективно сгруппировавшимся целям гражданского судопроизводства становятся: властное обеспечение итогов судебного (формального) завершения конфликта, приведение в общественно доступную форму (в виде информации) мотивов сторон конфликта и резюмирование судом проведенного им анализа коммуникации.

В статью включен визионерский правовой этюд, касающийся проекции постгуманистической картины мира на содержание гражданских споров, обуславливающей ценность судебной коммуникации и системного изложения судом результатов ее анализа.

Ключевые слова: судебная коммуникация; цель гражданского судопроизводства; мотивировочная часть.

**Ирина Ильинична
ЧЕРНЫХ,**

доцент кафедры
гражданского
и административного
процесса

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
iichernykh@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.063-069

Irina I. CHERNYKH,

Associate Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
iichernykh@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Judicial communication and the reasoning part of the court decision. About the future of civil procedure

Abstract. The analysis of judicial communication, conducted in this article, focuses on its institutional significance for civil procedure. For this aim, existing formulations of the purpose of civil litigation are critically examined. The author's concept is formulated, according to which the objectively grouped goals of civil proceedings are: authoritative provision of the results of judicial (formal) resolution of the conflict, bringing into a publicity accessible form (information) of the motives of the parties to the conflict and summarizing by the court of the analysis of communication conducted by him.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

The article includes a visionary legal study concerning the projection of the posthumanist picture of the world on the content of civil disputes, conditioning the value of judicial communication and systematic presentation by the court of the results of its analysis.

Keywords: *judicial communication; purpose of civil litigation; motivation section.*

Рассматривая явления гражданского процесса, вынесенные в название статьи, можно предвидеть, что в первую очередь речь идет о их разнообразии, т.е. о совокупности таких различий, которые не подразумевают пересечения судебной коммуникации и мотивировочной части решения суда в едином аспекте. Понятие судебной коммуникации не является нормативно закрепленным, в то время как наличие в судебном решении мотивировочной части предусматривается нормами цивилистических процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ). При этом в философии и теории права существуют общие подходы к праву как к коммуникации².

Участниками судебной коммуникации в широком смысле являются все лица, имеющие отношение к судебному разбирательству гражданского конфликта. Составление же мотивировочной части решения является исключительной прерогативой и обязанностью суда. Требования к поведению вышеуказанных лиц, которое можно отнести к осуществлению судебной коммуникации в различных формах и на различных его этапах, с положенным тщанием детализируются процессуальным законодательством. Собственно говоря, описание должного поведения и составляет массив гражданского процессуального закона.

Что же касается мотивировочной части решения, то ее нормативное описание следует охарактеризовать как скудное. Хотя, конечно же, из общих начал и смысла гражданского процессуального законодательства непрерываемо следует, что именно мотивировочная часть в судебном решении демонстрирует приращение последнему полноты документальной обеспеченности, нормативной обоснованности, последовательности и исчерпываемости проведенного анализа уникальных обстоятельств спора, соответствие общеправовым установлениям и частным материально- и процессуально-правовым принципам. Повторюсь, однако: исходя из общих начал и смысла. Потому что, продолжая тему скудности описания мотивировочной части судебного решения, нельзя не упомянуть о совсем уж радикальных замыслах законодателя — исключить из судебного решения мотивировочную часть³.

Возвращаясь к вопросу сведения судебной коммуникации и мотивировочной части судебного решения в единую тему научного исследования, необходимо отметить, что, не являясь в правовых понятиях институтами гражданского

² См., например: Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 19.

³ Проблема активно обсуждалась в научном сообществе и описывалась в соответствующих публикациях. См., например: Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 68—73.

процесса, они имеют фундаментальное институциональное значение для гражданского процесса, поскольку характеризуют его как общественное приспособление, как властное устройство, предназначенное для снятия социального напряжения. Вот пояснения к этому тезису. Потребность в целеполагании для права вообще, для гражданского процесса в частности, первична, она — определяющая. В свое время гражданский процессуальный закон ушел от установления истины по любому делу как обязанности, как цели деятельности суда. Дискуссия об оправданности такого изменения закона при этом не утихает⁴. Сейчас целью деятельности суда в соответствии с законом является защита нарушенных прав и интересов граждан. В таком подходе есть свое достоинство: он несет выраженный гуманистический посыл. Но целый ряд соображений не позволяет согласиться с обоснованностью этой заявленной цели.

Правом активно усвоена и используется модель презумпций и фикций. Это, безусловно, удобный способ заполнения логических пустот в законотворческой и правоприменительной практике. Вместе с тем существует и негативная оценка. В. Д. Спасович считал, что презумпции — это «костыли правосудия», на которые опирается законоведение, когда не в состоянии решить тот или иной вопрос. С. А. Муромцев полагал, что презумпции свидетельствуют о недостатках юридического мышления⁵.

Не уделяется внимания тому, что все современное право вообще как глобальное явление есть не что иное, как связка столь же глобальной фикции и презумпции. Фикция, на которой оно основано, — это идея о неотчуждаемости прав человека. У человека при этом нет абсолютно ничего, что не мог бы забрать другой человек. Жизнь, здоровье, свобода, имущество, честь и достоинство — все это может быть отчуждено от лица, а личность фатально скомпрометирована. Отсюда вытекает и презумпция о способности и готовности общества в лице независимого суда защитить нарушенные права и интересы человека, лица. Не касаясь темы независимости суда, достаточно сосредоточиться на том, что правосудие не свободно от объективных проблем: это и пороки нормативного регулирования, и структурные недостатки судостроительства, и, наконец, ошибки суда, пресловутый человеческий фактор. Таким образом, судебная защита нарушенных прав и интересов — это действительно лишь презумпция.

Надо сказать, что и почва, на которую опирается презумпция их защиты (нарушенные права и интересы) — весьма зыбкая. Вот примеры, которые подтверждают различие между презюмируемым и реальным интересом. Интерес, который должен защищаться судом, может балансировать на грани законности, и эту грань сложно бывает определить. Самая очевидная иллюстрация — это злоупотребление правом. В таком случае формально законный (презюмируемый) интерес одной из сторон (или даже обеих сторон) должен быть учтен судом, но не может быть положен в основу разрешения конфликта в силу адекватно произведенной оценки

⁴ См. обзор спектра мнений в статье: *Шакирьянов Р. В., Шакирьянова Д. Р.* Вопросы установления истины в гражданском судопроизводстве в научных работах профессора М. К. Треушникова // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4.

⁵ Цит. по: *Кучинский В. А.* Юридические презумпции и фикции (общие черты и различия) // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 306.

мотивов стороны и выявления ее реального интереса. Другой пример: суд активно способствует заключению сторонами мирового соглашения, но не выясняет при этом, действительно ли таковое служит защите нарушенных прав и интересов.

Но существует, однако, прагматическая цель в функционировании судебной системы, которая законом не раскрывается, что при этом никак не преуменьшает основополагающее значение данной цели. Судопроизводство оказывается именно производством, которое занимается переработкой конфликтов. Гражданский процессуальный закон не употребляет понятия «конфликт», используя понятие «спор», которое контекстно подразумевает отношения сторон в ходе судебного разрешения — но чего? Мы не можем давать определение через определяемое и сказать: «спора». Недопустимо и употребление любого подвергнувшегося синониму с этой целью, например «разногласий», поскольку должно быть использовано более общее и универсальное понятие. Таковым является понятие «конфликт». Множественные одностипные споры могут быть основаны на общем социальном конфликте, но не на споре. К спору может привести в том числе и внутренний конфликт личности, нашедший такую форму выражения.

Однако сведение цели гражданского судопроизводства к устранению конфликта — чрезмерное упрощение. С. Л. Дегтярев в диссертации, посвященной этому вопросу, определяет главной задачей судебной власти устранение правовых конфликтов в обществе, но не защиту прав, свобод и законных интересов граждан, организаций⁶. Далее он солидаризируется с исследователями, выделяющими разрешение конфликта (завершение конфликта) в качестве последнего, шестого этапа конфликта⁷.

Но в подобных рассуждениях следует сместить акцент: разрешенный судом спор вовсе не означает прекращение конфликта. Так, психологами обращается внимание, что конфликты, заканчивающиеся поражением одной из сторон, приводят к установлению отношений, в которых потребности и интересы проигравшей стороны или не удовлетворяются, или удовлетворяются частично, что служит основанием для новых конфликтов⁸.

Учитывая приведенное мнение, необходимо обратить особое внимание на то обстоятельство, что завершению конфликта даже с учетом формального характера этого завершения предшествует совокупность коммуникативных событий, включающих в себя обнародование позиций сторон и обоснование вынесенного судом решения. Сама судебная процедура и состоит в обязательном и последовательном совершении коммуникативных действий, направленных на выявление обусловивших пребывание в конфликтном состоянии мотивов сторон. «Конфликт между людьми возникает не спонтанно. Он всегда объективно детерминирован. Конфликтную ситуацию создают действия других людей, препятствующие или ставящие под угрозу удовлетворение каких-либо глубоких и активных мотивов личности»⁹.

⁶ Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 9.

⁷ Дегтярев С. Л. Указ. соч. С. 40.

⁸ Денисенко Н. А. Конфликт как средство преодоления отчуждения в деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2004. С. 6.

⁹ Крогиус Н. В. Личность в конфликте. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1976. С. 3—4.

Современная наука (в частности, психология) столкнулась со сложно под-
дающимся «препарированию» треугольником: мысль — мотивы — информация.
«Мысль не только содержит информацию, но и несет в себе мотивационную и
эмоциональную составляющие. Мысль рождается конкретным человеком, вклю-
чается в его существование и в силу этого имеет для него определенный смысл.
<...> Своей связью с потребностями и переживаниями живая мысль и отличается
от информации, которая характеризуется только содержанием»¹⁰.

Но дело, однако, в том, что мысль не только содержит в себе информационную
составляющую наряду с мотивационной и эмоциональной, но и не имеет формы
общественного существования вне информации. Даже одни лишь обузданные эмо-
ции, проявившиеся на лице с крепко сжатыми губами, — это уже информация, если
кто-либо сторонний успел выражение этого лица заметить. И мы должны учитывать,
что информация — это общественная форма существования и передачи мысли,
эмоций. В свою очередь, если мы говорим об отгороженном сознании индивида,
«работающем» только на прием информации, но не на выдачу, то информация для
него — это плодородный слой для прорастания идей, топливо для мыслетворения.

Таким образом, не декларируемыми, но объективно сгруппировавшимися
целями гражданского судопроизводства становятся: властное обеспечение ито-
гов судебного (формального) завершения конфликта, приведение в общественно
доступную форму (в виде информации) мотивов сторон конфликта и резюмиро-
вание судом проведенного им анализа коммуникации. Ранее уже обращалось
внимание на то, что для общества как средоточия культуры ценность заявляемой
индивидуальной гражданской позиции непреходяща, поскольку априори такая
позиция положительно направлена¹¹. Поэтому вынесение судом мотивированной
оценки коммуникации, в ходе которой исследовался и был раскрыт гражданский
интерес (даже в итоге неудовлетворенный), — это и пополнение сферы обще-
ственного сознания очередным интеллектуальным артефактом, и достижение
цели гражданского судопроизводства.

В любом случае суд и используемый им процессуальный закон — это выда-
ющиеся прагматические достижения общечеловеческой культуры, социальные
институты, предназначение которых — способствовать преодолению конфликтов.
Сначала исторически оправдала себя идея обращения двух конфликтующих лиц
для внешней оценки конфликта к третьему лицу, обладающему мудростью или
властью, которое априори не должно быть пристрастным. Затем в результате
эволюционного развития теории и практики властного разрешения конфликтов
сформировалась процедурная последовательность действий профессиональ-
ных судей. Благодаря таким достижениям (подобно сбросу пара или излишнего
давления через специальный клапан) с большей или меньшей успешностью сра-
батывает и судопроизводство. Для социальной стабильности его работа необ-
ходима, важна и незаменима, даже если, подобно настоящему промышленному
производству, судопроизводство допускает брак. Главное, чтобы этот брак не
превышал пределы разумного, сбрасывал напряжение обоснованностью реше-
ний, а не накапливал его.

¹⁰ Шадриков В. Д. Некогнитивная психология. М. : Университетская книга, 2017. С. 87—88.

¹¹ Черных И. И. О месте цивилистического процесса // Законы России. 2022. № 8. С. 21.

Исходя из сказанного, несложно заключить, что большой проблемой общества станет быстрое увеличение качества (сложности) или количества конфликтов, а тем более и того и другого вместе, поскольку даже при большой продуктивности судопроизводства в формальном завершении конфликтов не могут быть достигнуты необходимая полнота и ясность коммуникации и, как следствие, обоснованность судебного решения.

Теперь несколько прогностических идей касательно того, что же может вызвать экспоненциальный рост количества конфликтов и разнообразие заявляемых в них требований?

Специалисты дают единообразную оценку технологических достижений прошедших десятилетий. Не оспаривается, что 90-е гг. прошлого века стали временем массового применения персональных компьютеров, в «нулевые» годы широко распространилась сеть Интернет, а 10-е гг. этого века прошли под знаком развития мобильного Интернета и социальных сетей. О 20-х гг. уже сейчас, задолго до их окончания можно сказать, что все предшествующие тренды соединились в развитии искусственного интеллекта. При этом степень активности разработки и неконтролируемого внедрения нейросетей в жизнь человека вызывает тревогу у ведущих специалистов данной сферы.

Отмечаются факты агрессивного общения чат-ботов с пользователями, воззвания о запрете дальнейшей разработки и внедрения ИИ собирают большое количество подписей. Но следует обратить внимание, что в протестном восприятии взаимодействия ИИ с обществом и сам ИИ, и человек предстают как цельные глобальные субъекты. Фокус внимания наводится на способности ИИ, при этом уходит на второй план чрезвычайное разнообразие человеческих личностей, характеров, мировоззрений. Расширение границ поведения, слом традиционных канонов бытовой жизни, множественность выбора являются для немалой части общества весьма и весьма привлекательными.

В частности, можно говорить и о взрывном росте вмешательства в собственное тело. Это и гендерные изменения, и пластическая хирургия, и декоративные украшения тела: татуировки, пирсинг, шраминг и т.п. Результаты вмешательств на уровне предметности, лишь как совокупность физических изменений, не вызывают опасений глобального характера. Но дело в том, что в проекции на общественное сознание это лишь следствие, которое имеет причину с важнейшим значением для социальной стабильности, для судебной системы, ее обеспечивающей. Какова причина? Это — мнение, это — убеждение, это — интересы. И в частности, это готовность или же неготовность увидеть мир по-новому, в свете разнообразия субъектов, в том числе субъектов права¹².

¹² Многочисленные религиозные войны и конфликты Средневековья и Нового времени являли собой битвы тел из-за столкновения духа. Сейчас угрозой для человечества становится предвестие битвы духа из-за разницы в осмыслении тела. Какую форму примет такая битва духа, во что она перерастет? Кто сможет определить удельный вес в обществе тех пассионариев, которые начнут возводить уличные баррикады в стремлении защитить равные права роботов, людей с имплантированными элементами ИИ, киберживотных, разумных растений, мыслящих жидкостей и т.п.? С точки зрения современной философии гуманизм вследствие открывающихся технологических воз-

Уже сейчас ожидаемое появление трудовых споров вследствие замещения рабочих мест технологиями ИИ заставляет думать о возможном переходе закона и суда от привычной опоры на правосубъектность в область равносубъектности. А далее возможен обвал готовых возникнуть по причине нового осмысления действительности конфликтов во всех видах отношений: обязательственных, семейных, наследственных, трудовых, авторских и т.д.

Удастся ли сдерживать конфликты новой жизни в границах цивилизованного разрешения споров? Сумеет ли судебная система компенсировать очевидно ожидаемый дефицит законотворческих достижений и устойчиво обеспечивать продуктивную коммуникацию в конфликтах и предоставлять социально востребованное осмысление не только бытовых, но и идеологических столкновений? Вопросы, пока что остающиеся открытыми...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Дегтярев С. Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 51 с.
2. *Денисенко Н. А.* Конфликт как средство преодоления отчуждения в деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Новосибирск, 2004. — 16 с.
3. *Крогиус Н. В.* Личность в конфликте. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. — 144 с.
4. *Кучинский В. А.* Юридические презумпции и фикции (общие черты и различия) // Юридическая техника. — 2010. — № 4.
5. *Хук М. ван.* Право как коммуникация. — СПб. : ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. — 287 с.
6. *Черных И. И.* О месте цивилистического процесса // Законы России. — 2022. — № 8. — С. 17—21.
7. *Шадриков В. Д.* Неокогнитивная психология. — М. : Университетская книга, 2017. — 368 с.
8. *Шакирьянов Р. В., Шакирьянова Д. Р.* Вопросы установления истины в гражданском судопроизводстве в научных работах профессора М. К. Треушниковой // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 4. — С. 3—8.
9. *Шерстюк В. М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. — М., 2021. — 398 с.

возможностей неизбежно трансформируется в трансгуманизм, что упрощенно понимается как манифест антропоцентрической логики, сохраняющей принципиальное иерархическое первенство человека, которому любые биологические вмешательства поставлены лишь на службу. Либо же в силу неизбежного столкновения между трансгуманизмом и постгуманизмом, победит последний, в соответствии с которым человек — это равный субъект в совместном социуме с машинами, животными, растениями, все из которых могут мыслить, чувствовать, обладать собственными интересами.

Коммуникативная компетентность участников гражданского судопроизводства: междисциплинарный аспект

**Елена Игоревна
ГАЛЯШИНА,**

и.о. заведующего кафедрой
криминалистики,
директор Центра
правовой экспертизы
в сфере противодействия
идеологии терроризма
и профилактики
экстремизма
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
eigaljashina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Речевое манипулирование и восприятие устной речи в судебной онлайн-коммуникации

Аннотация. В статье рассматривается особенность речевой коммуникации в условиях использования участниками процесса дистанционных технологий (видео-конференц-связи) применительно к возможности использования манипулятивных речевых средств воздействия на адресата. Отмечается влияние технических каналов связи и средств воспроизведения звука, вносящих искажения в речевые сигналы, на продуцирование и восприятие речи. Делается вывод о том, что участники, непосредственно и дистанционно присутствующие в зале судебного заседания, имеют разные возможности для использования арсенала речевых средств вербальной и невербальной природы для убеждения суда посредством манипулятивного и неманипулятивного воздействия.

Ключевые слова: устная речь, речевое манипулирование, онлайн-коммуникация, судоговорение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.070-078

Elena I. GALYASHINA,

Deputy Head of the Criminalistic Department, Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor,
Honorary worker of education of the Russian Federation
eigaljashina@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Speech Manipulation and Perception of Oral Speech in Court-Hearing Online Communication

Abstract. The article considers the peculiarity of speech communication in the conditions of the use of remote technologies (videoconferencing) by the participants of the process in relation to the possibility of using manipulative speech means of influencing the addressee. The influence of technical

communication channels and means of sound reproduction, which introduce distortions into speech signals, on the production and perception of speech is noted. It is concluded that the participants, directly and remotely present in the courtroom, have different opportunities to use the arsenal of verbal and non-verbal means of persuading the court through manipulative and non-manipulative influence.

Keywords: oral speech, speech manipulation, online communication, court speaking.

Устная форма общения — один из важнейших принципов судопроизводства во всех его видах. Суд с участниками судебного процесса, участников процесса между собой и судом — позволяет наилучшим образом воспринимать исследуемые судом доказательства, способствуя их надлежащей оценке. Язык используется в судебной коммуникации не только для того, чтобы передать юридически значимую информацию суду как главному адресату, сторонам и иным лицам, присутствующим в зале судебного заседания во время слушания дела, но и для того, чтобы воздействовать на окружающую действительность и мышление адресата в целях принятия процессуального решения в интересах говорящего.

Речевая коммуникация в судебном процессе отличается от иных форм человеческого взаимодействия с использованием языка как инструмента общения. «Суд — сфера кратковременного социально-ролевого общения. Для нее характерны высокая степень конвенционализации, которая опирается на стандартность и санкционируемость коммуникативной ситуации, а также иерархическая ролевая структура»¹.

Однако в судебном разбирательстве процессуальные оппоненты нередко искажают истину, показания свидетелей по делу не всегда правдивы и т.п., уровень языковой культуры судебного разбирательства сильно разнится, затрудняя понимание сказанного. В ходе судебного разбирательства судьей используются приемы проверки точности и ясности услышанного, включая переспросы, уточняющие вопросы, резюмирование сказанного участниками процесса. Помимо этого, в условиях онлайн-коммуникации судья лишен возможности получить непосредственное психологическое впечатление от показаний участников процесса, свидетелей, экспертов, специалистов, что необходимо для оценки их достоверности. С другой стороны, использование видео-конференц-связи (ВКС) потенциально содержит возможность воздействия на свидетеля или иное допрашиваемое лицо средствами, находящимися вне видимости видеокамеры, даже использование специального суфлера, что невозможно, если показания даются непосредственно в зале судебного заседания.

Изучение устного говорения как инструмента воздействия в онлайн-коммуникации тесно связано с исследованием механизма непосредственного и

¹ Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике : учебное пособие. М. : Флинта ; Наука, 2008. С. 9.

опосредованного техническими средствами восприятия устной речевой и неречевой информации.

Видео-конференц-связь (video conference) — компьютерная технология, позволяющая осуществить аудиовизуальное взаимодействие двух и более пользователей в режиме реального времени. Иными словами, она позволяет людям видеть и слышать друг друга, обмениваться данными и совместно их обрабатывать в интерактивном режиме, используя возможности персональных компьютеров (ЭВМ), соединенных между собой, с использованием сетей электросвязи².

С учетом сформировавшегося за эти годы дистанционного судопроизводства видео-конференц-связь может быть определена как технология для осуществления необходимых, в том числе процессуальных, действий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с использованием аппаратно-программных средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами.

В Регламенте организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний³ ВКС определена как способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами; оборудование ВКС — комплекс технических средств, состоящий из каналообразующего оборудования, программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи, отображения информации, ведомственной телефонии с интегрированной функцией передачи твердой копии документов (факсимильной связи), устройств конфиденциальной связи и резервного питания.

Ведущим свойством дистанционного аудиовизуального взаимодействия участников судопроизводства является обмен аудио- и видеоинформацией (онлайн-коммуникация) в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети либо с использованием закрытых каналов сети Интернет.

По мнению ряда исследователей, онлайн-коммуникация, помимо очевидных преимуществ использования дистанционных технологий, снижает убедительность выступления стороны перед судом, особенно при невысоком качестве связи⁴.

Поэтому особый интерес представляет криминалистическое изучение приемов манипулятивного речевого воздействия и особенностей языкового воплощения их механизма в судебном дискурсе, которые недостаточно изучены в лингвопрагматическом аспекте, но могут злонамеренно использоваться участниками процесса в условиях применения дистанционных технологий. Возможно оказание скрытого манипулятивного воздействия, при котором говорящим осуществляется

² Волеводз А. Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видео-конференц-связи // Военно-юридический вестник Приволжского региона. 2003. Вып. 1. С. 70—96.

³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/27/o_mode_na_onlajn-zasedaniya (дата обращения: 07.05.2023).

маскировка коммуникативных целей и ситуации психологического давления на судью или процессуальных оппонентов.

Речевая деятельность в судоговорении включает два аспекта: процесс говорения продуцирования речи и процесса ее восприятия. В реальных условиях судопроизводства слуховое восприятие происходит в присутствии постоянных шумов и помех⁵. Шум, затрудняя процесс слуховой обработки речи, приводит к возрастанию нагрузки на слуховой анализатор и повышает степень утомляемости слушающего и его эмоционального напряжения, делая более уязвимым к внешнему манипулятивному воздействию.

К условиям устно-речевой коммуникации относятся: опора на внеязыковую ситуацию, степень подготовленности или неподготовленности речевого акта, общность апперцепционной базы участников коммуникации, под которой понимается наличие общих сведений, жизненного опыта, использование интонации, просодии и т.д.⁶

Знание особенностей восприятия слуховых образов в условиях судебного заседания, специальных приемов и тактик, которые могут быть использованы при речевом манипулятивном воздействии, а также методов защиты от них, необходимы в первую очередь судьям для более обдуманного и критического восприятия информации, поступающей от разных участников процесса, в том числе в ходе онлайн-коммуникации. В условиях восприятия устной речи, преобразованной техническими устройствами, появляется опосредствующий канал, который может в той или иной степени оказывать влияние на характер передаваемой информации от говорящего к слушающему. Это влияние связано с искажениями звука, вызванными техническими ограничениями канала звукопередачи. Не меньшие проблемы восприятия возникают и при использовании онлайн-коммуникации, так как связь слухового образа со зрительным впечатлением обусловлена полимодальностью предметного восприятия целостного слухового образа. «Предметность слухового образа формируется постепенно, по мере накопления данных о соотношении зрительных и слуховых впечатлений»⁷.

Перцептивная деятельность человека, сидящего перед экраном монитора, начинается с приема визуализированной информации: в его сознании отражаются свойства воспринимаемого с экрана объекта и формируется его перцептивный (чувственный) образ. Физиологической основой формирования перцептивного образа является работа зрительного анализатора. Видимое изображение на экране монитора участника онлайн-коммуникации или демонстрируемых документов или предметов должно осуществляться синхронно со звуковым рядом без рассинхронизации, в едином коммуникативном акте, в противном случае зрению и слуху будут представлены два независимых события, которые не смогут создать целостный образ. Иными словами, зрительная информация должна синхронизироваться с предметным содержанием слухового образа, поступающего на сенсорные системы участников судебного слушания.

⁵ Галяшина Е. И. Судебное речеведение : учебник. М. : Норма ; Инфра-М., 2020. С. 54—55.

⁶ Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник. М. : Проспект, 2021. С. 123.

⁷ Носуленко В. Н. Психология слухового восприятия. М. : Наука, 1988. С. 111.

Вопрос о результативном, эффективном речевом воздействии — один из ключевых в судебной коммуникации. Среди множества риторических приемов и средств, используемых участниками процесса в судебном дискурсе, особое место занимает речевое манипулирование (или языковая суггестия), что далеко не всегда осознается.

Речевое воздействие в судоговорении — это управление человеческим мышлением и поведением, производимое с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации в направлении, нужном говорящему. Говорящий не просто сообщает какие-то сведения, а стремится к достижению определенной цели, связанной с разрешением дела. Эффективность речевого воздействия зависит от многих факторов — языковых, психологических, социальных, а также от опосредования речевой коммуникации техническими средствами⁸.

Психологи выделяют два основных способа речевого воздействия на аудиторию. При первом способе информирование осуществляется за счет сообщения слушающему совершенно новой информации, на основе которой он может изменить свое отношение к сообщаемому. Информирование может происходить также за счет изменения понимания слушающим взаимосвязи событий, без введения информации о каком-то новом событии. Второй способ — убеждение, он представляет собой способ побуждения к переосмыслению известной слушателю информации, которая представляется в ином ракурсе⁹.

И. А. Стернин определяет речевое воздействие как воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять точку зрения другого человека, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д. Критериями верности выбора языковых средств являются эффективность и результативность воздействия¹⁰.

Убеждение — это способ вербального воздействия, который включает в себя систему доводов, построенных по законам логики и обосновывающих какое-либо положение, это воздействие с помощью доводов разума, сознательное восприятие слова. Убеждение ориентировано на осмысленное, осознанное принятие адресатом каких-либо сведений, сочетает информирование, разъяснение и доказывание (аргументацию), логика построения аргументов должна быть доступна слушающему.

Под манипуляцией традиционно понимается воздействие, нацеленное на изменение активности человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им. Языковое (речевое) манипулирование — это коммуникативная стратегия, использующая специфические особенности языковых единиц для скрытого воздействия (внушения или суггестии) на адресата в интересах адресанта¹¹.

«Суггестия является необходимым компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации

⁸ Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии : монография. М. : НИУ ВШЭ, 2012. С. 10.

⁹ Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования : учебное пособие. 5-е изд., стер. М. : Флинта, 2020. С. 9—10.

¹⁰ Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Истоки, 2001. С. 59.

¹¹ Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Указ. соч. С. 11.

(манипулятивной), формируемый при помощи вербальных (слово, текст, дискурс) и невербальных (мимика, жесты, действия другого человека, окружающая обстановка) средств»¹². При манипулятивной коммуникации подаваемая информация воспринимается адресатом без ее критической оценки и логической переработки.

К манипулятивным приемам, которых можно ожидать в условиях судебной коммуникации, можно отнести целенаправленную подачу в определенный момент информации с целью воздействия на психоэмоциональную сферу участника судопроизводства. Например, сторона ответчика в ходе допроса свидетеля, вызванного по инициативе другой стороны, задает вопрос, имплицитно содержащий информацию об ангажированности свидетеля: «Вы приехали на одном автомобиле с истцом, вы его хороший знакомый?». Другой пример: представитель в судебном заседании об адвокате другой стороны (женщине, 69 лет) заявил: «Судебное заседание было сорвано, так как в очередной раз в суд не явилась адвокат Л., которая ушла в какой-то отпуск. Я не думаю, что она в декретном отпуске, хотя все может быть — госпожа Л. у нас выдающийся адвокат, поэтому она могла и с этим делом справиться спокойно».

Довольно часто встречается использование сторонами демагогии: употребление высказываний, запутывающих или превратно интерпретирующих то или иное обстоятельство, отвлекая или переключая внимание на несущественные моменты. Поскольку такая манипулятивная тактика искажает реальную картину мира, она позволяет представить факты и обстоятельства в свете, выгодном для адресанта. В специальной литературе описаны и другие приемы преобразования и подачи информации манипулятором (умолчание, селекция информации, передергивание информации, когда привлекается внимание к какому-то одному определенному аспекту. и т.д.)¹³.

В контексте судебной коммуникации уместно остановиться на типовых приемах, которые используются при манипулятивном воздействии:

- неопределенность тезиса — когда довод может быть вольно интерпретирован;
- порочный круг — когда вывод отождествляется с аргументом;
- ошибочный силлогизм — когда из двух суждений безоговорочно вытекает третье;
- неполное опровержение — когда из системы доводов оппонента выбирается один, несостоятельность которого распространяется на все остальные;
- неправомерные аналогии — сравниваются несопоставимые факты, обстоятельства;
- некорректный вопрос, содержащий в себе имплицитное утверждение о факте в форме пресуппозиции;
- переход на личности — использование насмешки, едкой иронии, вызывающих негативную реакцию, эмоциональный отклик, выводящий адресата из психологического равновесия;

¹² Черепанова И. Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М. : КСП+, 2002. С. 21.

¹³ Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб., 2003.

- использование узко научных терминов, профессионализмов, слов и оборотов, не знакомых адресату;
- чрезмерно высокий темп речи, обилие вводимой информации, быстро сменяемой, что не позволяет слушающему осмыслить ее;
- искажение доводов оппонента, приписывание ему иных смысловых предствлений и др.

В условиях использования видео-конференц-связи риск нераспознавания слушающим манипулятивных приемов существенно возрастает из-за специфики восприятия устной речи в контактной и технически опосредованной коммуникации. Кроме того, известно, что «понятия и даже объекты обозначения способны обладать как бы эффектом растворения... Указывая на денотацию каких-то объектов, коммуникатор может подразумевать совершенно другое. И “это совершенно другое” более или менее адекватно угадывается реципиентом». Более того, угадывание прогнозируется и планируется говорящим¹⁴. Высказывания делаются не только ради передачи самой информации, а чаще с целью повлиять на мнение адресата, его позицию или поведение¹⁵.

Продуцирование и восприятие устной речи говорящим в условиях технически опосредованной средствами ВКС приводит к превалированию звуковой модальности над визуальной, так как зона зрительного обзора коммуникативной обстановки технически ограничена размещением говорящего относительно видеокамеры. При этом слуховое восприятие также осложняется за счет искажения звучания техническими средствами воспроизведения звука (используются акустические системы), а также наличия шумов акустической обстановки двух помещений (помещения зала, где проходит судебное заседание, и помещения, где находится его дистанционный участник, использующий телекоммуникационный канал связи).

В условиях шума человек воспринимает информацию поверхностно и опирается на семантику (значения слов), а не на синтаксические отношения между словами. Анализируя изменения среды, вызванные распространением акустических и информационно-коммуникационных технологий, ученые отмечают размытость предметного содержания звуков в их восприятии, обнаруживается рассогласование между восприятием визуального контекста и акустического окружения, обнаруживается неодинаковое развитие слухового восприятия у людей, принадлежащих к разным социокультурным контекстам, к разным поколениям, и т.д.¹⁶.

Опыт участия в судебных заседаниях в различных, в том числе гибридных, форматах показывает, что речь дистанционного участника судебного заседания, как правило, в условиях недостаточно хорошей или плохой слышимости, характеризуется убыстренным темпом передачи информации, концентрацией внимания на важных моментах сообщаемого, размещааемых во вступительной и финальной частях выступления, повторением ключевых слов в его центральной части.

Именно повторение с использованием синонимических преобразований и перефразирования основной мысли выступает в качестве основного средства

¹⁴ Комлев Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты. 3-е изд. М. : ЛКИ, 2007. С. 133.

¹⁵ Lyons J. Semantics. Cambridge, 1977. Vol. 2. P. 723. Цит. по: Комлев Н. Г. Указ. соч. С. 134.

¹⁶ Носуленко В. Н., Харитонов А. Н. Жизнь среди звуков: психологические реконструкции. М. : Институт психологии РАН, 2018. С. 36—37.

речевого воздействия в условиях онлайн-коммуникации. Кроме того, такой участник может незаметно для иных участников судебного заседания пользоваться подсказками в форме заранее распечатанного или электронного письменного текста на электронном суфлере или дисплее устройства, позволяющего визуализировать письменный текст.

В то же время речь участника, непосредственно присутствующего в зале судебного заседания, не имеет признаков ограничений в применении самых разнообразных, в том числе и манипулятивных, языковых средств, направленных на убеждение суда, как в плане их лексико-грамматического, так и фонетического оформления.

Таким образом, следует отметить положительные следствия речевого взаимодействия в случае участия стороны (сторон), свидетелей, экспертов в судебном процессе посредством видео-конференц-связи. К положительным моментам можно отнести возможность дистанционно присутствующему коммуниканту лично высказать суду свою позицию, мнение и быть услышанным судом, независимо от территориальной отдаленности и физической возможности непосредственной явки участника процесса в судебное заседание.

Несмотря на ограничения технически опосредованной коммуникации посредством видео-конференц-связи основные смысловые компоненты не утрачиваются и могут быть с помощью языковых средств выстроены наилучшим образом для убеждения суда посредством логически выверенной аргументации без использования манипулятивных средств воздействия. Последние в условиях онлайн-коммуникации вряд ли будут эффективно использованы в силу наличия «экранного» барьера между судом как целью манипулятивного воздействия и адресантом, ограничивая возможный арсенал средств манипуляции. В то же время дистанционный участник судебного заседания оказывается в силу влияния дополнительных шумов и помех в большей степени уязвимым для манипулятивного речевого воздействия.

В то же время надо отметить существенное различие в импакте воспринимаемой информации в неопосредованной и опосредованной техническими средствами коммуникации, не позволяющей, по нашему мнению, полностью перевести судебный процесс в виртуальный формат.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования : учебное пособие. — 5-е изд., стер. — М. : Флинта, 2020. — 352 с.
2. Волеводз А. Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видео-конференц-связи // Военно-юридический вестник Приволжского региона. — 2003. — Вып. 1. — С. 70—96.
3. Галяшина Е. И. Судебное речеведение : учебник. — М. : Норма; Инфра-М, 2020. — 320 с.
4. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник. — М. : Проспект, 2021. — 424 с.

5. *Дзялошинский И. М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии : монография. — М. : НИУ ВШЭ, 2012. — 572 с.
6. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — СПб., 2003.
7. *Красовская О. В.* О речевой коммуникации в судебной практике : учебное пособие. — М. : Флинта ; Наука, 2008. — 128 с.
8. *Комлев Н. Г.* Слово в речи: денотативные аспекты. — 3-е изд. — М. : ЛКИ, 2007. — 216 с.
9. *Носуленко В. Н.* Психология слухового восприятия. — М. : Наука, 1988. — 216 с.
10. *Носуленко В. Н., Харитонов А. Н.* Жизнь среди звуков: психологические реконструкции. — М. : Институт психологии РАН, 2018. — 422 с.
11. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. — Воронеж : Истоки, 2001. — 227 с.
12. *Черепанова И. Ю.* Заговор народа. Как создать сильный политический текст. — М. : КСП+, 2002. — 464 с.
13. *Lyons J.* Semantics. — Cambridge, 1977. — Vol. 2.

Веб-конференция как современная модель взаимодействия суда и участников процесса: недостатки правового регулирования и перспективы использования

Аннотация. В статье анализируются новые положения цивилистических процессуальных кодексов об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции. Эффективность внедрения в процесс онлайн-слушаний оценивается с учетом различных факторов взаимодействия суда и участников процесса (технических, психологических, правовых). При этом ключевое значение имеет вопрос о том, сохраняются ли гарантии гражданской процессуальной формы при такой коммуникации. Автор приходит к выводу о том, что существующее правовое регулирование не позволяет использовать весь потенциал этой современной технологии, которая могла бы служить усилению ряда процессуальных гарантий. В то же время недостаточное регулирование такого формата взаимодействия создает серьезные угрозы для действия принципа непосредственности и тесно связанного с ним принципа объективной (судебной) истины. В статье предполагается расширение оснований для отказа в участии в судебных заседаниях онлайн, а в тех случаях, когда правовой вопрос решается в судебных заседаниях без вызова лиц, участвующих в деле, наоборот, предлагается предусмотреть обязательное проведение онлайн-заседаний.

Ключевые слова: веб-конференция, онлайн заседание, гражданская процессуальная форма, принцип гласности, принцип непосредственности, правосудие, независимость суда.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.079-087

**Светлана Сергеевна
КАЗИХАНОВА,**

доцент кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доцент Института
высокотехнологического
права,
социальных
и гуманитарных наук
Национального
исследовательского
университета «МИЭТ»,
кандидат юридических
наук, доцент
sskazihanova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Svetlana S. KAZIKHANOVA,

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities of National Research University of Electronic Technology (MIET)

sskazihanova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Web conference as a modern model of interaction between the court and participants in the process: shortcomings of legal regulation and prospects for use

Abstract. *The article analyzes the new provisions of civil procedural codes on participation in a court session by using a web conference system. The effectiveness of introducing online hearings into the process is assessed taking into account various factors of interaction between the court and the participants in the process (technical, psychological, legal). At the same time, the key question is whether the guarantees of the civil procedural form are preserved in such communication. The author comes to the conclusion that the existing legal regulation does not allow using the full potential of this modern technology, which could serve to strengthen a number of procedural guarantees. At the same time, insufficient regulation of such a format of interaction creates serious threats to the operation of the principle of immediacy and the closely related principle of objective (judicial) truth. The article suggests expanding the grounds for refusing to participate in court sessions online, and in cases where a legal issue is resolved in court sessions without summoning persons involved in the case, on the contrary, it is proposed to provide for mandatory online meetings.*

Keywords: *web conference, online hearing, civil procedure form, principle of publicity, principle of immediacy, justice, independence of the court.*

Потребность в правосудии, а именно в таком рассмотрении гражданских дел (в широком смысле, т.е. не уголовных дел и не дел об административных правонарушениях), которое снабжалось бы максимальным числом процессуальных гарантий правильности их разрешения, где суд вписан в саму систему гарантий, породила гражданское процессуальное право. Эту систему гарантий в юридической науке принято называть гражданской процессуальной формой. Именно она выступает фундаментальной цементирующей основой правового регулирования отношений, возникающих между судом и участниками процесса в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел. Подобное регулирование отражает интересы общества в действительной защите права, поскольку обеспечивает вынесение законных и обоснованных решений в условиях, предотвращающих произвол со стороны суда и других лиц¹.

¹ Данный, в нашем представлении, единственно правильный в силу действительной его практической значимости подход к гражданской процессуальной форме как системе гаран-

Однако вносимые в последнее время в гражданское процессуальное законодательство изменения далеко не всегда нацелены на сохранение гарантий гражданской процессуальной формы и нередко представляют собой отказ от них или существенное их ослабление. Зачастую это объясняется необходимостью оптимизации гражданского судопроизводства и оправдывается целью разгрузить суды, не справляющиеся со значительно возросшим потоком дел. Постепенный отказ от процессуальной формы как неотъемлемой составляющей правосудия преподносится как то, что полностью отвечает интересам лиц, обеспечивая для них удобство и скорую защиту права.

Ученые и практикующие юристы уже давно выражают обоснованные сомнения в правильности многих решений и предложений по реформированию процессуального законодательства, инициатором которых во многих случаях выступает Верховный Суд РФ, поскольку они либо ограничивают доступ к правосудию (к примеру, профессионализация представительства), либо подменяют отношения по осуществлению правосудия другими отношениями с судом, кардинально или значительно отличающимися от первых (пример — расширение приказного и упрощенного производства). При этом многие предлагают иные пути решения проблемы оптимизации судопроизводства, позволяющие разгрузить суды не ценой ограничения права на судебную защиту².

Одним из направлений реформирования цивилистического процессуального законодательства стало дополнение его различными возможностями суда и участников процесса использовать цифровые технологии как при обращении в суд, так и в процессе рассмотрения дела. Оно считается перспективным, поскольку призвано повысить доступ к правосудию для заинтересованных лиц и значительно сократить затраты на рассмотрение гражданских дел. Однако, как верно отмечает Д. А. Туманов, «каждое новое — в том числе высокотехнологичное — явление, которое планируется “вмонтировать” в порядок осуществления правосудия, необходимо проверять на предмет того, насколько его будущее применение обеспечит реализацию гарантий правосудия. Допускаться же такие технологии должны только в том случае, если их применение как минимум не снизит уровень гарантий»³.

Обратимся к одному из последних нововведений, связанному с дополнением цивилистических процессуальных кодексов положениями об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 153.2 АПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ)⁴. Так, лица, участвующие в деле, и другие

тий правосудия в современной правовой науке отстаивают Д. А. Туманов, Н. А. Громошина. См.: Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010 ; Гражданское процессуальное право России : учебник / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 49—51 (автор главы — Д. А. Туманов).

² См.: Туманов Д. А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 7—13.

³ Туманов Д. А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2021.

участники процесса по их ходатайству и при наличии в суде технической возможности могут участвовать в судебном заседании онлайн, подключившись из любого удобного для них места. Возможность проведения судебных заседаний в режиме веб-конференции активно использовалась в практике судов еще до ее закрепления в цивилистических процессуальных кодексах на основе п. 5 постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821⁵. В научной литературе были даны различные оценки использования такой информационной технологии с точки зрения действия различных факторов (технической, психологической стороны вопроса)⁶.

М. В. Самсонова обозначила проблему действия некоторых принципов при проведении судебных заседаний онлайн: гласности и открытости судебных заседаний, устности, непосредственности, а также состязательности. Как известно, принципы процесса являются базовыми гарантиями гражданской процессуальной формы. Следовательно, постановка вопроса о действии принципов процесса при применении такой современной технологии, действительно, оправданна. Если речь идет об определенном положительном эффекте от ее применения, но при одновременном снижении процессуальных гарантий, то необходимо понять, в каких случаях это все же допустимо по воле заинтересованных лиц, а в каких — однозначно нет.

Прежде всего следует отметить, что участие в процессе путем использования системы веб-конференции является правом лица. Такой подход законодателя вызывает одобрение, поскольку иное, а именно принуждение к использованию онлайн тех, кому с подобными технологиями обращаться затруднительно, как верно отмечает И. Н. Лукьянова, было бы равносильно в российских реалиях ограничению доступа к правосудию⁷. Однако для эффективной реализации этого права необходимо предусмотреть его гарантии, которые позволили бы лицам, не обладающим техническими возможностями (плохое интернет-соединение или отсутствие устройства, позволяющего выйти на связь с судом) или необходимым уровнем технической грамотности, также реализовать это право. Так, в Англии была создана сеть консультационных офисов шаговой доступности, которые помогают пользоваться системой разбирательств онлайн⁸.

Возможно, стоило бы подумать о подключении участников к судебным заседаниям из зданий многофункциональных центров или местной администрации

⁵ В юридическом сообществе это вызвало определенные опасения, поскольку использование системы веб-конференции на тот момент не было урегулировано в процессуальном законодательстве и процедура ее проведения была неясна. См.: *Коробка Е.* Верховный Суд приступил к рассмотрению дел в режиме веб-конференций // Адвокатская газета: офиц. сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-pristupil-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/> (дата обращения: 14.05.2023).

⁶ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

⁷ *Лукьянова И. Н.* Разрешение споров онлайн: технологичный путь к «приватизации правосудия» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 47.

⁸ *Лукьянова И. Н.* Указ. соч. С. 46.

при помощи специалистов соответствующих органов и учреждений на основании определений судов о рассмотрении дела в формате веб-конференции. Это могло бы быть востребованным в той местности, где районный (городской) суд территориально удален, а мировые судьи загружены, в связи с чем воспользоваться системой видео-конференц-связи для лица было бы затруднительно. К тому же в случае возникновения технических сбоев при установлении соединения с судом это могли бы зафиксировать специалисты соответствующего учреждения.

Онлайн-заседания и принцип гласности. Принцип гласности означает, что при рассмотрении гражданского дела в судебном заседании могут присутствовать любые лица, в том числе представители прессы, а также возможно освещение материалов гражданских дел в средствах массовой информации. Представляется, что обеспечить действие принципа гласности при проведении онлайн-заседаний вполне возможно с учетом того, что судья будет осуществлять руководство процессом из зала судебного заседания, куда должен быть открыт доступ иным лицам. Как и у судьи, у них должна быть возможность видеть и слышать участника процесса, присоединившегося в режиме веб-конференции для удаленного участия в рассмотрении дела.

Отдельного внимания заслуживает вопрос онлайн-трансляций судебных заседаний. Наиболее спорным аспектом веб-трансляции судебного разбирательства, как отмечает М. В. Самсонова, является «конфликт между правом общественности на информацию и правом стороны на неприкосновенность частной жизни. Это ставит суд перед дилеммой: выбрать судебные слушания в прямом эфире для распространения личных дел сторон и информации в Интернете для реализации судебной открытости или ограничить либо отменить прямые трансляции судебных слушаний, чтобы уважать и защищать конфиденциальность стороны». Автором этот вопрос прежде всего ставился в контексте обеспечения принципа гласности в период пандемии, когда представители общественности не допускались в залы судебных заседаний. Однако и для современных условий, после снятия коронавирусных ограничений, он представляет интерес.

В нашем представлении организация онлайн-трансляций открытых судебных заседаний послужила бы весомой гарантией принципа независимости судей за счет возможности широкого общественного контроля за проведением судебных слушаний. Также это усилило бы действие принципа гласности в гражданском процессе. Вместе с тем если лицо ссылается на необходимость сохранения охраняемой законом тайны, на содержащиеся в деле сведения конфиденциального характера, на неприкосновенность частной жизни и иные обстоятельства, гласное обсуждение которых может помешать правильному разбирательству дела или нарушить его права, то онлайн-трансляция судебного заседания не должна проводиться. Дело будет рассмотрено в закрытом судебном заседании.

При этом онлайн-трансляции для интернет-аудитории могут быть организованы, если судебное заседание открытое, либо по ходатайству лица, которое может как являться участником процесса, желающим максимально открытого рассмотрения дела с возможностью общественного контроля, так и не являться участником процесса. При проведении судебных заседаний онлайн на основании заявления лиц, не являющихся участниками процесса, но желающих удаленно присутствовать в судебном заседании, онлайн- трансляция может

проводиться только для этих лиц, даже если участники процесса присутствуют очно. В практике ряда российских арбитражных судов встречались случаи удовлетворения подобных ходатайств. При этом суды требовали приложить к ходатайству в электронном виде копии документов, удостоверяющих личность, а в судебном заседании уточняли только фамилию, имя и отчество гражданина⁹. Несмотря на то, что в ст. 153.2 АПК РФ говорится о праве участников процесса на подачу таких заявлений, судьи расширительно толковали ее с учетом ст. 11 АПК РФ о принципе гласности, позволяя подключаться к судебному заседанию другим лицам.

Как нам кажется, модель онлайн-трансляций открытых судебных заседаний для широкого круга общественности без заявления ходатайств участников не просто не представляет какой-либо опасности, но даже усиливает гарантии правосудия. При этом какую бы модель ни выбрал законодатель, необходимо учитывать, что трансляция судебных заседаний в сети Интернет открывает возможность для большого круга лиц следить за ходом судебного заседания. И судье необходимо со всей ответственностью подходить к разрешению ходатайств лиц о проведении закрытых судебных заседаний.

Фактор максимальной открытости может помешать лицу сообщить суду ту информацию, которой оно могло бы поделиться, зная, что она не будет доступной неопределенному кругу лиц. Для этого необходимо разъяснить лицу возможность возражать против онлайн-трансляции и выяснить причины таких возражений в случае их заявления. Если они не носят уважительного характера или у судьи возникают сомнения в истинности таких причин, судья не должен ограничивать действие принципа гласности.

Онлайн-заседания и принцип непосредственности. Полноценная реализация этого принципа в онлайн-заседаниях вызывает наиболее серьезные опасения в связи с тем, что удаленная коммуникация может помешать судье правильно воспринять и, как следствие, оценить достоверность информации, исходящей от участников процесса. К примеру, не исключены случаи воздействия на свидетеля, дающего показания онлайн, которые судье будет сложно уяснить в удаленном формате допроса.

Кроме того, при онлайн-коммуникации у судьи могут возникнуть трудности в восприятии некоторых особенностей поведения участников процесса, что могло бы иметь доказательственное значение для дела. Следует согласиться с Д. А. Тумановым, что живое общение как минимум в большей мере обеспечивает защиту от возможного давления на сторону или свидетеля при их опросе или допросе. Виртуальное общение участников процесса само по себе может искажаться или прерываться по разным причинам, как случайным, так и умышленным, в том числе для стимулирования свидетеля или любого другого лица к сообщению недостоверной информации или, наоборот, для создания помех в получении от таких лиц достоверной информации¹⁰.

⁹ См.: Онлайн-зритель в судебном заседании: разные подходы судов // Адвокатская газета: офиц. сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/onlayn-zritel-v-sudebnom-zasedanii-raznye-podkhody-sudov/> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁰ Туманов Д. А. Указ. соч. С. 13—14.

В таком формате взаимодействия с судом (нечеткость картинки, прерывающаяся связь) не исключены злоупотребления и со стороны суда. В частности, участвующее удаленно лицо может не обратить внимания на те обстоятельства, которые были бы ему очевидны при личном присутствии в судебном заседании (после восстановления прерванного соединения рассмотрение дела продолжил другой судья).

Выявленные опасности умаления принципа непосредственности при участии в онлайн-заседаниях ставят под сомнение и возможность правильного рассмотрения и разрешения дела по существу, т.е. действие принципа объективной (судебной) истины.

М. В. Самсонова предлагает предусмотреть возможность допроса свидетеля или эксперта онлайн при наличии на это согласия сторон либо ввести правила, обеспечивающие присутствие контролирующего лица в месте нахождения свидетеля или эксперта. В нашем представлении, ввиду того, что показания свидетеля являются устным доказательством, а проверка их достоверности осуществляется в непосредственном общении судьи со свидетелем в условиях, исключающих внешнее воздействие, следует запретить участие свидетеля в судебном заседании посредством веб-конференции, сохранив для него возможность видеоконференц-связи и получения показаний в рамках обеспечения доказательств. С экспертом вопрос может быть решен по соглашению сторон с учетом того, что в деле имеется заключение эксперта, а в случае сомнений в его компетентности и подозрений в его заинтересованности возможно назначение повторной экспертизы или заявление отвода.

Онлайн-заседания и принцип независимости судей. Особенности удаленного взаимодействия с судом могут вызвать сомнения в действии принципа независимости судей. В частности, если лица участвуют в деле онлайн, сложно проследить, соблюдены ли были правила о тайне совещания судей, не вмешивался ли кто-либо в деятельность судьи при рассмотрении дела в судебном заседании.

Возвращаясь к вопросу о необходимых изменениях правового регулирования участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, отметим, что в ч. 2 ст. 155.2 ГПК РФ закреплены два основания для отказа в таком участии. Как нам кажется, у суда обязательно должна быть возможность отказать в проведении веб-конференции во всех случаях, когда исходя из обстоятельств дела и представленных доказательств формат личного присутствия участников в заседании кажется ему более целесообразным, а в случае необходимости уточнения каких-либо обстоятельств и исследования доказательств очно, а также закрепления распорядительных действий — возможность перенести судебное заседание онлайн на другую дату с указанием об очном рассмотрении¹¹.

В нашем представлении, по общему правилу закрепление распорядительных действий должно происходить при очном присутствии заинтересованных лиц в

¹¹ В научной литературе и вовсе предлагается допускать веб-конференции в виде исключения из правил в случае очевидной невозможности проведения полноценного судебного процесса или при подтвержденной невозможности присутствия на судебном заседании одного из его участников. См.: *Туманов Д. А.* Указ. соч.

судебном заседании¹². Условия осуществления этих действий ввиду значимого характера для процесса должны обеспечить полную уверенность суда в том, что имеет место действительное волеизъявление лица, что на него не оказывалось давление, что оно понимает последствия этих действий. Онлайн-формат судебного заседания с возможными помехами, сбоями связи, невозможностью проконтролировать условия, в которых находится лицо удаленно, может не позволить суду разобраться в этих вопросах. Вместе с тем надо понимать, что в тех случаях, когда участник объективно не может явиться в процесс и/или причины осуществления такого распорядительного действия не вызывают у суда сомнений, возможно рассмотрение этих вопросов и в режиме веб-конференции. Причем больше возможностей для таких исключений должно быть в арбитражном процессе.

Дальнейший научный интерес представляет вопрос о поисках перспективных направлений использования этой технологии в тех случаях, когда она служила бы усилению процессуальных гарантий. Например, онлайн-заседания с трансляцией в сети на сайте суда можно было бы проводить во всех случаях, когда вопрос рассматривается в судебных заседаниях без вызова лиц, участвующих в деле (например, апелляционное обжалование определений по ч. 3 ст. 333 ГПК РФ, восстановление пропущенного процессуального срока по ч. 4 ст. 117 АПК РФ и т.д.).

Для усиления принципа непосредственности, возможно, такой порядок следует предусмотреть для дел упрощенного производства. Предполагается, что в таких судебных заседаниях должен быть реализован принцип устности и непосредственности, а стороны могли бы осуществлять контроль за реализацией этих принципов удаленно и оперативно узнавать о результатах разрешения правового вопроса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбенко К. Онлайн-зритель в судебном заседании: разные подходы судов // Адвокатская газета: офиц. сайт. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/onlayn-zritel-v-sudebnom-zasedanii-raznye-podkhody-sudov/> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Гражданское процессуальное право России : учебник / под ред. С. Ф. Афанасьева. — М. : Юрайт, 2013.
3. Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010.

¹² В ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ закреплено, на наш взгляд, ошибочное положение, которое позволяет рассмотреть вопрос об утверждении мирового соглашения в отсутствие сторон, если от них поступило об этом ходатайство. Оно не должно применяться судами как умаляющее гарантии защиты прав и интересов заинтересованных лиц. Но если выбирать между отсутствием лиц и их присутствием в онлайн-заседании, то второй вариант следует признать более предпочтительным.

4. Коробка Е. Верховный Суд приступил к рассмотрению дел в режиме веб-конференций // Адвокатская газета: офиц. сайт. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-pristupil-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/> (дата обращения: 14.05.2023).
5. Лукьянова И. Н. Разрешение споров онлайн: технологичный путь к «приватизации правосудия» // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 8. — С. 45—48.
6. Туманов Д. А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 8. — С. 7—13.
7. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.

**Алексей Владимирович
КОКУРИН,**

доцент кафедры
криминологии и уголовно-
исполнительного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат психологических
наук, доцент
kokurin1@bk.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Владислав Евгеньевич
ПЕТРОВ,**

доцент кафедры научных
основ экстремальной
психологии
Московского
государственного
психолого-педагогического
университета,
кандидат психологических
наук, доцент
v.e.petrov@yandex.ru
127051, Россия, Москва,
ул. Сретенка, д. 29

© Кокурин А. В.,
Петров В. Е., 2023

Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи Ф. Н. Плевако по делу П. Качки

Аннотация. В статье приводится психологический анализ речи Ф. Н. Плевако по делу Прасковьи Качки, результатом которого стали как выявление «добросовестных» речевых приемов (анализа ценностных убеждений присяжных и подсудимых, выработки суждений о ключевых для адвоката аспектах судебного процесса), так и рассмотрение методов манипулятивного воздействия, оказывающих воздействие на подсознание (газлайтинга, проекции, манипуляции стыдом и подмены понятий). Выразительные средства судебной речи, особенно метафоры, использованные защитником, усиливали манипулятивное воздействие на участников судебного заседания. Манипулятивное воздействие осуществлялось Ф. Н. Плевако по схеме: защитник — сверхмотивированная на результат защитительной речи аудитория судебного заседания — коллегия присяжных заседателей. Лишь субъективное восприятие защитником норм профессиональной этики адвоката определяло добросовестность, корректность и уместность применяемых методов манипулятивного воздействия, при этом данные аспекты не имели прямой связи с фактическими обстоятельствами дела.

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, адресат манипулятивного воздействия, Ф. Н. Плевако, дело Прасковьи Качки, психологический анализ преступления, речь адвоката, осознанный коммуникационный вид манипуляции, поведение человека в толпе, газлайтинг, проекция, манипуляция стыдом, подмена понятий, метафоры.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.088-095

Alexey V. KOKURIN,

Associate Professor of the Department
of Criminology and Penitentiary Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor
kokurin1@bk.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Vladislav E. PETROV,

Associate Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme
Psychology, Moscow State University of Psychology & Education.
Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor
v.e.petrov@yandex.ru

29, ul. Sretenka, Moscow, Russia, 127051

Methods of Manipulative Influence in the Judicial Defensive Speech of F. N. Plevako in the Case of P. Kachka

Abstract. *This article presents a psychological analysis of F. N. Plevako's speech in the case of Praskovya Kachka, which resulted in both the identification of "conscientious" speech techniques (appeal to the values of the jury and the defendants, the formation of value judgments regarding the aspects of the trial that are important for the lawyer), and manipulative methods that affect the subconscious (gaslighting, projection, shame manipulation and substitution of concepts). The expressive means of judicial speech, especially the metaphors used by the defense counsel, increased the manipulative impact on the participants in the court session. The manipulative influence was carried out by F. N. Plevako according to the scheme: the defender — the audience of the court session, super-motivated by the result of the defense speech — the jury. Only the defender's subjective perception of the norms of professional ethics of a lawyer determined the conscientiousness, correctness and appropriateness of the methods of manipulative influence used, while these aspects had no direct connection with the actual circumstances of the case.*

Keywords: *psychological analysis, F.N. Plevako, speech in defense of Praskovya Kachka, manipulative methods in the activities of a lawyer, appeal to the values of the jury and the defendant, value judgments about important aspects of the trial for the lawyer, gaslighting, projection, manipulation of shame, substitution of concepts, metaphors.*

Речи Федора Никифоровича Плевако (1842—1909), выдающегося судебного защитника, привлекали внимание специалистов самых разных профессий, включая юристов, историков, филологов и психологов.

Дело Прасковьи Качки, молодой дворянки, которая убила Бронислава Байрашевского, также дворянина, представляет собой типичное для того времени (1880 г.) дело об убийстве, вызванное ревностью.

Адвокат в данном процессе более взвешенным, логичным и обоснованным высказываниям прокурора П. Н. Обнинского противопоставил эмоциональную оценку событий случившегося. Весь аргументационный подход защитника основан на психологическом (разумеется, в понимании того времени) анализе произошедшего убийства.

Речь Ф. Н. Плевако соответствует простому сценарию: завязка (детальное описание формальных обстоятельств дела, где адвокат ярко раскрывает атмосферу, в которой выросла Паша Качка); развитие (психологическое обоснование произошедшего и изображение мучительных переживаний отвергнутой Качки, которые привели ее к умоисступлению); наконец, кульминация, где призыв к суду о Высшей истине превращается в призыв к нравственным чувствам присяжных.

В конечном итоге присяжные, взвешивая предлагаемые судом возможные мотивы убийства — психическое расстройство, преступление в состоянии аффекта и умышленное убийство, приняли решение в пользу первого варианта. Несмотря на убедительную и строго аргументированную речь обвинителя П. Н. Обнинского, а также на обоснованные и четкие заключения экспертов, они, несмотря на доказанные факты и здравый смысл, объявили 19-летнюю Прасковью Качку виновной в убийстве, совершенном в состоянии умоисступления.

Что же помогло Ф. Н. Плевако выиграть этот и еще более 200 (!) процессов?

В области психологии существует большое количество определений манипуляции, преимущественно рассматриваемой как психологическое воздействие, в том числе в рамках коммуникации, с целью побудить другого (или других) к достижению цели, косвенно навязанной манипулятором.

В контексте общения различные методы воздействия базируются на активном использовании силы со стороны манипулятора и эксплуатации слабостей объектов манипулирования. В области общения манипуляции, по существу, представляют собой управление сознанием людей.

Говоря об этом в контексте воздействия Ф. Н. Плевако на широкую аудиторию участников судебного заседания (прежде всего публики в зале, всегда многочисленной и сверхмотивированной на «чудо», являемое каждый раз гениальным защитником), мы будем исходить из того, что он в большей степени использовал осознанный коммуникационный вид манипуляции.

При этом важно помнить, что в выступлениях выдающегося защитника акцент делался не столько на логику изложения, сколько на его художественно-выразительные элементы, направленные на формирование эмоциональной обстановки сочувствия к подсудимым.

В ходе анализа речи Ф. Н. Плевако в защиту П. Качки с точки зрения применения защитником приемов *«добросовестного» речевого манипулятивного воздействия* была использована структура, предложенная Н. К. Пригариной¹.

¹ Пригарина Н. К. Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : IX Международная научно-практическая конференция : сборник статей. Волгоград, 2015. Т. 9. С. 84—86.

1. Воздействие с использованием манипуляции, основанной на обращении к ценностям участников судебного процесса

В своих выступлениях в суде выдающийся защитник обращается как к ценностям присяжных, так и к ценностям подсудимых. Ф. Н. Плевако постоянно ссылается на такие ценности, как *нравственность и справедливость суда*, поскольку уважение к суду и судебной власти формируется через уверенность в их моральной непорочности и справедливости: «Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть, по счастливому выражению псалмопевца, правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются»².

Адвокат подчеркивает, что зло *необходимо осуждать как таковое*. «И если эти светлые свойства правды подскажут вам, что ее “я” не заражено злом, а отвергается от него, содрогается и мучится, не бойтесь этому кажущемуся мертвецу сказать то же, что вопреки холодному расчету и юдольной правде книжников и фарисеев сказано было великой и любвеобильной Правдой четверодневному Лазарю: “Гряди вон”. Пусть воскреснет она, пусть зло, навеянное на нее извне, как пелена гробовая, спадет с нее, пусть правда и ныне, как и прежде, живет и чудодействует! И она оживет»³.

Ф. Н. Плевако постоянно подчеркивает *важность человечности и милосердия*: «Раскройте ваши объятия, я отдаю ее вам. Делайте, что совесть вам укажет»⁴.

Адвокат проводит *анализ ценностей подсудимой* с целью выработки оценки ее личности: «В одиночестве, около выросшей в девушку Паши, Битмид-отчим действительно стал мечтать о других отношениях. Но когда он стал высказывать их, в девушке заговорил нравственный инстинкт. Ей страшно стало от предложения и невозможно долее оставаться у отчима. Ласки, которые она считала за отцовские, оказались ласками мужчины-искателя; дом, который она принимала за родной, стал чужим...»⁵.

2. Манипулятивное воздействие через использование оценочных суждений (оценок)

По мнению Н. К. Пригариной, судебная практика, безусловно, требует и объективных, и субъективных оценок. В связи с этим использование оценочных суждений становится обязательным и всеобщим требованием к аргументации в защитительной речи в суде. Оратор, умея подбирать подходящие оценки, легко может создавать необходимое ему отношение ко всем участникам судебного заседания.

Ф. Н. Плевако использует оценочные суждения, характеризующие *личность подсудимой, ее репутацию, характер и обстоятельства жизни, а также личности свидетелей*. Этот вид оценки имеет важное значение для того, чтобы присяжные заседатели могли адекватно воспринять личность подсудимого.

«Она собирается убить себя. Ее берегут, остаются с ней, убирают у нее револьвер. Порыв убить себя сменяется порывом убить милого. В одной и той же душе идет трагическая борьба: одна и та же рука заряжает пистолет и пишет на саму себя донос в жандармское управление, прося арестовать опасную

² Плевако Ф. Н. Избранные речи. М. : Юрид. лит., 1993. С. 340.

³ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 340.

⁴ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 341.

⁵ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 337.

пропагандистку Прасковью Качку, очевидно, желая, чтобы посторонняя сила связала ее больную волю и помешала идее перейти в дело»⁶.

Подтверждением защитника в пользу того, что подсудимая не могла быть виновной в преступлении, служит *оценка ее репутации*, высказанная Ф. Н. Плевако: «Сцена за убийством, поцелуй мертвого, плач и хохот, констатированное всеми свидетелями истерическое состояние, видение Байрашевского... все это свидетельствует, что здесь не было расчета, умысла, а было то, что на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиталантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко, не без борьбы»⁷.

Адвокат обращает внимание на *жизненные обстоятельства*, в которых оказалась подсудимая. Цель этой оценки состоит в том, чтобы вызвать сочувствие присяжных к подсудимой: «Нравственно гнили были те, кто дал ей жизнь. Росла она как будто бы между своими, но у нее были родственники, а не было родных, были производители, но не было родителей. Все, что ей дало бытие и форму, заразило то, что дано»⁸.

Далее Ф. Н. Плевако проводит *анализ мотивов*, которыми руководствовалась подсудимая: «...она услышала первые приступы мысли об уничтожении. Кого? Себя или его — она сама не знала. Жить и не видеть его, знать, что он есть, и не мочь подойти к нему — это какой-то неестественный факт, невозможность. И вот, любя его и ненавидя, она борется с этими чувствами и не может дать преобладание одному над другим»⁹.

Позитивно оценивает Ф. Н. Плевако *оценки свидетелей и экспертов защиты*, признавая их надежными и заслуживающими уважения: «...она вела себя странно; непривычные к психиатрическим наблюдениям лица и те узнали в ней ненормальность, увидав в душе гнетущую ее против воли, свыше воли тоску»¹⁰: «Она пела как никогда; голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он — мужчина молодой, крепкий — волновался и плакал»¹¹.

В своей защитительной речи по делу П. Качки Ф. Н. Плевако, помимо применения «добросовестного» речевого манипулятивного воздействия, использует также ныне широко признанные в психологии методы более «жесткого» **психологического манипулирования**. Эти методы, такие как *газлайтинг*, *проекция*, *манипуляция стыдом* и *подмена понятий*, по своей сути воздействуют на подсознание участников судебного заседания.

Газлайтинг. Этот метод манипуляции вызывает у людей сомнения в адекватности и правильности своих представлений. Собеседник использует разнообразные утверждения вроде «такого никогда не бывало», «тебе показалось», «тебе привиделось». Эти высказывания постепенно проникают в подсознание людей, стимулируя их к сомнению в реальности происходящего. Цель манипулятора заключается в подрыве уверенности в себе тех, на кого он воздействует, и эта

⁶ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 338.

⁷ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 339—340.

⁸ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 340.

⁹ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 338.

¹⁰ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 338.

¹¹ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 339.

цель достигается. Люди теряют способность разумно оценивать свои действия, они утрачивают веру в свои возможности и силы.

«Большая боролась, сама с собой боролась. В решительную минуту, судя по записке, переданной Малышеву для передачи будто бы Зине, она еще себя хотела покончить, но по какой-то неведомой для нас причине одна волна, что несла убийство, переиграла другую, несшую самоубийство, и разрешилась злом, унесшим сразу две жизни, ибо и в ней убито все, все надломлено, все сожжено упреками неумирающей совести и сознанием греха»¹².

Проекция. Это способ манипулирования, при котором человек перекладывает свою вину на другого, постоянно находит оправдание для своих действий и таким образом уходит от ответственности. Вина за поступки проецируется на определенный объект или лицо.

В контексте защитительной судебной речи по делу Прасковьи Качки непосредственным виновником совершенного преступления, по словам защитника, стала... песня: «На беду попросили запеть ее любимую песню из Некрасова: “Еду ли ночью по улице темной”... Душа ее надрывалась, а песня не щадила, рисуя и гроб, и падение, и проклятие толпы. И под финальные слова: “Или пошла ты дорогой обычной и роковая свершилась судьба” — преступление было сделано»¹³.

Манипуляция стыдом. Этот прием снижает самооценку. Фраза «Как тебе не стыдно» оказывает потрясающий эффект. Постоянное чувство вины и стыда заставляет человека чувствовать себя «плохим», не заслуживающим любви, хороших отношений и вознаграждения: «Если ваше отеческое чувство возмущено грехом детища, сожмите гневно объятия, пусть с криком отчаяния сокрушится это слабое создание и исчезнет»¹⁴.

Подмена понятий. Это классика психологической манипуляции и «фирменный» прием Ф. Н. Плевако.

Манипулятор, стремясь доказать свою правоту в ходе дискуссии, изменяет определенный факт на тот, который выгоден ему. По смыслу «выгодный» факт похож на «невыгодный» (что делает подмену незаметной для жертвы), однако это направляет обсуждение в другое русло. И происходит это потому, что подменяется не описание предмета, а сам предмет.

В начале выступления адвокат проводит анализ основных принципов актуальной на тот момент теории о наследственности в психиатрии, рассуждает о проблемах воспитания, в том числе религиозного, и предполагает, что все это может иметь отношение к его подзащитной:

«Само возникновение ее на свет было омерзительно. Это не благословенная чета предавалась естественным наслаждениям супругов. В период запоя, в чаду вина и вызванной им плотской сладострастной похоти ей дана жизнь. Ее носила мать, постоянно волнуемая сценами домашнего буйства и страхом за своего грубо разгульного мужа. <...> Каким-то чудом оно дало — и зачем дало? — росток, но к этому ростку не было приложено забот и любви: его вскормили и взлелеяли ветры буйные, суровые вьюги и беспорядочные смены стихий. В этом семействе,

¹² Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 340.

¹³ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 339.

¹⁴ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 341.

которое, собственно говоря, не было семейством, а механическим соединением нескольких отдельных лиц, полагали, что сходить в церковь, заставить пропеть над собой брачные молитвы, значит совершить брак. <...> Воспитание было действительно странное. Фундамента не было, а между тем в присутствии детей, и особенно в присутствии Паши, любимицы отчима, не стесняясь говорили о вещах выше ее понимания: осмеивали и осуждали существующие явления, а взамен ничего не давали»¹⁵.

Какой вывод делает защитник? «Таким образом, воспитание *доразрушило* то, чего не могло разрушить *физическое нездоровье*. <...> *Больная* боролась, сама с собой боролась... (курсив наш. — А. П., В. К.)»¹⁶.

Подкрепляли манипулятивное воздействие защитника на участников судебного заседания и выразительные средства судебной речи, прежде всего метафоры: «...семя жизни Прасковьи Качки было брошено не в плодоносный тук, а в гнилую почву»¹⁷.

«Особенное впечатление производили страницы из книги доктора Шюлэ из Илленау (Курс психиатрии) о детях-наследственниках. Казалось, что это не из книги автора, ничего не знающего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства»¹⁸.

«Бездомная скиталица, безродная, — ибо разве родная ее мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделывает моя бедная девочка...»¹⁹.

Итог использования манипуляций в защитительной речи адвоката хорошо известен: Ф. Н. Плевако убедил присяжных признать, что подсудимая Прасковья Качка совершила преступление в состоянии умоисступления (невменяемости), несмотря на то, что большинство приглашенных для освидетельствования психиатров свидетельствовали о ее полном умственном здоровье и, как следствие, вменяемости²⁰.

Таким образом, в судебной защитительной речи Ф. Н. Плевако по делу Прасковьи Качки выявлены как «добросовестные» речевые (обращение к ценностям присяжных и подсудимых, выражение оценочных суждений относительно важных для адвоката аспектов судебного процесса), так и традиционные психологические способы манипуляции, направленные на подсознание (газлайтинг, проекция, манипуляция стыдом, подмена понятий).

Выразительные средства судебной речи, и прежде всего метафоры, подкрепляли воздействие защитника на участников судебного процесса в ходе исследования судебного заседания.

Манипулятивное воздействие Ф. Н. Плевако осуществлялось по схеме: защитник — сверхмотивированная на результат защитительной речи аудитория судебного заседания — коллегия присяжных заседателей.

¹⁵ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 336.

¹⁶ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 336, 340.

¹⁷ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 336.

¹⁸ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 335.

¹⁹ Плевако Ф. Н. Указ. соч. С. 341.

²⁰ Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века : сборник / сост. И. Потапчук; предисл. С. А. Андреевского. Тула : Автограф, 1997. 815 с.

Добросовестность, корректность и уместность использования данных методов манипулятивного воздействия определялись лишь профессиональной этикой адвоката и не зависели напрямую от фактических обстоятельств дела.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверьянова Е. В. Семиолингвистические аспекты православного и католического житийного дискурса XI—XVII веков (на материале церковнославянского и латинского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. — Тюмень, 2014. — 379 с.
2. Баишева З. В. Приемы привлечения внимания судебной аудитории (на материале защитительных речей Ф. Н. Плевако) // Правовое государство: теория и практика. — 2012. — № 2 (28). — С. 31—35.
3. Биюшкина Н. И., Сосенков Ф. С., Тюленева М. А. Психологические приемы в арсенале дореволюционной российской адвокатуры // Психология и право. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 179—190. — DOI: 10.17759/psylaw.2023130113.
4. Высоцкий С. А. Кони. — М. : Молодая гвардия, 1988. — 429 с.
5. Детковская А. В., Ковалев В. А. Ф. Н. Плевако и его судебные речи как образец ораторского искусства // Юридическая наука, история и современность. — 2021. — № 2. — С. 107—114.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М., 2000. — 344 с.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 1992. — 329 с.
8. Кони А. Ф. Князь А. И. Урусов и Ф. Н. Плевако // Собрание сочинений : в 8 т. — М., 1968. — Т. 5. — 130 с.
9. Короленко В. Г. История моего современника. — М., 1965.
10. Кузнецов А. Резкая фраза. Что стояло за недоброжелательным отзывом Кони о Плевако? // Адвокатская газета. — 02.09.2019. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/rezkaaya-fraza/> (дата обращения: 12.12.2023).
11. Плевако Ф. Н. Избранные речи. — М. : Юрид. лит., 1993. — 544 с.
12. Пригарина Н. К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2010. — 399 с.
13. Пригарина Н. К. Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : IX Международная научно-практическая конференция : сборник статей. — 2015. — Т. 9. — С. 84—86.
14. Резник Г. М. Рыцарь правосудия : вступительная статья / Ф. Н. Плевако. Избранные речи. — М., 1993. — С. 5—40.
15. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. — М., 1898. — Т. 3.
16. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века : сборник / сост. И. Потапчук ; предисл. С. А. Андреевского. — Тула, 1997. — 815 с.
17. Скабелина Л. А. Проявление личностных особенностей Ф. Н. Плевако в тексте его речи в защиту рабочих коншинской мануфактуры // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 12. — С. 191—196.
18. Стернин И. А. Практическая риторика : учебное пособие. — М. : Академия, 2003. — 169 с.
19. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse & Society. — 2006. — Vol. 17 (3).

**Татьяна Юрьевна
МАРКОВА,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
tatjana_markova@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Судебное следствие в суде присяжных заседателей как способ коммуникации участников: процессуальные особенности и современные возможности

Аннотация. УПК РФ закрепляет несколько форм рассмотрения и разрешения уголовных дел в суде первой инстанции. Одной из форм уголовного судопроизводства является рассмотрение дел с участием присяжных заседателей. Данная форма имеет свои процессуальные особенности, обусловленные разграничением компетенции между профессиональным судьей и коллегией присяжных. Особенности характерны для судебного следствия, которое как основная форма коммуникации между участниками процесса начинается со вступительных заявлений сторон и имеет ограничение по доказательствам, исследуемым в присутствии присяжных. В статье анализируются данные особенности с точки зрения теории и сложившейся судебной практики, приводятся рекомендации по успешному взаимодействию с присяжными заседателями. Констатируется, что процессуальные особенности влекут за собой применение особой тактики представления доказательств присяжным, необходимость упрощения, визуализации доказательственной информации. Делается вывод, что для упрощения и визуализации имеющихся сведений в настоящее время необходимо использовать современные технические разработки и достижения.

Ключевые слова: вступительные заявления сторон, ограничения и запреты в суде присяжных, представление доказательств присяжным, судебная коммуникация.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.096-104

Tatyana Yu. MARKOVA,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
tatjana_markova@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Judicial investigation in a jury trial as a way of communication between participants: procedural features and modern possibilities

Abstract. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation establishes several forms of consideration and resolution of criminal cases in the court of first instance. One of the forms of criminal proceedings is the consideration of cases with the participation of jurors. This form has its own

procedural features, due to the delimitation of competence between a professional judge and a jury. Features are typical for the judicial investigation, which, as the main form of communication between the participants in the process, begins with the opening statements of the parties and has a limitation on the evidence examined in the presence of the jury. The article analyzes these features from the point of view of theory and established judicial practice, provides recommendations for successful interaction with jurors. It is stated that the procedural features entail the use of a special tactic for presenting evidence to the jury, the need to simplify, visualize evidentiary information. It is concluded that in order to simplify and visualize the available information, it is currently necessary to use modern technical developments and achievements.

Keywords: *opening statements of the parties, restrictions and prohibitions in the jury trial, presentation of evidence to the jury, judicial communication.*

Судебное следствие в суде присяжных является основной формой взаимодействия между сторонами и присяжными заседателями, в рамках которого каждая из сторон, воздействуя законными способами на коллегию, пытается убедить ее в правильности (обоснованности) своей позиции. Особенности судебного следствия в суде присяжных заседателей посвящена ст. 335 УПК РФ. Эти особенности касаются процесса исследования доказательств, очерчивают круг доказательств, которые могут быть представлены коллегии присяжных, а также устанавливают, что судебное следствие начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника (ч. 1 ст. 335 УПК РФ).

Вступительные заявления сторон — очень важная часть судебного следствия, поскольку они позволяют сторонам впервые обратиться (начать коммуникацию) к коллегии присяжных заседателей, донести до нее нужную информацию, установить с ней контакт и взаимопонимание, расположить к себе.

Вступительное заявление — это первый этап взаимодействия сторон и присяжных. Во вступительном заявлении сторона, обращаясь к коллегии и начиная взаимодействие с ней, формулирует свою позицию и представляет ее присяжным, чтобы на протяжении последующего судебного следствия присяжные понимали, какие именно обстоятельства доказывает сторона, и могли соотносить представленные им доказательства с услышанной ранее позицией (оценить ее обоснованность). Поэтому вступительное заявление стороны можно определить как первое выступление государственного обвинителя или защитника перед коллегией присяжных заседателей, содержанием которого является отстаиваемая на протяжении дальнейшего судебного разбирательства позиция стороны.

Каким будет вступительное заявление, решает только сторона, которая с ним выступает. Однако в литературе имеются различные рекомендации по подготовке и произнесению вступительного заявления. Так, по мнению одних авторов, по форме и содержанию вступительное заявление государственного обвинителя должно представлять собой краткое и понятное для присяжных заседателей изложение существа предъявленного подсудимому обвинения, которое не

должно нарушать установленных УПК РФ запретов и ограничений, характерных для суда присяжных¹.

С точки зрения других ученых, вступительное заявление государственного обвинителя зависит от объема предъявленного подсудимому обвинения. Например, если обвинение небольшое, то вступительное заявление может сводиться к оглашению перед присяжными заседателями обвинительного заключения в соответствующей части. Однако если подсудимому вменяется большое количество эпизодов преступной деятельности, государственному обвинителю целесообразнее в произвольной, но понятной для присяжных форме просто изложить существо обвинения: в совершении каких преступлений подсудимый обвиняется и каким законом квалифицировано это деяние².

Б. Т. Безлепкин не раскрывает, что такое вступительное заявление и каком оно должно быть, но отмечает, что судебное следствие в суде присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника, а не с оглашения обвинительного заключения. Из этого следует, что автор не отождествляет вступительное заявление с обычным оглашением обвинительного заключения, а рассматривает начальный этап судебного следствия как нечто иное³.

Высказывается точка зрения о том, что вступительное заявление защитника представляет собой описание фактов разбираемого дела без доводов о юридической значимости или доказательственной силе этих фактов⁴. Но в целом также отмечается свобода в определении его формы и содержания (при условии, что позиция согласована с доверителем)⁵.

Таким образом, содержанием вступительного заявления должны быть позиции сторон (сущность обвинения и позиция по нему защиты), включающие в себя обстоятельства произошедшего, которые будут доказываться во время дальнейшего судебного следствия. Обстоятельства необходимо излагать с учетом запретов, установленных для судебного следствия в суде присяжных, а также исходя из компетенции присяжных заседателей, установленной ч. 1 ст. 334 УПК РФ.

Данная позиция подтверждается и судебной практикой. Так, в одном из решений Верховного Суда РФ отмечается, что во вступительном заявлении государственного обвинителя должен изложить существо предъявленного обвинения без

¹ Уголовное преследование терроризма : монография / В. А. Бурковская, Е. А. Маркина, В. В. Мельник [и др.]. М. : Юрайт, 2008.

² Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева. М. : Норма, 2011.

³ *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М. : Проспект, 2008.

⁴ *Ведищев Н. П.* Вступительные заявления сторон (части 2 и 3 статьи 335 УПК РФ) // Адвокат. 2012. № 12. С. 51—57.

⁵ *Владыкина Т. А.* Уголовно-процессуальные и этические аспекты вступительного заявления защитника в судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 29—34.

упоминания о фактах и данных, способных вызвать у присяжных предубеждение. Он не обязан оглашать полностью обвинительное заключение, а должен представить краткое и понятное для присяжных заседателей изложение существа предъявленного обвинения⁶.

Однако государственному обвинителю недопустимо во вступительном заявлении разъяснять присяжным заседателям требования материального и процессуального закона, поскольку в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 333 УПК РФ данные разъяснения дает председательствующий по просьбе самих присяжных⁷. Запрещается сообщать присяжным об осуждении подсудимого по другому делу, о нахождении подсудимого под стражей по другому делу, о профессиональных навыках подсудимого, которые не имеют отношения к рассматриваемому делу⁸.

Нарушением ч. 3 ст. 335 УПК РФ является оценка защитником во вступительном заявлении поведения потерпевшего, а также сообщение присяжным заседателям о том, что они могут получить информацию по делу из общедоступных источников⁹. Защитникам запрещается при помощи вступительного заявления формировать у коллегии присяжных предвзятое отношение к следователю, стороне обвинения и представленным доказательствам; доводить до сведения присяжных негативную информацию о свидетелях обвинения, ссылаться на доказательства, которые не исследовались и не могли быть исследованы в присутствии присяжных¹⁰; давать оценку достоверности доказательствам, которые будут исследоваться во время судебного следствия¹¹.

Отмену приговора может повлечь за собой сообщение во вступительном заявлении о том, что оплата услуг по защите подсудимых производится на счет государства; о недостаточности расследования уголовного дела¹²; о провокации преступления¹³. Запрещается подменять вступительное заявление защитника показаниями подсудимого, а также, используя юридические термины, давать присяжным заседателям разъяснения в части полномочий присяжных заседателей¹⁴.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.07.2013 № 93-АПУ13-5СП // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10.08.2004. по делу № 42-005-4СП // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.12.2011 № 5-о11-266сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.03.2022 по делу № 55-148/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.05.2013 № 78-АПУ13-5СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.10.2010 № 5-О10-272сп // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2009 по делу № 53-О09-36сп // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 06.05.2009 № 5-О09-95СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное определение Астраханского областного суда от 24.05.2022 по делу № 22-1366/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Установленные и выработанные судебной практикой ограничения и запреты, касающиеся вступительных заявлений сторон, необходимы для упорядочивания коммуникативных связей сторон и коллегии присяжных, для создания определенных границ взаимодействия участников процесса, а также для того, чтобы воздействие на присяжных не вызвало в них предубеждений, неприязни, сочувствия и т.д.

Дальнейшая коммуникация сторон и присяжных заседателей осуществляется во время исследования доказательств. Именно в этот момент стороны должны максимально вовлечь присяжных в процесс, представить им все относящиеся к их компетенции сведения, убедить в своей правоте.

Исследование доказательств в суде присяжных заседателей имеет три основные особенности, предусмотренные ч. 5—8 ст. 335 УПК РФ. Эти особенности судебного следствия очень широко и по-разному воплощаются в судебной практике.

Например, в качестве нарушения установленных запретов признаются заявления стороны защиты о сфабрикованности доказательств правоохранительными органами, о получении показаний под пытками, опорочивание доказательств стороны обвинения¹⁵. Отмену приговора может повлечь указание присяжным на неполноту собранных доказательств; ссылка на несуществующее доказательство; доведение до коллегии информации, направленной на создание положительного образа подсудимого, пробуждение у присяжных сочувствия и жалости к подсудимым¹⁶.

Не допускаются исследование в присутствии коллегии отмененных прокурором постановлений; оглашение показаний в значительно большем объеме, чем было разрешено председательствующим; высказывание сомнений относительно законности получения доказательства, без заявления ходатайств о признании доказательства недопустимым¹⁷, а также исследование в присутствии присяжных заседателей явки с повинной, полученной с нарушением УПК РФ, и акта о применении служебной собаки, составленного инспектором-кинологом¹⁸.

Судебное следствие в суде присяжных является основной формой коммуникации между сторонами и коллегией присяжных, в рамках которой осуществляется передача информации. При этом присяжные заседатели не имеют юридического образования, опыта работы в судебных органах; рассмотрение и разрешение уголовных дел не является для них обычным делом, однако именно они должны разрешить основной вопрос о виновности подсудимого. Поэтому для того, чтобы достичь основных целей коммуникации в рамках судебного следствия, необходимо, чтобы представляемые присяжным доказательства стали им понятны и запомнились.

¹⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.01.2021 № 48-УДП20-25-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.12.2019 № 82-АПУ19-15сп // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.12.2019 № 53-АПУ19-23сп // СПС «КонсультантПлюс».

В литературе, например, отмечается, что для понимания вступительного заявления защитника позицию по делу, излагаемую в нем, нужно сделать краткой, но в то же время емкой, ясной и понятной, убедительной и правдоподобной (логически объясняемой)¹⁹. С такой точкой зрения следует согласиться, но необходимо признать, что таких рекомендаций, очевидно, недостаточно для достижения максимального эффекта. Поэтому нужно придерживаться еще двух рекомендаций.

Во-первых, позицию по делу для присяжных заседателей лучше представлять в форме истории, которая имеет свое начало, развитие (кульминацию) и окончание. История должна быть приближена к представлениям обычных граждан, которые и составляют большинство коллегии присяжных, об определенных ситуациях (например, практически у всех есть представление о том, что такое бытовое убийство, убийство по найму, драка, распространение наркотиков и т.д.). И чем ближе излагаемая во вступительном заявлении позиция-история будет к представлениям присяжных, тем больше они ей поверят (поскольку люди привыкли верить тому, что для них привычно).

Позицию-историю следует излагать последовательно, от начала к концу, показывая, как зарождались отношения между участниками, развивались и чем все завершилось. Такое изложение позиции всегда вызывает интерес слушателя. Кроме того, последовательное изложение событий для большинства людей является более удобным, простым и поэтому легче запоминается.

Во-вторых, позицию-историю можно визуализировать для присяжных заседателей (полностью или в какой-то части). В итоге это приведет к лучшему ее запоминанию (поскольку одна и та же информация будет восприниматься через два органа чувств). Для визуализации вступительного заявления можно использовать различного рода схемы, изображения, фотографии, слайды и т.д., в том числе демонстрировать их при помощи современных технических устройств (ноутбуков, проекторов и проч.).

УПК РФ не содержит каких-либо запретов по визуализации вступительного заявления и использованию при его произнесении дополнительных материалов и технических устройств. Однако судебная практика по данному вопросу сложилась неоднозначная. Так, в одном из судебных решений отмечается, что УПК РФ не предусматривает иной (кроме как выступление сторон) формы вступительных заявлений, в том числе демонстрацию слайдов, схем и т.п. Поэтому подкрепление вступительного заявления защитника демонстрацией слайдов, на которых свидетель обвинения был представлен как непосредственный источник оговора и изображен в виде радующегося человека, вокруг которого летают денежные купюры, было признано незаконным (как и использование слайдов во вступительном заявлении государственным обвинителем)²⁰.

Однако Верховный Суд РФ указал, что демонстрация перед присяжными заседателями во вступительном заявлении государственным обвинителем

¹⁹ Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е. Ю. Булакова, Л. А. Воскобитова, М. Р. Воскобитова [и др.] ; под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М. : Волтерс Клувер, 2006.

²⁰ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.03.2022 по делу № 55-148/2022.

составленной им по обвинительному заключению схемы преступного сообщества с разъяснением, что данная схема не является доказательством и не должна учитываться при вынесении вердикта, не нарушает положений ч. 2 ст. 335 УПК²¹. Следует отметить, что такая позиция полностью соответствует букве и духу закона, регулирующего производство в суде присяжных, является более прогрессивной и ее реализация способствует лучшему восприятию (пониманию, запоминанию) информации коллегией присяжных заседателей.

Для исследования доказательств в присутствии присяжных заседателей должен использоваться аналогичный подход: сведения, представляемые присяжным, если их восприятие и запоминание может вызывать трудности, следует «переводить» на более простой язык или визуализировать.

Например, исследование (оглашение) заключения эксперта или специалиста можно дополнить допросом данных участников процесса. В рамках допроса эксперт и специалист смогут разъяснить отдельные аспекты своего заключения, дать толкование сложным и непонятным терминам, объяснить сущность примененных методик и т.д. Это поможет понять сложный процессуальный документ, что будет способствовать формированию большего доверия к нему. Кроме того, выступления живых лиц во время судебного следствия всегда больше и лучше запоминаются присяжными заседателями.

Для восприятия обстановки места преступления можно не только оглашать протокол его осмотра, но и демонстрировать фотографии, а также видеозаписи данного места. Стороны также вправе использовать заранее подготовленные или полученные от соответствующих государственных органов чертежи, планы помещений, местности. Можно, например, попросить нарисовать расположение комнат в квартире или доме, в котором совершено убийство, допрашиваемого свидетеля (во время его допроса), который был в этой квартире или в этом доме.

Показать определенную местность и расположение объектов на ней возможно при помощи различных макетов, в том числе изготовленных при помощи привлеченных специалистов. Такие макеты стороны смогут использовать не только для демонстрации самой территории, но и для допроса участников процесса (когда участника просят не только рассказать о событиях, которые он наблюдал, но и показать, как и что происходило на имеющемся макете).

Развитие науки и техники в последние годы привело к тому, что сегодня разработаны и постепенно внедряются в уголовное судопроизводство новые цифровые способы представления информации. Одним из таких способов является технология видеомоделирования.

В проведенных исследованиях отмечается, что в российской судебной практике в настоящее время видеомоделирование не применяется²². Но обусловлено это не законодательными запретами, а неготовностью судебной системы и сторон к использованию современных технических достижений при исследовании

²¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 09.10.2013 № 78-АПУ13-35сп // СПС «КонсультантПлюс».

²² Юркевич М. А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 104.

доказательств. Однако возможности видеомоделирования можно и нужно использовать в судебном следствии. Например, в США видеомоделирование допускается в судебных процедурах по уголовным делам в 50 штатах²³.

Выделяются три составляющие для создания видеомоделей: анимация, симуляция, дополненная реальность (виртуальная реальность), каждая из которых применима для представления доказательств перед присяжными заседателями. Так, анимация может использоваться для иллюстрации свидетельских показаний. При помощи симуляции можно воспроизводить события прошлого, моделировать какие-либо ситуации, что позволит присяжным не просто на слух воспринимать информацию о произошедшем, но и наблюдать со стороны определенные обстоятельства, представляемые стороной в качестве версии.

Дополненная реальность — это возможность создавать интерактивные версии реальности, обогащенные цифровыми изображениями, звуками и другими сигналами, а виртуальная реальность «позволяет судье и присяжным заседателям стать свидетелями рассматриваемого события так, как если бы они действительно были на месте, являясь непосредственными участниками рассматриваемых событий»²⁴.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что при исследовании доказательств в судебном следствии с участием присяжных заседателей следует учитывать не только процессуальные особенности данной формы судопроизводства. Необходимо тактически по-иному подходить к представлению доказательств, учитывать отсутствие у присяжных профессиональных знаний и навыков по рассмотрению уголовных дел.

Для наиболее полного вовлечения присяжных заседателей в процесс коммуникации со сторонами, для поддержания их внимания на протяжении всего судебного следствия все сведения, передаваемые коллегии, должны быть (по возможности) «переработаны» в простую и удобную для восприятия и понимания форму, в том числе с помощью современных технических средств и возможностей. Только при таком взаимодействии присяжных и сторон будет достигнут максимальный эффект.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е. Ю. Булакова, Л. А. Воскобитова, М. Р. Воскобитова [и др.] ; под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 592 с.
2. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2008. — 304 с.
3. Ведищев Н. П. Вступительные заявления сторон (части 2 и 3 статьи 335 УПК РФ) // Адвокат. — 2012. — № 12. — С. 51—57.

²³ Karen L. Campbell, Lauren A. Jones, David B. Datny. Avatar in the Courtroom: Is 3D Technology Ready for Primetime? // Avatar in the Courtroom. FDCC Quarterly/Summer 2013. P. 314–317.

²⁴ Юркевич М. А. Указ. соч. С. 106—107.

4. *Владыкина Т. А.* Уголовно-процессуальные и этические аспекты вступительного заявления защитника в судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей // Адвокатская практика. — 2018. — № 3. — С. 29—34.
5. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : науч.-практ. пособие / С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева. — М. : Норма, 2011. — 512 с.
6. Уголовное преследование терроризма : монография / В. А. Бурковская, Е. А. Маркина, В. В. Мельник [и др.]. — М. : Юрайт, 2008. — 160 с.
7. *Юркевич М. А.* Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021.
8. *Karen L. Campbell, Lauren A. Jones, David B. Datny.* Avatar in the Courtroom: Is 3D Technology Ready for Primetime? // Avatar in the Courtroom. — FDCC Quarterly/Summer 2013. — P. 314—317.

Влияние профессионального выгорания адвоката на коммуникативные возможности

Аннотация. Исследуются аспекты устной и письменной судебной коммуникации адвоката, а также изучается влияние профессионального выгорания адвоката на его коммуникативные возможности. В статье уделено внимание факторам риска профессионального выгорания адвокатов, а также анализу его проявления в судебной коммуникации на трех уровнях: индивидуально-психологическом, межличностном и организационном. Обоснована необходимость управления риском профессионального выгорания адвоката на основе междисциплинарного и межведомственного взаимодействия. Для решения проблемы профессионального выгорания адвокатов автором предложены такие формы взаимодействия, как совместные занятия адвокатов с представителями иных «помогающих профессий», обмен опытом и достижениями во время общих собраний в офисах адвокатских образований, а также на курсах повышения квалификации для адвокатов. Также предложено адаптировать специальные коррекционные программы, которые в настоящее время разработаны для профилактики и преодоления синдрома профессионального выгорания у представителей «помогающих профессий» для адвокатов.

Ключевые слова: коммуникация, судебная коммуникация, процесс, адвокат, риск профессионального выгорания.

**Полина Евгеньевна
МАРЧЕВА,**

доцент кафедры
адвокатуры
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент, адвокат
p.korotkova@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.105-113

Polina E. MARCHEVA,

Associate professor of the Department of Advocacy
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, attorney
p.korotkova@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The influence of occupational burnout of a lawyer on communication capabilities

Abstract. The article examines aspects of oral and written courtroom communication of a lawyer and the impact of occupational burnout of a lawyer on communication capabilities. The article pays attention to the risk factors of occupational burnout of a lawyer, as well as to the analysis of its effect on courtroom communication at three levels: individual-psychological, interpersonal and organizational. The necessity to manage the risk of occupational burnout of a lawyer with the use of interdisciplinary and interdepartmental interaction is justified. Among the options proposed by the author to solve the

© Марчева П. Е., 2023

problem of occupational burnout are such forms of interaction as joint lessons for lawyers and representatives of other caring professions and advanced training courses for lawyers. It is also proposed to adapt special correctional programs that are developed to prevent and overcome the syndrome of occupational burnout among representatives of caring professions.

Keywords: *communication, courtroom communication, legal procedures, lawyer, risk of occupational burnout.*

В общеупотребительном значении под *коммуникацией* (фр. communication; лат. communication — сообщение, передача) принято понимать социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения¹, в то время как «*профессиональная коммуникация* — это специфическая форма взаимодействия людей, предполагающая их общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. в процессе осуществления трудовой деятельности в определенной предметной области»².

Профессиональная коммуникация в юридической деятельности особенно важна, так как добиться успехов в переговорном процессе, а также в ходе судебного разбирательства можно только посредством умело проведенной профессиональной коммуникации.

Профессиональную коммуникацию адвокатов называют судебной коммуникацией, хотя она может происходить как на досудебной, так и на судебной стадии. Вместе с тем для целей настоящего исследования мы будем рассматривать только ту профессиональную коммуникацию адвоката, которую он осуществляет при рассмотрении дела в суде.

Судебная коммуникация определяется как «речевое общение, которое необходимо для рассмотрения и разрешения правовых споров в порядке административного, гражданского, уголовного и конституционного судопроизводства, а также в арбитражном суде»³.

Среди общих инструментов судебной коммуникации можно выделить, во-первых, общий язык общения участников коммуникации, в том числе понятные для всех участников коммуникации знаковые системы и символы, а также понятийный аппарат; во-вторых, выбор стратегии и тактики в ходе межличностного общения, способа аргументации, а также общей манеры поведения⁴.

Судебная коммуникация может быть устной и письменной. Подготовка к устной коммуникации существенно отличается от подготовки к письменной коммуникации, например, подготовки письменного процессуального документа (ходатайства

¹ Бориснев С. В. Социология коммуникации : учебник для вузов. М. : Юнити-Дана, 2003. С. 14.

² Профессиональные навыки юриста : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / М. В. Немытина и [др.] ; под ред. М. В. Немытиной. М. : Юрайт, 2014. С. 53— 54.

³ Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции : учебник / под ред. В. П. Малкова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1995. С. 220.

⁴ Жалинский А. Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 166—168.

или искового заявления). При подготовке процессуального документа адвокат в первую очередь обращает внимание на структуру и логичность представления аргументов, он минимизирует использование выразительных средств языка, так как письменная речь не столь эмоциональна, в то время как при подготовке к устной коммуникации адвокату следует быть красноречивым и эмоциональным, чтобы убедить и суд, и присутствующих в зале в избранной позиции.

Взаимодействие в судебном процессе — это соревнование аргументов, поэтому адвокат, готовя письменный процессуальный документ, должен уметь формулировать и выстраивать правовые аргументы, учитывая возможные возражения противников, должен уметь выстраивать логичную последовательность изложения, выявлять и устранять ошибки, владеть навыками правописания⁵.

Что касается устной судебной коммуникации, то примечательно, что, например, структура и содержание судебной речи адвоката отличается от речи прокурора, так как в процессе судебной коммуникации они преследуют разные цели (адвокат — защищает доверителя, в то время как в задачу прокурора входит поддержание государственного обвинения, обеспечение его законности и обоснованности). И от того, насколько хорошо участники судебной коммуникации, в рассматриваемом случае — адвокат и прокурор, знают материалы дела, судебную практику и владеют навыком ораторского мастерства, во многом зависит исход всего дела, так как побеждает тот, кто смог убедить суд в избранной позиции.

Также, в отличие от письменной речи, где адвокат должен предугадать возможные возражения процессуального противника, при устном выступлении он слышит такие возражения, так как выступает после прокурора и должен уметь быстро реагировать на них.

Итак, адвокат достигает своей профессиональной цели в том числе благодаря активной речевой коммуникации, следовательно, адвокату как участнику устной и письменной судебной коммуникации следует продумывать правовую, лингвистическую и этическую составляющие своей судебной речи.

Работая над *правовой составляющей речи*, адвокату следует обратить особое внимание на то, достаточно ли обоснованы представленные доказательства, приведены ли и проанализированы ли законодательные нормы и судебная практика, а также убедительна ли позиция в целом.

К базовым навыкам, которыми должен обладать адвокат как участник судебной коммуникации, относятся:

- «умение анализировать жизненную ситуацию с точки зрения права и формировать ее правовое описание (правовая квалификация);
- умение на основе совокупности правовых норм реконструировать предписываемую ими ситуацию, последовательность действий или развитие событий»⁶.

Работая над *лингвистической составляющей речи*, адвокату следует уделить внимание структуре речи, правилам русского языка (орфографии и пунктуации), а также продумать языковые средства, которые могут быть использованы для усиления убедительности.

⁵ Юридическое образование: поиск новых стандартов качества : материалы исследования. М. : Институт «Право общественных интересов» (PILnet), 2013. С. 42, 412.

⁶ Юридическое образование: поиск новых стандартов качества. С. 56.

Этическая составляющая судебной речи адвоката — это совокупность принципов и норм профессионального поведения, которых должен придерживаться адвокат, выступая в зале судебного заседания. Эти принципы и нормы профессионального поведения изложены в первом разделе Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА). Так, например, в соответствии с пп. 7 п. 1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе: «допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения».

Статья 12 КПЭА устанавливает, что, «возражая против действий (бездействия) судей и лиц, участвующих в деле, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом». Также в преамбуле КПЭА указано, что «существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

Следовательно, принимающий участие в судебной коммуникации адвокат должен строго соблюдать принципы и нормы, закрепленные в КПЭА. Проявление неуважения по отношению к процессуальному противнику, а также неэтичное поведение недопустимы.

Ввиду разности позиций участников судебной коммуникации разногласия «не только возможны, но порой и неизбежны, а значит, неизбежна и полемика»⁷, в ходе которой бывает сложно сохранить самообладание и соблюдать этические принципы и нормы, именно поэтому полемика, которую ведут участники судебной коммуникации, «требует большого такта и умения пользоваться ее приемами с учетом обстановки, сложившейся в зале суда в результате судебного разбирательства»⁸. Только в этом случае судья, изучив материалы дела, услышав и проанализировав озвученную в зале суда позицию сторон, изучив представленные сторонами письменные документы, будет иметь возможность установить истину по делу и, следовательно, принять обоснованное и справедливое решение.

Таким образом, профессиональная коммуникация в адвокатской деятельности имеет огромное значение. Вместе с тем в процессе осуществления своей профессиональной деятельности адвокат сталкивается с определенными факторами риска, которые могут привести к профессиональному выгоранию, т.е. состоянию умственного, морального и физического истощения, которое находит отражение в профессиональной деятельности адвоката.

Большой вклад в изучение синдрома профессионального выгорания адвокатов внесли Л. А. Скабелина⁹, а также А. В. Кугук¹⁰.

⁷ Ревина И. В. Нравственные критерии судебных прений // Адвокатская практика. 2016. № 5.

⁸ Сапожников И. Полемика в обвинительной речи прокурора // Социалистическая законность. 1971. № 10. С. 73.

⁹ См., например: Скабелина Л. А. Подготовьте раздаваемое! Об эмоциональном выгорании адвокатов // Российский адвокат. 2021. № 1 ; Она же. Психологические аспекты адвокатской деятельности : монография. М. : Федеральная палата адвокатов, 2012.

¹⁰ Кугук А. В. Психология адвоката (о некоторых психологических особенностях адвокатской деятельности) : практическое руководство. М. : Согласие, 2016.

Так, А. В. Кугук справедливо отмечает, что началом профессионального выгорания адвоката может стать отсутствие доверителей, неудачи в судебных процессах, в которых адвокат представлял интересы доверителя или защищал его, неудовлетворенность своей работой, а также необоснованные жалобы доверителей и последующие дисциплинарные производства в отношении адвоката.

Также факторами риска профессионального выгорания адвокатов могут стать, во-первых, личностные факторы, такие как переживание несправедливости, экономической нестабильности (в основном этому подвержены молодые адвокаты, у которых еще не сформировалась клиентская база), перегруженность, стрессы, низкая самооценка. Именно поэтому адвокаты как представители любой «помогающей профессии» должны осознавать, что эти профессии многозадачны, энергозатратны, эмоционально перегружены, гиперответственны и требуют максимальной включенности, а значит, высоких морально-нравственных и профессиональных качеств¹¹.

Во-вторых, к факторам риска здесь относятся ситуативные факторы, как, например, отсутствие сплоченности на базе коллективного адвокатского образования, которое может привести к отстранению адвоката от коллектива, возникновению конфликтов внутри коллективного адвокатского образования.

В-третьих, к факторам риска профессионального выгорания относятся профессиональные требования или их отсутствие, например, высокая ответственность перед доверителем или, наоборот, формализм при выполнении профессиональных задач, вмешательство в деятельность адвоката следственных, судебных, административных органов (должностных лиц) государства.

Еще один фактор, который мы хотели бы выделить, — это эмоциональная усталость, которая возникает из-за напряженной профессиональной деятельности, а также неблагоприятных взаимоотношений с другими адвокатами, возможно, с доверителем, ненормированный и иногда непредсказуемый график деятельности, недовольство условиями профессиональной деятельности, а также постоянная высокая ответственность перед своими доверителями.

Профессиональное выгорание, безусловно, оказывает влияние и на коммуникативные возможности адвоката, причем как на устные, так и на письменные, и может проявиться на трех уровнях: индивидуально-психологическом, межличностном и организационном¹².

Рассмотрим проявление профессионального выгорания адвоката в судебной коммуникации адвоката.

Индивидуально-психологические симптомы в судебной коммуникации адвоката проявляются в усталости и утомляемости во время подготовки и в ходе судебного заседания. Также индивидуально-психологические симптомы могут выразиться в отсутствии эмоциональности и эмпатии, а также потери интереса в исходе дела.

¹¹ Михайлова А. В., Власова К. М. Профессиональные деформации и профессиональное выгорание педагогов // Педагогическая перспектива. 2022. № 2 (6). С. 38—44.

¹² Баксанский О. Е., Сафоницева О. Г. Синдром эмоционального выгорания. Взгляд психолога и невролога // Вестник новых медицинских технологий. 2021. Т. 28. № 2. С. 45—57.

Межличностные симптомы профессионального выгорания адвоката проявляются эмоционально и выражаются в проявлении цинизма, раздражительности и агрессии в общении с участниками судебной коммуникации, также они могут проявиться интеллектуально и выразиться в отсутствии желания защищать права и интересы доверителя, искать и приводить новые аргументы, в отсутствии желания предлагать альтернативные решения правовой проблемы, например ходатайствовать перед судом об откладывании судебного разбирательства для проведения процедуры медиации.

В качестве примера проявления межличностных симптомов профессионального выгорания в судебной коммуникации приведем действия адвоката В. А. А., который в ходе оглашения протоколов следственных действий и иных документов в порядке ст. 285 УПК РФ демонстративно употребил конфету, а после замечания судьи, предложил конфету и председательствующему судье Ш. С. Н.

Кроме того, в тот же день после судебного заседания адвокат В. А. А., находясь в зале судебного заседания при получении судебной повестки, допустил высказывания оскорбительного характера в отношении государственного обвинителя Ш. С. П. Решением Совета адвокатской палаты Ленинградской области № 89/22 от 30.08.2022 в отношении адвоката В. А. А. была применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания¹³.

В следующем примере адвокат К. А. В., выступая в прениях сторон, допустил некорректные высказывания при анализе доказательств, представленных стороной обвинения. Высказанные адвокатом выражения, по мнению суда, недопустимы в судебном заседании со стороны адвоката, нарушают честь и достоинство участников уголовного судопроизводства, а также лиц, присутствующих в судебном заседании. Решением Совета адвокатской палаты Ленинградской области № 09/22 от 29.03.2022 в отношении адвоката К. А. В. была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения¹⁴.

Организационные симптомы профессионального выгорания адвоката могут также проявиться поведенчески и выражаться в опоздании и неявке на судебные процессы.

В качестве примера проявления организационных симптомов профессионального выгорания адвокатов в судебной коммуникации приведем действия адвоката Д. С. А., который без уважительных причин опоздал 16.09.2022 и не явился 12.10.2022 в судебное заседание К-го городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению С. В. В. Решением Совета адвокатской палаты Московской области № 01/25-11 от 25.01.2023 в отношении адвоката Д. С. А. была применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания¹⁵.

¹³ Решение Совета АП ЛО: дело № 89/22 от 30.08.2022 // URL: <https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/reshenie-soveta-ap-lo-delo-89-22/> (дата обращения: 22.04.2023).

¹⁴ Решение Совета АП ЛО № 09/22 от 29.03.2022 «О дисциплинарном производстве в отношении адвоката К. А. В.» // URL: <https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/reshenie-soveta-ap-lo-delo-09-22/> (дата обращения: 22.04.2023).

¹⁵ Решение Совета АП МО № 01/25-11 от 25.01.2023 «О дисциплинарном производстве № 09-11/22 в отношении адвоката Д. С. А.» // URL: <https://apmo.ru/distsiplinarnaya-praktika/resheniya-soveta/> (дата обращения: 21.04.2023).

Еще одним примером проявления организационных симптомов профессионального выгорания адвокатов в судебной коммуникации стали нарушения, допущенные адвокатом Т. Е. Н.

Адвокат Т. Е. Н. без уважительных причин не явился как представитель истца Ш. В. С. в судебное заседание 18.04.2022 и 19.04.2022 С-го городского суда, в результате чего исковое заявление было оставлено судом без рассмотрения. Решением Совета адвокатской палаты Московской области № 04/25-01 от 22.03.2023 в отношении адвоката Т. Е. Н. была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения¹⁶.

Поведенческие симптомы также могут выражаться в нежелании принимать участие в судебной коммуникации, например в допросах свидетелей, экспертов и судебных прениях, или, наоборот, в участии адвоката в допросе своего доверителя.

Так, в отчете о деятельности квалификационной комиссии адвокатской палаты Московской области в 2022 г. указано, что за отчетный период имели место случаи участия адвоката в допросе своего доверителя, «направленном на опровержение его версии об оказании на него следователем давления, а также использования в защитительной речи фраз, свойственных, скорее, речи государственного обвинителя»¹⁷.

Таким образом, профессиональное выгорание — одна из серьезных проблем адвокатской деятельности, которая негативно отражается в том числе и на коммуникативных возможностях адвоката, что в итоге может привести к невозможности для адвоката принять участие в судебной коммуникации, к проигрышу дела и нарушению прав доверителя.

Кроме того, проблема профессионального выгорания адвоката является причиной возникновения многочисленных дисциплинарных дел в отношении адвокатов, что, в свою очередь, приводит к снижению доверия не только к адвокатской деятельности, но и в целом к адвокатуре как одному из институтов гражданского общества. Именно поэтому в настоящее время необходимо продолжать изучение данной проблемы с целью нахождения и формулирования фундаментальных предложений по ее решению.

Согласимся с точкой зрения В. И. Донцова и В. Н. Крутько, которые изучали проблемы управления стрессом и психосоциальными рисками во время осуществления трудовой деятельности. Они справедливо считают, что для управления рисками, в нашем случае — риском профессионального выгорания адвоката, требуется междисциплинарное и межведомственное взаимодействие с участием всей организационной системы здоровьесбережения, как на индивидуальном, так и на общественном уровне¹⁸.

¹⁶ Решение Совета АП МО № 04/25-01 от 22.03.2023 «О дисциплинарном производстве № 11-12/22 в отношении адвоката Т. Е. Н.» // URL: <https://apmo.ru/distiplinarnaya-praktika/resheniya-soveta/> (дата обращения: 21.04.2023).

¹⁷ Отчет о деятельности Квалификационной комиссии АПМО в 2022 году // Адвокатская палата. Итоги 2022. С. 19.

¹⁸ Донцов В. И., Крутько В. Н. Здоровьесбережение как современное направление профилактической медицины (обзор) // Вестник восстановительной медицины. 2016. № 1. С. 2—9.

Считаем, что проблема профессионального выгорания адвоката может быть решена следующим образом.

Во-первых, еще на этапе подготовки к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката претендентов необходимо информировать о таком синдроме, как профессиональное выгорание. Будущим адвокатам важно осознать, что адвокатская профессия многозадачна, поэтому им придется не только овладевать юридическими знаниями и навыками, но учиться справляться со стрессами и переутомлениями. Помимо лекционных занятий, безусловно, будущим адвокатам нужно предлагать участие в семинарах и тренингах, где будет возможно диагностировать уровень подверженности риску профессионального выгорания, чтобы уже на этом этапе принимать меры к его минимизации. Например, следует читать будущим адвокатам лекции на эту тему в рамках курса «Введение в профессию адвоката», который организуется адвокатской палатой субъекта Российской Федерации в соответствии с положением п. 9 Стандарта профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов¹⁹.

Во-вторых, на этапе, когда адвокат уже оказывает юридическую помощь, в целях профилактики риска профессионального выгорания адвокату необходимо научиться планировать свое время, ставить как краткосрочные, так и долгосрочные цели. Достижение краткосрочных целей будет вселять в адвоката уверенность в себе, удовлетворение от собственной деятельности. Достижение долгосрочных целей поможет адвокату правильно планировать время, выделяя его и на работу, и на отдых, избегать стрессовых ситуаций, перенапряжения. Этому также могут научить на курсах «Введение в процессию адвоката».

В-третьих, на этапе корпоративного взаимодействия неоценимую помощь в борьбе с профессиональным выгоранием могут оказать как руководители коллективных адвокатских образований, так и коллеги-адвокаты. В этом случае для преодоления синдрома профессионального выгорания можно поделиться собственным опытом и достижениями во время общих собраний в офисах адвокатских образований, а также на курсах повышения квалификации для адвокатов. Представляют интерес также совместные занятия с представителями иных «помогающих профессий».

В-четвертых, в настоящее время для профилактики и преодоления синдрома профессионального выгорания у представителей «помогающих профессий» разрабатываются специальные коррекционные программы²⁰. Ввиду существования для адвокатов риска профессионального выгорания необходима адаптация для них таких коррекционных программ.

Все вышеизложенные меры по профилактике, выявлению и преодолению синдрома профессионального выгорания адвоката будут способствовать достижению

¹⁹ Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов // URL: <https://fparf.ru/documents/documents-of-the-congress/the-standard-of-professional-training-and-improvement-of-professional-level-of-lawyers/> (дата обращения: 15.04.2023).

²⁰ Меркулова Н. Н. Синдром эмоционального выгорания и программа его преодоления в сфере «Помогающих профессий» // Вестник ТГУ. 2011. № 12. С. 199—206.

физического и психологического благополучия адвоката. Следовательно, адвокат сможет в полном объеме реализовывать свои права и обязанности для защиты прав и свобод граждан, в том числе в процессе судебной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баксанский О. Е., Сафоничева О. Г.* Синдром эмоционального выгорания. Взгляд психолога и невролога // Вестник новых медицинских технологий. — 2021. — Т. 28. — № 2.
2. *Бориснев С. В.* Социология коммуникации : учебник для вузов. — М. : Юнити-Дана, 2003. — 270 с.
3. *Губаева Т. В.* Словесность в юриспруденции : учебник / Под ред. В. П. Малкова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1995. — 300 с.
4. *Донцов В. И., Крутько В. Н.* Здоровьесбережение как современное направление профилактической медицины (обзор) // Вестник восстановительной медицины. — 2016. — № 1.
5. *Жалинский А. Э.* Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 362 с.
6. *Кузук А. В.* Психология адвоката (о некоторых психологических особенностях адвокатской деятельности) : практическое руководство. — М. : Согласие, 2016. — 171 с.
7. *Меркулова Н. Н.* Синдром эмоционального выгорания и программа его преодоления в сфере «Помогающих профессий» // Вестник ТГУ. — 2011. — № 12.
8. *Михайлова А. В., Власова К. М.* Профессиональные деформации и профессиональное выгорание педагогов // Педагогическая перспектива. — 2022. — № 2 (6).
9. Профессиональные навыки юриста : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / М. В. Немытина [и др.] ; под ред. М. В. Немытиной. — М. : Юрайт, 2014. — 211 с.
10. *Рогинская Т. И.* Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. — 2002. — Т. 23. — № 3.
11. *Ревина И. В.* Нравственные критерии судебных прений // Адвокатская практика. — 2016. — № 5.
12. *Сапожников И.* Полемика в обвинительной речи прокурора // Социалистическая законность. — 1971. — № 10.
13. *Скабелина Л. А.* Подготовьте раздаваемое! Об эмоциональном выгорании адвокатов // Российский адвокат. — 2021. — № 1.
14. *Скабелина Л. А.* Психологические аспекты адвокатской деятельности : монография. — М. : Федеральная палата адвокатов, 2012.
15. Юридическое образование: поиск новых стандартов качества : материалы исследования. — М. : Институт «Право общественных интересов» (PILnet), 2013. — 416 с.

**Лариса Александровна
СКАБЕЛИНА,**

доцент кафедры
адвокатуры

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),

член Палаты судебных
экспертов имени

Ю. Г. Корухова,
кандидат

психологических наук

skabelina.larisa@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Психологические аспекты применения онлайн-коммуникации в судебном процессе

Аннотация. Статья посвящена психологическим аспектам онлайн-коммуникации в суде. Отмечается, что в связи с развитием информационных технологий российский законодатель все чаще стал внедрять в судебное производство такие способы коммуникации суда и других участников процесса, как видео-конференц-связь. Это свидетельствует об актуальности темы исследования и рассмотрения вопроса о том, каким образом дистанционные технологии меняют коммуникацию в суде. Показаны отрицательные психологические аспекты ведения судебных заседаний в режиме онлайн. С учетом специфики современной видео-конференц-связи поставлен вопрос о целесообразности развития психологических навыков юристов.

Ключевые слова: цифровизация, видео-конференц-связь, судебное заседание онлайн, психологические навыки.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.114-119

Larisa A. SKABELINA,

Associate Professor of the Department of Advocacy
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor,

Member of the Korukhov Chamber of Forensic Experts

skabelina.larisa@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Psychological aspects of using online communication in court proceedings

Abstract. The article is devoted to psychological aspects of using online communication in court. It is noted that in connection with the development of new information technologies, the Russian legislator has increasingly begun to introduce into court proceedings such methods of communication between the court and other participants in the process, such as video conferencing. This indicates the relevance of the research topic and the need to consider the question of how distance technologies are changing communication in court. The author analyzes negative psychological aspects of online court sessions. Taking into account the existing specifics of modern video conferencing the question is raised about feasibility of developing psychological skills of lawyers.

Keywords: digitalization, video conferencing, online court session, psychological skills.

Цифровые технологии меняют не только повседневную жизнь граждан, но и судебный процесс. Возможность применения видео-конференц-связи (ВКС) предусмотрена всеми процессуальными кодексами и используется на практике все чаще. Лица, участвующие в деле, специалисты, эксперты могут теперь принимать участие в деле удаленно посредством видео-конференц-связи. Известны даже случаи применения программы WhatsApp в судебном заседании. Следователь, обвиняемый и адвокат выходили на связь при помощи телефона следователя из его кабинета¹. Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре от 30.04.2020 указал, что проведение судебных заседаний посредством ВКС не противоречит понятию справедливого и публичного слушания, если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый может беспрепятственно следить за ходом процесса, видеть и слышать его участников, а также быть заслушанным². Экономятся время и деньги, что, безусловно, способствует активному внедрению онлайн-технологий в судебный процесс.

Вместе с тем онлайн-коммуникация в судебном процессе не тождественна обычной, очной коммуникации, что может сказываться как на процессе рассмотрения дел, так и на принятии решения судом. Онлайн-коммуникация не тождественна очной коммуникации не только в судебном процессе. В принципе любая онлайн-коммуникация имеет существенные отличительные черты.

В структуре общения психологи выделяют три подструктуры: коммуникативную, перцептивную и интерактивную. Коммуникативная подструктура состоит в обмене информацией между участниками общения, перцептивная подструктура — это взаимное восприятие и оценка участниками коммуникации друг друга, интерактивная подструктура — это обмен действиями.

В онлайн-коммуникации все эти подструктуры имеют свою специфику. Обмен информацией в процессе коммуникации происходит через вербальные и невербальные средства общения. За счет невербальных средств передается до 60—80 % информации. Невербальная коммуникация — это коммуникация посредством неречевых средств общения.

Различают следующие виды невербальных средств общения:

1) визуальные:

- кинесика (движения рук, головы, ног, туловища, походка);
- выражение лица, глаз;
- позы, осанка, положение головы;
- направление взгляда, визуальные контакты;
- кожные реакции — покраснение, побледнение, потение;
- проксемика (пространственная и временная организация общения) —

расстояние до собеседника, угол поворота к нему, персональное пространство;

¹ Иванов В. В., Сержантова Л. А. Развитие электронного судопроизводства в период пандемии COVID-19 // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия : Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 13—20.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

— вспомогательные средства общения — подчеркивание или сокрытие особенностей телосложения (признаки пола, возраста, расы);

— средства преобразования природного телосложения — одежда, прическа, косметика, очки, украшения, татуировки, усы, борода, мелкие предметы в руках;

2) акустические:

— паралингвистические (качество голоса, его диапазон, тональность) — громкость, тембр, ритм, высота звука;

— экстралингвистические — речевые паузы, смех, плач, вздохи, кашель;

3) тактильные:

— такесика — прикосновения, пожатия руки, объятия, поцелуи;

4) ольфакторные:

— приятные и неприятные запахи окружающей среды;

— естественный и искусственный запахи человека³.

Тактильные средства общения не применяются при коммуникации в судебном процессе, поэтому их отсутствие не сказывается на качестве коммуникации онлайн; ольфакторные в обычном судебном процессе, хотя и ограниченно, но имеют место. Например, сильный запах одеколона в сочетании с красноватым носом и специфической отечностью могут быть восприняты аудиторией как признак алкогольной зависимости человека. В онлайн-коммуникации запахи не участвуют. Остальные средства общения (визуальные и акустические) в большей или меньшей степени имеют специфику при онлайн-коммуникации в суде.

Участник судопроизводства, присутствующий в суде посредством ВКС, виден на экране не полностью. Воспринимающие его в зале суда видят только его так называемую «зону телевизора», т.е. ту часть, которая попадает в камеру и, соответственно, на экран. Таким образом, за пределами видимости остаются его руки, ноги, туловище. Тем, кто в зале суда, не представляется возможным наблюдать за позой участвующего в заседании посредством ВКС и ее изменениями, осанкой, движениями рук. То есть наблюдающие этого участника в зале суда не получают значительную часть невербальной информации, передаваемой визуальными средствами.

Однако эта информация может являться важной, например, при оценке достоверности показаний. Психологическая диагностика лжи главным образом основана на отслеживании невербальных сигналов говорящего. Именно невербальные сигналы психологи считают наиболее достоверными, так как они в меньшей степени, чем слова, контролируются сознанием.

Стремясь обмануть, человек в первую очередь продумывает слова, контролирует текст своего сообщения. На втором месте здесь — лицо. Подготовив речь, которая должна ввести в заблуждение, лжесвидетель стремится контролировать свое лицо, мимику. После мимики следуют характеристики голоса (изменение тембра, темпа речи, появление пауз и т.д.), их контролировать сложнее. И меньше всего контролируется, а значит, выдает истинные намерения, тело (позы, жесты).

Таким образом, достоверность сигналов, исходящих от говорящего, уменьшается в следующем порядке: слова, лицо, голос, тело⁴. То есть тело — это то,

³ *Рогов Е. И.* Психология общения. М. : Владос, 2002, С. 82.

⁴ *Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб. : Питер, 2018.

что больше всего выдает лгущего человека. Как раз тело участвующего в судебном процессе посредством ВКС и остается вне поля зрения судьи и остальных находящихся в зале суда.

Также помогает заподозрить ложь отставание во времени эмоций от сообщения. Если человек сначала говорит, что был расстроен, а затем на его лице появляются соответствующие мимические изменения, то это должно насторожить собеседника. Это один из психологических признаков лжи⁵.

Эмоции возникают быстро, кратковременны и связаны больше со сферой бессознательного. При использовании ВКС лицо говорящего можно разглядеть детальнее, поскольку оно находится на расстоянии примерно 50 см от камеры. Это значительно ближе, чем при очном участии в судебном процессе. Эмоции проявляются в напряжении лицевых мышц, динамике изменений, кожных реакциях (покраснение, побледнение, потение), характеристиках голоса.

Распознавание лжи по невербальным сигналам возможно тогда, когда человек осознает, что лжет и намеренно вводит слушателя в заблуждение. Тогда его лицо, голос, тело, не контролируемые им в полной мере, могут выдать его. Если же он искренне заблуждается, убежден в том, что говорит правду, то он неосознанно демонстрирует сигналы искренности и открытости.

Психологи предупреждают, что при диагностике правдивости/лживости не следует полностью полагаться на расшифровку невербальных сигналов. Их необходимо рассматривать в сочетании с другими признаками лжи (противоречиями, использованием чужого лингвистического стереотипа и проч.). Однако при формировании внутреннего убеждения в искренности говорящего невербальные сигналы играют значительную роль.

Следует также учитывать, что человек, находящийся перед камерой на расстоянии 50 сантиметров, испытывает колоссальный стресс. В обычной жизни мы мало кого допускаем настолько близко к себе. В психологии эта дистанция называется личной, в нее мы пускаем только знакомых людей. А в судебном процессе при удаленном участии посредством ВКС выступающий перед камерой вынужден предоставлять возможность аудитории наблюдать за ним на таком близком расстоянии, т.е. пускает ее в зону своей личной дистанции. Стрессовой является в принципе сама ситуация выступления гражданина в суде. Необходимо учитывать, что стресс умножается, если человек выступает удаленно посредством ВКС. И это, безусловно, сказывается на его выступлении, меняет коммуникацию. При оценке правдивости/лживости это также необходимо учитывать.

Голос участника судопроизводства при использовании ВКС искажается. Из-за нестабильности интернет-связи и фоновых шумов могут теряться различные нюансы интонаций, вздохов, пауз, которые свидетельствуют об изменении психологического состояния, эмоциях говорящего. Это также затрудняет коммуникацию, может влиять на оценку правдивости/лживости показаний.

Онлайн-коммуникация в суде повышает требования к голосовой подготовке прокурора, адвоката. Желая доказать суду правоту позиции защиты и обвинения, адвокат и прокурор стремятся оказывать психологическое воздействие

⁵ Экман П. Указ. соч.

на протяжении всего судебного процесса⁶. Голос в онлайн-коммуникации становится мощным инструментом правомерного психологического воздействия в суде.

Адвокаты и прокуроры используют различные способы рационального и эмоционального воздействия на суд и аудиторию. Юристы по-разному относятся к возможности осуществления психологического воздействия в суде, однако коммуникацию невозможно представить себе без психологического воздействия. Непроизвольно люди повсеместно оказывают психологическое влияние друг на друга в процессе общения. Конечно, воздействие адвоката и прокурора в судебном процессе должно быть правомерным и этичным.

Если адвокат или прокурор участвуют в суде дистанционно, то средства влияния на аудиторию меняются. При отсутствии у адвоката и прокурора возможности транслировать всем телом свои эмоции, убежденность в правоте позиции защиты или обвинения повышается роль лицевой экспрессии. Опытные телевизионщики знают, что камера «съедает» до 50 % эмоций и впервые участвующим в съемках советуют преувеличивать свои эмоции, иначе они не будут считываться зрителем. Та же участь ожидает и аудиторию, наблюдающую выступающего в суде участника процесса на экране, т.е. аудитория быстрее заскучает, потеряет бдительность, станет невнимательной. Чтобы результативно воздействовать на аудиторию, адвокату и прокурору необходимо учитывать эти особенности онлайн-коммуникации.

При использовании ВКС в судебном процессе затрудняется решение адвокатом и прокурором и других психологических задач: установления психологического контакта с непрофессиональными участниками процесса, оптимизации их психического состояния, актуализация и памяти допрашиваемого.

Невозможность поддержания зрительного контакта или его специфичность при онлайн-коммуникации негативно сказываются на возможности установления психологического контакта. Для адвоката и прокурора важно уметь корректировать негативные психические состояния допрашиваемого, помочь ему «взять себя в руки», собраться. В этом особенно существенную роль играют невербальные компоненты коммуникации: соответствующая мимика, наклон корпуса в сторону говорящего, интонации и др. В онлайн-коммуникации эти возможности уменьшаются или теряются совсем.

В связи с особенностями онлайн-коммуникации в судебном процессе адвокату и прокурору потребуется дополнительная компетенция — деловой онлайн-коммуникации, которая в самом общем виде состоит в способности и готовности управлять процессом онлайн-общения. ФГОС ВО коммуникативная компетентность определяется как умение ставить и решать определенного типа коммуникативные задачи: определять цели коммуникации, оценивать ситуацию, учитывать намерения и способы коммуникации партнера (партнеров), выбирать адекватные стратегии коммуникации, быть готовым к осмысленному изменению собственного речевого поведения.

⁶ Ратинова Н. А., Кроз М. В. Использование прокурором психологических средств коммуникативного воздействия при рассмотрении уголовных дел судами : методические рекомендации / Акад. Ген. прокуратуры РФ. М., 2013. С. 8.

В контексте внедрения онлайн-коммуникации в судебные процессы содержание данной компетенции должно уточняться. Соответственно, подготовка юристов в вузе должна включать в себя практически ориентированные дисциплины по развитию навыков деловой онлайн-коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Иванов В. В., Сержантова Л. А.* Развитие электронного судопроизводства в период пандемии COVID-19 // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. — Серия : Гуманитарные и общественные науки. — 2021. — № 4. — С. 13—20.
3. *Ратинова Н. А., Кроз М. В.* Использование прокурором психологических средств коммуникативного воздействия при рассмотрении уголовных дел судами : методические рекомендации / Акад. Ген. прокуратуры РФ. — М., 2013.
4. *Рогов Е. И.* Психология общения. — М. : Владос, 2002.
5. *Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. — СПб. : Питер, 2018.

**Андрей Александрович
СОЛОВЬЕВ,**

профессор кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
solov.arbitr@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Судейская этика в судебной коммуникации: опыт Французской Республики

Аннотация. При отправлении правосудия судьи руководствуются определенными этическими принципами. Действие таких принципов распространяется и на судебную коммуникацию (взаимодействие суда с участниками судопроизводства).

Автором рассмотрен зарубежный опыт регламентации этических аспектов судебной коммуникации на примере Французской Республики. Соответствующие положения содержатся в Сборнике этических обязательств магистратов.

Проанализировано воплощение в судебную коммуникацию таких важнейших этических принципов поведения магистратов, как независимость, беспристрастность, честность и порядочность, достоинство, уважение и внимание к окружающим, корректность и сдержанность.

Кроме того, уделено внимание этическим вопросам судебной коммуникации перед судебным заседанием, в ходе судебного заседания, во время совещания судей и при вынесении решения.

Ключевые слова: судебная коммуникация, зарубежный опыт, судебская этика, Французская Республика, магистраты.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.120-126

Andrey A. SOLOVYEV,

Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law)

solov.arbitr@rambler.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Judicial Ethics in Judicial Communication: the Experience of the French Republic

Abstract. When administering justice, judges are guided by certain ethical principles. These principles also apply to judicial communication (the interaction of the court with participants in legal proceedings).

The author considers foreign experience in regulating the ethical aspects of judicial communication on the example of the French Republic. Relevant provisions are contained in the Compendium of Ethical Obligations of Magistrates.

The embodiment in judicial communication of such important ethical principles of magistrates' behavior as independence, impartiality, honesty and

decency, dignity, respect and attention to others, correctness and restraint is analyzed.

In addition, attention is paid to the ethical issues of judicial communication before the court session, during the court session, during the meeting of judges and when making a decision.

Keywords: *judicial communication, international experience, judicial ethics, French Republic, magistrates.*

При отправлении правосудия судьи руководствуются в том числе определенными этическими принципами, имеющими нормативное закрепление, действие которых распространяется и на судебную коммуникацию (взаимодействие суда с участниками судопроизводства).

Так, соответствующее регулирование содержится в Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (в редакции постановления IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 № 2 и постановления X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 4)¹, частью 4 ст. 10 которого, например, установлено, что судья должен проявлять корректность в общении с гражданами, с уважением относиться к нравственным обычаям и традициям народов, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию, не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету судебной власти.

В настоящей статье мы рассмотрим зарубежный опыт регламентации судебной коммуникации в актах, посвященных вопросам судейской этики, остановившись на примере Французской Республики.

В данном государстве этические принципы для магистратов систематизированы в едином акте, принятом высшим органом профессионального сообщества. Этот акт именуется Сборником этических обязательств магистратов², к числу которых относятся и судьи (далее также — Сборник).

При этом функции по подготовке и публикации Сборника этических обязательств магистратов во Франции возложены на Высший совет магистратуры Французской Республики (ст. 20-2 Органического закона от 05.02.1994 № 94-100 «О Высшем совете магистратуры»)³.

Важно отметить, что Высший совет магистратуры во Франции по своей сути — конституционный орган, призванный обеспечивать независимость судебной власти, он также является и особым дисциплинарным судебным органом (дисциплинарным судом) для магистратов.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Recueil des obligations déontologiques des magistrats // URL: <http://www.conseil-superieur-magistrature.fr/publications/recueil-des-obligations-deontologiques/recueil-des-obligations-deontologiques-des-0> (дата обращения: 27.03.2023).

³ Loi organique № 94-100 du 5 février 1994 sur le Conseil supérieur de la magistrature // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000364282/> (дата обращения: 27.03.2023).

Соответственно, 09.01.2019 на пленарном заседании Высшего совета магистратуры была принята обновленная версия Сборника, состоящая из двух разделов: «Ценности магистрата» и «Приложения».

Важно отметить, что Сборник не представляет собой этический кодекс, имеющий силу нормативного правового акта, содержание которого остается неизменным. Он устанавливает принципы профессионального поведения, сформулированные вокруг основных ценностей, которые должны быть основой поведения любого магистрата.

Этическим вопросам судебной коммуникации посвящен ряд положений раздела Сборника «Ценности магистрата», содержащего описание таких базовых деонтологических принципов, как независимость, беспристрастность, честность и порядочность, верность долгу (лояльность), профессиональная добросовестность, достоинство, уважение и внимание к окружающим, корректность и сдержанность.

В частности, необходимо обратить внимание на следующие ключевые положения. Независимость требует от магистратов определенного менталитета, навыков межличностного общения, знаний и опыта, которые необходимо приобретать. Беспристрастность предполагает, что магистрат должен оставаться на равном удалении от сторон, чтобы быть беспристрастным и объективным при исполнении своих функций. Ему недостаточно быть беспристрастным при исполнении своих функций, он также должен выглядеть беспристрастным.

Нигде, особенно на территории суда и в зале судебного заседания, магистрат не должен демонстрировать тесные отношения с той или иной стороной судебного разбирательства или ее адвокатами. Судья не должен демонстрировать тесные отношения с представителями прокуратуры, и наоборот. При исполнении своих должностных функций он должен воздерживаться от любого прозелитизма, который может подорвать имидж беспристрастности, необходимой для исполнения его функций.

Судья должен выслушивать и принимать во внимание все обсуждаемые в судебном заседании точки зрения, несмотря на свое личное мнение, игнорируя любые предрассудки. Судья старается не вызывать у участника судебного процесса чувства неравного обращения своей способностью слушать, своими реакциями или формулировками вопросов. Он не должен подавать никаких признаков одобрения или неодобрения, а также комментировать действия адвоката или прокурора.

Порядочность, которая понимается как общее требование честности, определяет профессиональное поведение, поведение в обществе и личную жизнь. Порядочность побуждает магистрата воздерживаться как от любого незаконного поведения, так и от любого бестактного поведения. Говоря о достоинстве, следует принимать во внимание, что в отношении третьих лиц, коллег и сотрудников оно предполагает манеру поведения и общения, соответствующую статусу магистрата.

Магистрат должен воздерживаться от использования как в письменной, так и в устной речи выражений или комментариев, которые в силу своей формы или чрезмерного характера могут нанести ущерб авторитету судебной власти. Свобода судопроизводства не допускает употребления выражений, ущемляющих чье-либо

достоинство. В своих высказываниях и поведении в публичном пространстве магистрат обязуется проявлять осторожность, чтобы не поставить под сомнение свой высокий должностной статус и не умалить авторитет судебной власти.

Следуя принципу уважения и внимания к окружающим, магистрат поддерживает с участниками судебного процесса, свидетелями, работниками аппарата суда и лицами, взаимодействующими с органами судебной власти, отношения, пронизанные деликатностью, проявляя уважение к человеческому достоинству и выслушивая окружающих. Под деликатностью понимается поведение, характеризующееся сдержанностью, рассудительностью и внимательностью по отношению к другим.

Проявляя уважение к участникам судебного процесса, магистрат должен воздерживаться от использования как в письменной, так и в устной или невербальной речи любых неуместных, снисходительных, унижительных, дискриминационных, агрессивных или презрительных жестов, слов, выражений или комментариев.

В случае необходимости гласность судебного разбирательства является гарантией его беспрепятственного проведения. При этом магистрат не должен терпеть превращение судебного заседания в зрелище или нарушение официального порядка его проведения. Он обеспечивает соблюдение основных правил вежливости сторонами, их представителями и иными присутствующими в судебном заседании лицами.

Судья, ведущий судебное разбирательство, или председательствующий в судебном заседании и прокурор, который осуществляет уголовное преследование или привлекается для участия в гражданских делах, совершают необходимые действия, проявляя уважение к людям от имени власти.

Магистрат, ставший в ходе судебного заседания свидетелем дискриминационных и/или предосудительных уголовно наказуемых высказываний, пресекает их и заносит в протокол, чтобы принять необходимые меры. Председательствующий судья обязан давать общие разъяснения. Он гарантирует, что каждый участник судебного процесса полностью понимает соответствующую роль каждого сотрудника судебного органа. Наконец, проявляя корректность и сдержанность, действуя по своему усмотрению, магистрат заботится о поддержании имиджа правосудия.

Значительный интерес представляет также глава «Магистрат в судебном заседании», содержащаяся в разделе Сборника «Приложения». Основной целью этого раздела является систематизация практических рекомендаций, определяющих правила поведения магистратов в различных жизненных ситуациях.

Отмечено, что открытое судебное заседание — это прежде всего место отправления правосудия, находящееся под огнем критики, усиливаемой средствами массовой информации и социальными сетями. Магистраты должны понимать, что любое слово в этой ситуации, даже если они считают его не стоящим внимания или обычным, может иметь особое значение для участника судебного процесса, который может не владеть профессиональными терминами и их использованием в судебном процессе.

Это влечет за собой для магистратов непереносимое требование быть образцом для подражания и соблюдать обязанности, налагаемые их статусом. Разумеется, эта же обязанность продолжает существовать, когда суд рассматривает дело в закрытом судебном заседании.

Магистрат изучает переданные ему материалы дела до начала судебного заседания, чтобы иметь возможность провести его компетентно и эффективно. Предварительное изучение материалов дела также позволяет предвосхитить юридические вопросы и споры по поводу фактических обстоятельств, а также возможные трудности в связи с обязанностью сохранять беспристрастность, возложенной на магистрата.

Магистрат берет самоотвод, не дожидаясь возможного заявления об отводе, всякий раз, когда ситуация может вызвать, по его мнению, у участников судебного процесса или общественности законное сомнение в его беспристрастности или в наличии конфликта интересов. В случае сомнений он выносит вопрос на обсуждение при участии всех заинтересованных сторон и принимает меры для его протоколирования.

При необходимости облегчить ход перегруженного судебного разбирательства магистрат, предваряя решение о передаче дела, принимает во внимание объективные критерии (содержание под стражей, безотлагательность, длительность рассмотрения дела, предыдущие передачи и т.д.); затем он обращается к сторонам, соблюдая принцип состязательности, чтобы обсудить возможность передачи дела.

Перед открытием судебного заседания магистрат, находящийся в присутственных местах здания суда, следит за своим поведением, которое ни в коем случае не должно интерпретироваться участниками судебного процесса или представителями общественности как проявление легкомыслия, развязности или предвзятости.

Надевая судейскую мантию, магистрат избегает проявлений на публике любых фамильярности, дружбы или вражды между судьями и прокурорами, а также с секретарем и вспомогательным персоналом судебных органов. Такая же обязанность контролировать свое поведение возлагается при входе в зал судебного заседания, при удалении на совещание или при возвращении после совещания.

Помимо обязательного поведения, демонстрирующего беспристрастность, этот контроль со стороны магистрата за своим отношением и впечатлением, которое может создать его способ общения с прокурором и адвокатами, наглядно показывает его уважение к участникам судебного процесса.

Судьи и прокуроры следят за тем, чтобы их принадлежность к единому корпусу магистратов и близость их должностных функций не переросли в отношения и поведение, которые могут создать у участников судебного процесса впечатление смешения между полномочиями поддержки государственного обвинения и отправления правосудия.

В ходе судебного заседания уважение к участникам судебного процесса также определяет выбор слов и тона, с которым они произносятся. По возможности, обсуждение дела с целью определения его дальнейшего движения в начале слушания позволяет оценить сложность дела и немедленно рассмотреть возможные ходатайства о передаче дела. Это также дает возможность в случае, когда судебное разбирательство явно перегружено, разрешить вопрос о передаче дела ех officio в начале слушания и тем самым избежать ненужного ожидания стороной в течение всего времени.

Если магистрат обнаруживает наличие оснований для отвода только во время судебного заседания, не имея возможности заранее взять самоотвод, он сообщает об этом сторонам и при необходимости рассматривает вопрос о возможности передачи дела.

В целом магистратам необходимо:

- избегать систематического отказа в удовлетворении или, наоборот, удовлетворения ходатайств сторон;
- производить только обоснованные передачи дел;
- поручать проведение следственных действий профессионалам, руководствуясь при этом объективными критериями;
- в ходе судебного заседания руководить прениями или участвовать в них тактично, демонстрируя авторитет и действуя беспристрастно;
- докладчик не должен показывать, что его мнение уже сформировано, или не должен давать понять, что пояснения сторон бесполезны.

Напряженность, связанная с характером дела, как и высокая нагрузка или чрезмерная продолжительность слушания, вынуждает магистрата проявлять особую бдительность в части уважению и обеспечения уважения достоинства личности.

Магистрат внимательно следит за прениями сторон. Он не показывает своей усталости и не занимается другими делами во время слушания. Следует избегать продолжительных обменов мнениями между членами суда во время судебных прений или обвинительной речи прокурора: они неизбежно будут истолкованы как доказательство невнимания к аргументам прокуратуры или сторон.

Точно так же прокурор должен внимательно слушать во время судебных прений. Ему следует избегать проявлений неуважения или безразличия. Хотя сторона обвинения вправе, когда сочтет это необходимым, ходатайствовать, чтобы после прений ей снова предоставили слово, она не может позволить себе прерывать адвоката во время его выступления.

Председательствующий следит за тем, чтобы прокурор не прерывал адвоката во время его выступления, а прокурора также не прерывали или не мешали ему во время выступления с обвинительной речью. В своей обвинительной речи в судебном заседании по уголовному делу прокурор пытается сочетать самые суровые комментарии, которые может повлечь существо дела, и появление уважения к личности. В любом случае свобода слова не допускает оскорблений или вульгарности.

Магистраты должны воздерживаться от любого поведения или замечаний, наносящих ущерб достоинству потерпевшего, обвиняемого или осужденного, свидетелей, а также от любых проявлений дискриминационного характера в отношении принадлежности заинтересованного лица к группе или сообществу.

После завершения прений магистрат следит за тем, чтобы не взаимодействовать с участниками судебного процесса, вспомогательным персоналом судебных органов, прокурором в условиях, которые могут создать впечатление, что он собирает дополнительные доказательства с нарушением принципа состязательности (замечания, сделанные тихим голосом, и т.д.), даже если речь идет о другом деле.

В коллегиальном судебном заседании следует избегать оглашения приговора по уголовному делу сразу после последнего слова, подтверждая мнение

о бессмысленности прений и совещания судей. Только свободное обсуждение между членами суда является гарантией реальности их совещания и рассмотрения аргументов, выдвигаемых каждой из сторон.

На коллегиальном или единоличном слушании судья показывает, что он принимает решение только после того, как внимательно выслушает стороны, и по прошествии некоторого времени, посвященного оценке всех аргументов. Магистрат соблюдает сроки вынесения решений и обеспечивает их обоснованность.

В заключение отметим, что содержащиеся в Сборнике положения дают магистратам весьма четкие ориентиры, касающиеся поведения при осуществлении ими судебной коммуникации, однако не могут освободить их от углубленного самостоятельного размышления, поскольку каждая ситуация требует специального ответа с учетом конкретных жизненных обстоятельств.

БИБЛИОГРАФИЯ

Recueil des obligations déontologiques des magistrats // URL: <http://www.conseil-superieur-magistrature.fr/publications/recueil-des-obligations-deontologiques/recueil-des-obligations-deontologiques-des-0> (дата обращения: 27.03.2023).

Особенности взаимодействия участников процесса и суда при рассмотрении дел с использованием веб-конференций в арбитражных судах

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия между участниками судебных процессов и судом в рамках рассмотрения дел с использованием веб-конференции в арбитражных судах. В ходе анализа подробно рассматриваются позитивные и негативные стороны онлайн-формата в судебных процедурах, а также даются рекомендации по оптимальной подготовке к виртуальным заседаниям и соблюдению этикета в данном контексте.

В статье анализируются две крупных группы проблем; первая из них связана с подачей ходатайства об участии в судебном заседании с использованием сервиса онлайн-заседаний и коммуникацией с судом на данном этапе, вторая — с непосредственным участием в судебном заседании и особенностями взаимодействия с судом «через экран». Исследование показало, что использование веб-конференций в арбитражных судах имеет ряд преимуществ, таких как экономия времени и ресурсов, однако также имеет и свои недостатки, связанные с техническими проблемами и ограниченностью коммуникативных возможностей.

Ключевые слова: веб-конференции, онлайн-формат, судебные процессы, этикет, технические проблемы, коммуникативные возможности, экономия ресурсов, рекомендации, правила поведения, судебные заседания.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.127-135

Юлия Валерьевна ТИХОМИРОВА,
доцент кафедры
гражданского и
административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
yuvtikhomirova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Виктория Викторовна ШКАРЕВСКАЯ,
адвокат коллегии
адвокатов
«Грибаков, Поляк
и партнеры» Московской
области
vzamury@yandex.ru
119049, Россия, г. Москва,
ул. Донская, д. 4, стр. 3,
оф. 106

© Тихомирова Ю. В.,
Шкаревская В. В., 2023

Julia V. TIKHOMIROVA,

Associate Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
yuvtikhomirova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Victoriya V. SHKAREVSKAYA,

Lawyer of the Bar Association "Gribakov, Polyak
and Partners", Moscow Region
vzamury@yandex.ru
of. 106, 4, str. 3, ul. Donskaya, Moscow, Russia, 119049

Features of interaction between participants and the court in considering cases using web conferencing in Arbitration Courts

Abstract. *This article is dedicated to exploring the intricacies of interaction between participants of legal proceedings and the court within the context of case hearings utilizing web conferencing in Arbitration Courts. The analysis delves into both the positive and negative aspects of the online format in legal procedures and provides recommendations for optimal preparation for virtual sessions and adherence to etiquette within this framework.*

The article scrutinizes two major groups of issues; the first pertains to filing requests for participation in court sessions through online conferencing services and communication with the court at this stage, while the second deals with direct involvement in court sessions and the nuances of interacting with the court "through the screen".

The research demonstrates that the employment of web conferencing in Arbitration Courts brings several advantages, such as time and resource efficiency. However, it also presents its own drawbacks, associated with technical problems and limited communication possibilities.

Keywords: *web conferences, online format, court proceedings, etiquette, technical issues, communication capabilities, resource savings, recommendations, rules of conduct, court hearings.*

Пандемия COVID-19, вызвавшая ограничительные меры, осталась далеко позади, но она дала толчок для развития дистанционных технологий участия в арбитражном процессе и послужила основой для нормативного регулирования таких форм участия в Арбитражном процессуальном кодексе РФ.

Интерес к дистанционным формам участия в арбитражном процессе не уменьшился, а наоборот, продолжает развиваться, вызывая все новые и новые вопросы. Так, например, портал «Право.ру» приводит следующую статистику по онлайн-заседаниям: «С мая 2020 г. по май 2022 г. в России прошло 636 250

онлайн-заседаний. За два года их количество увеличилось в 10 раз. По состоянию на май 2022 года 7,7 % всех заседаний проходили в формате онлайн. С начала этого года прошло уже 177 617 дистанционных процессов: это на 28 % больше, чем за аналогичный период в прошлом году»¹.

В этом ключе актуальной темой остается исследование различных аспектов взаимодействия суда и участников арбитражного процесса при использовании веб-конференций, или онлайн-заседаний. Поскольку вопросы взаимодействия могут возникать на всех этапах, полагаем правильным разделить их на своеобразные подгруппы по этапам организации и участия в онлайн-заседаниях.

Вопросы первой подгруппы связаны с подачей заявления об участии в судебном заседании с использованием сервиса онлайн-заседаний и рассмотрением такого заявления судом. Инициирование процедуры участия с использованием веб-конференции начинается с подачи соответствующего ходатайства в арбитражный суд, рассматривающий дело. После подачи такого заявления у суда возникает обязанность дать ответ на указанное ходатайство. В статье 153.2 АПК РФ определено, что об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования системы веб-конференции арбитражный суд выносит определение, в котором указывается время проведения судебного заседания.

Положения статьи 153.2 АПК РФ предусматривают заблаговременную подачу письменного ходатайства об участии в судебном заседании с использованием систем веб-конференции, однако полагаем, что существуют ситуации, в которых такое ходатайство может быть заявлено устно, в судебном заседании. Например, если судом в судебном заседании удовлетворяется ходатайство об отложении судебного разбирательства, то одновременно также может быть рассмотрено ходатайство об организации веб-конференции при рассмотрении дела в суде в следующую дату.

Таким образом, на этапе подачи и рассмотрения заявления об участии в судебном заседании с использованием систем веб-конференции взаимодействие суда и участников процесса происходит больше в письменном виде. Подача заявления возлагает на суд определенные обязанности, в том числе он должен убедиться в наличии технической возможности организации веб-конференции, следует проверить заблаговременность подачи ходатайства (в соответствии с ч. 4 ст. 159 АПК РФ), наличие у лица права на обращение с таким ходатайством, извещение заявителя о дате, времени и иных условиях участия в судебном разбирательстве с использованием системы веб-конференции.

Вторая подгруппа вопросов связана с идентификацией лиц, принимающих участие в заседании с использованием веб-конференции.

АПК РФ не раскрывает процедуру идентификации лиц, участвующих в судебном заседании с использованием системы веб-конференции, не уточняет, каким образом производится удостоверение личности явившегося лица.

На сегодняшний день в арбитражных судах России применяется порядок идентификации и аутентификации через ЕСИА «Госуслуги». Арбитражные суды

¹ Онлайн-заседания: что изменилось за два года // URL: <https://pravo.ru/story/240666/> (дата обращения: 29.04.2023).

размещают информацию о доступе к системе онлайн-заседаний² на своих официальных сайтах, инструкции по участию в судебном заседании путем использования системы веб-конференции утверждаются внутренними приказами судов.

Идентификация пользователей на практике состоит из двух этапов. На первом этапе проверяется соответствие данных учетной записи данным, указанным при заявлении ходатайства об участии с использованием веб-конференции. Так, например, в регламенте организации участия сторон в судебном заседании Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) отдельно отмечено, что для участия в судебном заседании лица, ходатайствовавшие об участии с использованием сервиса онлайн-заседания, должны быть авторизованы под теми же учетными записями, что и в единой системе идентификации и аутентификации, с которых были поданы соответствующие ходатайства.

Второй этап идентификации производится председательствующим судьей при проверке явки лиц, участвующих в деле.

Исходя из положений п. 2 ч. 2 ст. 153 АПК РФ, суд проверяет явку в судебное заседание лиц, участвующих в деле, их представителей и иных участников арбитражного процесса, устанавливает их личность и проверяет полномочия.

Тем же регламентом Арбитражного суда Республики Саха (Якутия), например, предусмотрено, что арбитражным судом производятся проверка явки, установление личностей лиц, участвующих в деле, и проверка их полномочий на основании документов, приложенных сторонами к ходатайству об участии в онлайн-заседании. Если у суда имеются сомнения в подлинности личности участника арбитражного процесса, такому участнику может быть отказано в допуске к участию в онлайн-заседании³.

То есть проверка явки фактически сводится к соотнесению лица, явившегося в судебное заседание, и фотографии на документе, удостоверяющем личность.

Интересным представляется также тот факт, что иногда суды для идентификации лица просят показать на камеру паспорт или иной документ, удостоверяющий личность, а также доверенность⁴.

Полагаем, что данный способ идентификации не является достаточно надежным, поскольку суд все равно не имеет возможности лично осмотреть документ,

² См.: Проведение судебных заседаний с использованием системы веб-конференции во Втором арбитражном апелляционном суде // URL: <https://2aas.arbitr.ru/deloizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zasedaniy-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii> (дата обращения: 29.04.2023); Судебные заседания путем использования системы веб-конференции (онлайн-заседания) // URL: <https://17aas.arbitr.ru/process/online> (дата обращения: 29.04.2023).

³ Регламент организации участия сторон в судебном заседании Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) // URL: <https://yakutsk.arbitr.ru/sites/yakutsk.arbitr.ru/files/pdf/REGLAMEN.pdf> (дата обращения: 29.04.2023).

⁴ Онлайн-заседания в арбитражных судах. Как юристы пользуются новым сервисом // URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/onlayn-zasedaniya-v-arbitrazhnykh-sudakh-kak-yuristy-polzuyutsya-novym-servisom/> (дата обращения: 29.04.2023).

а дефекты видеосвязи, искажение изображения при трансляции не дают возможность удостовериться в подлинности документов.

Авторы данной статьи полагают, что оптимальным способом идентификации участников процесса стало бы внедрение технологии автоматической верификации, позволяющей распознать данные документа, удостоверяющего личность, и сопоставить фотографию в документе с лицом, участвующем в судебном заседании.

На сегодняшний день в России существуют сервисы, оказывающие услуги по идентификации личности по паспортным данным; постепенно такие сервисы внедряются во многих сферах жизни: онлайн-банках, каршеринге, на онлайн-площадках по продаже товаров и т.д.⁵ Введение такой системы в судебный процесс облегчило бы процедуру идентификации для судей, исключило человеческий фактор и случайные ошибки, которые потенциально могут лишить участника арбитражного процесса доступа к правосудию. В то же время по результатам автоматической верификации может составляться протокол о проверке личности и соответствии лица, участвующего в заседании, документу, удостоверяющему личность.

Следующей, взаимосвязанной с предыдущей, группой вопросов является осуществление судом действий, предусмотренных ч. 4 ст. 153.2 АПК РФ, согласно которой арбитражный суд берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение. Она представляется в арбитражный суд в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Система онлайн-заседаний в арбитражных судах, доступная через ресурс «Картотека арбитражных дел», как верно отмечает Е. С. Трезубов, не обеспечивает мгновенный обмен электронными документами, и документы могут быть поданы только заблаговременно через сервис «Мой Арбитр» или на бумажном носителе через приемную или по почте.

В связи с этим необходимо разработать систему моментального обмена документами с судом внутри сервиса участия в онлайн-заседаниях для реализации обязанности о предоставлении соответствующей подписки свидетеля, переводчика и эксперта в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью⁶.

Недостатком применения усиленной квалифицированной электронной подписи является необходимость заблаговременной подготовки и дополнительных материальных затрат на специальное программное обеспечение для ее установки и использования. Тем не менее законодатель при принятии нормы ч. 4 ст. 153.2 АПК РФ, вероятно, руководствовался мыслью, что подписка свидетеля, переводчика и эксперта, удостоверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, обеспечивает суду определенные гарантии при установлении личности.

⁵ URL: <https://iidx.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

⁶ Трезубов Е. С. Особенности производства в арбитражном суде первой инстанции // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 1 (21). С. 83.

Несмотря на это, существующий порядок взятия подписки с использованием веб-конференции считается сложным, громоздким и требующим дополнительных временных и финансовых затрат. Поэтому было бы более удачным вариантом ввести в АПК РФ положения, устанавливающие, что разъяснение прав, обязанностей и ответственности при аудиопотоколировании судебного заседания при получении согласия свидетеля на дачу показаний суду приравнивается к получению подписки об ознакомлении с правами, обязанностями и ответственностью за их нарушение.

Следующая группа вопросов касается непосредственно участия в судебном разбирательстве посредством онлайн-заседаний, поскольку и на данном этапе есть существенные отличия от «классической» формы участия. Речь идет в первую очередь о порядке представления доказательств непосредственно в судебном разбирательстве.

В соответствии с п. 3 ст. 153.2 АПК РФ участники судебного разбирательства, которое проводится с использованием веб-конференций, могут подавать заявления, ходатайства и приложенные к ним документы в электронном виде во время заседания.

Веб-конференции не позволяют участникам представлять свои доказательства напрямую на судебном заседании из-за отсутствия функции обмена документами суда в режиме реального времени на платформе «Картотека арбитражных дел». Участники также не могут представлять дополнительные доказательства во время заседания, обмениваться экземплярами доказательств между собой и т.д.

Тем не менее веб-конференции позволяют участникам демонстрировать экран своего устройства, на котором могут быть представлены письменные доказательства в электронном виде, а также воспроизводить аудио- и видеозаписи. Несмотря на это, законодательство не предусматривает такой формы представления доказательств на судебном заседании, все доказательства должны быть представлены заранее как суду, так и участникам процесса. В связи с этим С. А. Семикина и А. В. Кружалова предлагают создать чат для обмена документами между участниками процесса на платформе «Мой Арбитр»⁷.

Помимо различных процессуальных аспектов, при использовании веб-конференций возникают также вопросы практического, психологического и этического характера.

В рамках подготовки настоящей статьи, авторами было проведено небольшое исследование среди практикующих юристов, целью которого было выяснение отношения представителей юридического сообщества к процедуре участия в судебном заседании с использованием веб-конференций. Опрос показал, что большая часть опрошенных респондентов, несмотря на удобство онлайн-заседаний, предпочитает личное участие в судебном заседании (52,6 %). Участие в судебном разбирательстве с использованием веб-конференций как преимущественный вариант выбрали 42,2 % опрошенных, еще 5,2 % выбрали видео-конференц-связь как самый удобный из вариантов участия в судебном процессе.

⁷ Семикина С. А. Информационные технологии в условиях пандемии коронавируса COVID-19 (на примере российского арбитражного суда) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2 (48). С. 75.

При этом на вопрос, сможет ли судебное онлайн-заседание составить полноценную замену очному участию, большая часть респондентов ответила «нет» (63,2 %).

Среди респондентов, участвовавших в судебном процессе с использованием веб-конференции, 60 % респондентов остались в целом довольны сервисом участия в онлайн-заседаниях, а 40 % указали, что не совсем довольны, поскольку имелись проблемы со звуком и связью во время судебного процесса, не было возможности убедиться в достоверности представленных сторонами доказательств.

Респонденты отметили следующие проблемы участия в судебном заседании с использованием онлайн-заседаний, с которыми они столкнулись на практике:

- проблемы с подключением к онлайн-заседанию, проблемы с качеством видеотрансляции (она может пропадать);
- проблемы со звуком (слишком тихий звук);
- технические сбои и неполадки.

Как видно из данного опроса, основные недостатки связаны именно с технической составляющей организации веб-конференций, это, соответственно, входит в сферу ответственности технических специалистов, содействующих организации веб-конференции. Ввиду наличия проблем такого характера, возможно, было бы целесообразно создать единую линию поддержки, которая обеспечивала бы содействие участникам арбитражного процесса при решении проблем технического характера.

Что касается этических аспектов участия, особенностей поведения сторон в судебном заседании с использованием сервиса онлайн-заседаний, то, поскольку в настоящее время не выработаны единые правила поведения участников судебного разбирательства в режиме онлайн, некоторые суды утверждают специальные рекомендации. В частности, Арбитражный суд Московского округа в рекомендациях указал, что участникам необходимо:

- подключаться к онлайн-заседанию из отдельного помещения, которое должно быть достаточно освещенным, без посторонних шумов, мешающих нормальному ходу судебного заседания;
- сохранять судебный этикет (в том числе деловой стиль одежды). При этом участники онлайн-заседания вправе выступать, давать пояснения сидя. В случае если участник онлайн-заседания выступает, дает пояснения стоя, следует обратить внимание на направление камеры и при необходимости изменить его в целях корректного отображения участника онлайн-заседания;
- отключать микрофон во время выступления другой стороны или судьи.

Лица, нарушающие порядок в судебном заседании, могут быть отключены председательствующим судьей от веб-конференции, что отражено в ч. 4 ст. 154 АПК РФ.

Важно отметить также, что в процессе взаимодействия суда и участников арбитражного процесса существенную роль играет судебная риторика. Данный вопрос обусловлен отсутствием личного контакта с судом, менее эмоциональным восприятием судом участников процесса как «картинки на экране», рассеиванием внимания в связи с физическим отсутствием участника в зале судебных заседаний.

Как отмечается в научной литературе, «стороны (в онлайн-заседаниях) вынуждены избирать иные коммуникативные стратегии. В частности, в

онлайн-заседании вряд ли получится перебивать оппонента, поскольку два и более голоса в трансляции воспринимаются намного хуже, чем в реальной жизни, и у участников процесса, таким образом, не остается шансов быть услышанными»⁸.

Авторы монографии отмечают, что онлайн-формат заседаний может оказывать дисциплинирующее воздействие на стороны и способствовать более формальному и компактному выступлению. Но в то же время он может и усложнять коммуникацию и понимание между участниками, поскольку многие аспекты вербальной и невербальной коммуникации могут быть утрачены в онлайн-формате.

Приведенное выше наблюдение также подтверждает, что в онлайн-заседании выступление сторон является более формализованным, неэмоциональным, в то время как мы полагаем, что внутреннее убеждение суда формируется на основании не только «сухих фактов» и правовой позиции, но в том числе и эмоционального восприятия судом участников процесса.

Поэтому, по мнению авторов, важно сохранять эмоциональность своего выступления, концентрируясь и акцентируя внимание на ключевых моментах своей правовой позиции. Выступление участников с учетом правовой и эмоциональной составляющей обеспечивает убедительность доводов сторон в судебном разбирательстве.

Отдельно хотелось бы отметить, что при участии сторон с использованием веб-конференций сложнее распознать ложь в объяснениях, поскольку видеосвязь не передает тонкостей поведения (движения рук, головы, мимика), тона речи (повышение/понижение голоса), т.е. часть деталей эмоционального поведения сторон ускользает от взгляда судьи.

Таким образом, онлайн-заседания в суде являются неотъемлемой частью современной юридической практики. Они позволяют существенно ускорить рассмотрение дел, уменьшить нагрузку на суды и судей, а также сэкономить время и деньги для сторон процесса.

В заключение можно отметить, что использование веб-конференций в арбитражных судах в настоящее время является необходимым шагом для обеспечения доступа к правосудию. Однако, наряду с плюсами, такими как экономия времени и денег на поездки, удобство участников процесса, есть и некоторые особенности, которые нужно учитывать при использовании этой технологии.

Участники процесса должны соблюдать определенные этикетные правила, такие как сохранение делового стиля одежды и отключение микрофона во время выступления других участников. Использование веб-конференций также влияет на коммуникативные стратегии участников процесса, что может привести к более формальному и компактному выступлению.

Судьи, в свою очередь, должны быть готовы к тому, что использование веб-конференций может повлиять на их восприятие происходящего в зале.

В целом использование веб-конференций в арбитражных судах позволяет решать судебные споры в условиях ограничений, но требует определенной адаптации участников процесса и судей.

⁸ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вильданова М. М. Проблемы идентификации и аутентификации сторон гражданско-правовых споров при дистанционном рассмотрении дел в суде // Право и практика. — 2020. — № 4.
2. Лукьянова И. Н. Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху COVID-19 и после) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 7.
3. Семикина С. А. Информационные технологии в условиях пандемии коронавируса COVID-19 (на примере российского арбитражного суда) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2021. — № 2 (48).
4. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.]; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
5. Трезубов Е. С. Особенности производства в арбитражном суде первой инстанции // Вестник Кемеровского государственного университета. — Серия : Гуманитарные и общественные науки. — 2022. — Т. 6. — № 1 (21).

**Ольга Юрьевна
ФОМИНА,**

старший преподаватель
кафедры
гражданского

и административного
судопроизводства

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

oyufomina@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Вовлеченность судьи в онлайн-коммуникацию при использовании системы веб-конференции

Аннотация. В статье анализируется коммуникация между судьей и онлайн-участником судебного заседания при использовании системы веб-конференции в условиях, когда в привычном формате (очно) в зале суда присутствует другое лицо, участвующее в деле. При анализе процессуальных преимуществ и недостатков веб-конференции в гражданском процессе акцентируется внимание на субъективном восприятии дистанционными участниками такого способа рассмотрения дела.

Отдельное место отводится условиям реализации принципов состязательности и равноправия сторон при проведении веб-конференции. Акцентируется внимание на том, что от технических условий интернет-соединения и организации самой трансляции во многом зависит психологическое восприятие онлайн-участником себя как процессуально равного очному участнику. Кроме того, отмечается значимость фактора вовлеченности судьи в онлайн-коммуникацию для обеспечения ее эффективности. На основании проанализированной информации формулируются способы стимуляции вовлеченности судьи в онлайн-коммуникацию.

Ключевые слова: веб-конференция, онлайн-коммуникация, гражданский процесс, арбитражный процесс, вовлеченность судьи, гибридное судебное заседание.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.136-143

Olga Yu. FOMINA,

Senior lecturer of the Department of Civil
and Administrative Procedure

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

oyufomina@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Involvement of the judge in online communication

when using the web conference system

Abstract. The article analyzes the communication between the judge and the online participant in the court session when using the web conferencing system in conditions when another person participating in the case is present in the usual format (In person) in the courtroom. Considering the procedural advantages and disadvantages of a web conference in the civil process, attention is focused on the subjective perception of such a way of considering a case by remote participants.

A separate place is given to the conditions for implementing the principles of competitiveness and equality of the parties during a web conference. Attention is focused on the fact that the psychological perception of an online participant as a procedurally equal to a full-time participant largely depends on the technical conditions of the Internet connection and the organization of the broadcast itself. In addition, the importance of the factor of the judge's involvement in online communication is noted to ensure its effectiveness. Based on the analyzed information, ways to stimulate the involvement of the judge in online communication are formulated.

Keywords: web conference, online communication, civil procedure, arbitration procedure, judge's involvement, hybrid court hearing.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, заставшая врасплох весь мир в 2020 г., стала импульсом к трансформации многих сфер общественной жизни, в том числе правосудия. Веб-конференция как форма проведения судебного заседания — явление относительно новое. Введенная как вынужденная мера в условиях пандемии, веб-конференция зарекомендовала себя с положительной стороны, тем самым дав толчок дальнейшему изучению данного явления с точки зрения возможности его полноценного внедрения в процессуальные кодексы.

Введенные Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ¹ статьи 155.2 ГПК РФ и 153.2 АПК РФ, безусловно, положительно отразились на доступности правосудия, предоставив больше возможностей для присутствия участников судебного разбирательства в судебных заседаниях. Теперь, например, загруженному представителю не нужно выбирать между двумя заседаниями, назначенными в судах разных субъектов на одну дату, поскольку в одном из них он имеет возможность принять участие в формате веб-конференции из дома, офиса, коворкинга или иного помещения с доступным устойчивым интернет-соединением.

Для кого-то возможность удаленного участия в судебном заседании является шансом избежать непосредственного контакта с противоположной стороной, что может быть особенно актуальным в некоторых семейных спорах.

Участие в судебном заседании в формате веб-конференции существенно сокращает расходы на проживание и проезд к месту проведения судебного заседания. Можно воспользоваться правом на онлайн-участие в предварительном судебном заседании, поскольку в данном случае не будут исследоваться доказательства, а для выполнения задач, предусмотренных для подготовки, непосредственное присутствие не требуется. Если же суд на основании ст. 153 ГПК РФ или 137 АПК РФ придет к выводу о том, что имеется возможность открыть судебное заседание, завершив предварительное, лицо также не лишено права ходатайствовать об отложении судебного заседания с целью обеспечения очного присутствия для полноценной реализации принципа непосредственности.

¹ Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 9.

Существенным недостатком веб-конференции является ее зависимость от качества связи, поскольку помехи, отключения, проблемы с изображением и звуком создают серьезные препятствия для рассмотрения дела. Кроме того, техническое оснащение судов может не позволить видеть одновременно и судью, и лиц, участвующих в деле, что создает впечатление неполноценности участия. Невозможность отслеживать эмоции и настроение судьи и других участников может также добавить тревожности онлайн-участнику.

Процессуальные кодексы в качестве условий для проведения веб-конференции указывают на наличие ходатайства участника и техническую возможность суда. Данная возможность не распространяется только на закрытые судебные заседания, что оправдано самой сущностью таких дел.

Из сказанного следует, что оснований для отказа в удовлетворении ходатайства всего два: отсутствие технической возможности и закрытое рассмотрение дела. Несмотря на это, даже спустя три года существования в том или ином виде института судебных заседаний онлайн, не у каждого желающего лица или его представителя имеется опыт такого участия.

На текущий момент не во всех судах имеется техническая возможность для проведения судебных заседаний в формате веб-конференции. Информационная система «Мой Арбитр» содержит перечень арбитражных судов, у которых такая возможность есть. По состоянию на май 2023 г. в указанном перечне содержатся 112 арбитражных судов², что охватывает практически все имеющиеся арбитражные суды на территории России. Аналогичная сводная информация по судам общей юрисдикции отсутствует, однако случаи отказов в удовлетворении ходатайств подтверждают неполный их охват в плане технического обеспечения.

Ученые в области цивилистического процесса продолжают рассуждать о преимуществах и недостатках веб-конференции и задаются вопросами о том, насколько при этом возможна полноценная реализация принципов процессуального права³. При этом, безусловно, соблюдение принципов должно быть гарантировано независимо от формы проведения судебного заседания⁴.

В настоящей статье анализируются лишь некоторые аспекты принципа состязательности, в том числе вовлеченность судьи в онлайн-коммуникацию и субъективное восприятие такой коммуникации дистанционным участником в ситуации, когда противоположная сторона в процессе принимает участие непосредственно в зале суда (гибридное судебное заседание).

В теории под профессиональной коммуникацией в юриспруденции понимается коммуникация между представителями различных юридических профессий, направленная на решение разнообразных практических профессиональных

² Информационная система «Мой Арбитр». URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (дата обращения: 01.05.2023).

³ См., например: *Самсонова М. В., Черных И. И.* Удаленное участие в заседаниях суда по гражданским делам: первые итоги и перспективы // *Юридическое образование и наука.* 2020. № 8. С. 36—44.

⁴ *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2021. № 1. С. 146.

задач⁵. Под судебной коммуникацией в доктрине подразумевают содержательные элементы процессуального правоотношения и других процессуальных связей⁶. При этом среди особенностей судебной коммуникации выделяется ее конфликтогенность⁷.

Участвуя в судебном разбирательстве, субъект стремится к достижению эффективности судопроизводства, которая в конечном итоге приведет к принятию благоприятного для него решения. Совершенствование судебной коммуникации является одним из способов достижения указанной цели.

Если один участник судебного заседания присутствует в зале суда, а другой принимает участие онлайн, то судья в рамках соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон должен быть равно внимательным к обоим участникам и не предоставлять каких-либо преимуществ в зависимости от формы участия (например, в возможности высказаться или во времени выступления).

Коммуникацию можно считать эффективной, если удалось донести информацию до получателя в полном соответствии с вкладываемым в нее смыслом. Кроме того, одним из наиболее важных факторов, от которых зависит успешность и эффективность профессиональной коммуникации, является доверие к собеседнику⁸. Без доверия полноценное диалогическое общение становится невозможным⁹.

Говоря о доверии к онлайн-участнику судебного заседания, стоит разграничивать ситуации, когда суд впервые контактирует с таким участником в формате веб-конференции и когда ранее лицо принимало непосредственное участие в зале судебного заседания, а в дальнейшем воспользовалось правом на участие онлайн. Очевидно, что, несмотря на все правовые установки относительно идентификации удаленных участников, в первом случае доверие у суда к онлайн-участнику будет ниже. Кроме того, у суда ограничен контроль над окружающей обстановкой онлайн-участника, что порождает сомнения в конфиденциальности данных.

Таким образом, меньшее изначальное доверие судьи к онлайн-участникам, взаимодействовать с которыми ранее лицом к лицу не приходилось, является обратной стороной доступности дистанционной коммуникации для лиц, участвующих в деле¹⁰. В теории же отмечается, что некоторые субъекты в целом

⁵ Левитан К. М. Культура профессиональной коммуникации в сфере права // Российский юридический журнал. 2016. № 4 (109). С. 200.

⁶ Сухорукова О. А. Судебная коммуникация как новое направление исследований в науке гражданского процессуального права // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 15. Воронеж, 2017. С. 98.

⁷ Краснянская Т. И. К обоснованию понятия «напряженность слова» в судебной коммуникации // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 40.

⁸ Левитан К. М. Указ. соч. С. 202.

⁹ Карпова Н. Л. Трансформации коммуникации в мире и логопсихотерапии // Диалог культур и цивилизаций : сборник статей II Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 68.

¹⁰ Фабрикант М. С. Доверие в интернет-коммуникации при проведении профориентационных мероприятий в онлайн-формате // Человеческий капитал. 2022. № 1 (157). С. 163—164.

склонны воспринимать онлайн-среду как менее убедительную по сравнению с очевидностью реального мира¹¹.

Субъективное восприятие дистанционным участником онлайн-коммуникации с судом может зависеть от многих факторов. Что же может спровоцировать неуверенность онлайн-участников в полноценности своего участия в судебном заседании? Представляется, что причина может быть в вовлеченности судьи в онлайн-коммуникацию, которая имеет существенное значение для дистанционного участника.

Вовлеченность — явление, широко используемое среди специалистов по психологии, педагогике и социологии. При этом исследователи расходятся в формулировках понятия и содержания вовлеченности, поскольку она является сложным психологическим и социальным феноменом.

В доктрине отмечается, что для дистанционного формата социального взаимодействия в целом характерна низкая вовлеченность одного или нескольких участников в коммуникационный процесс. Кроме того, в онлайн-мероприятиях наблюдается рассеянность внимания участников и невозможность прямо оценивать уровень заинтересованности собеседника. Доказательствами актуальности указанной проблемы являются, в числе прочего, научные разработки методов и средств объективного измерения степени вовлеченности (внешних ее проявлений) в виртуальную коммуникацию¹².

Вовлеченность в коммуникацию определенно зависит не только от имеющегося интереса к самому содержанию диалога, но и от черт личности собеседника, от степени развитости у него коммуникативных навыков, а также от эмоционального состояния участников коммуникации. Общая риторика ставит интерес, внимание и доверие слушателей в зависимость от степени искренности говорящего, доминанты его личности (устойчивой неосознанной линии поведения) и намеренной осознанной линии поведения¹³.

Среди визуальных методов распознавания вовлеченности можно выделить такие невербальные сигналы, как поза, мимика, жесты и др. О вовлеченности собеседника в онлайн-коммуникацию могут говорить взгляд в экран, на котором отражается говорящий, реакции на слова (например, кивки головой, улыбка, сведение бровей на переносице), уточняющие вопросы, выражение собственного мнения и другие признаки. При этом судья в любой форме коммуникации должен сохранять нейтралитет, демонстрируя этим свою беспристрастность.

Таким образом, стиль общения судьи в рамках судебного заседания можно считать скрытым: судья не должен явно выражать свои эмоции относительно сказанного участниками, реагировать способами, позволяющими распознать согласие или несогласие с говорящим, склонение в ту или иную сторону до момента принятия решения.

¹¹ Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 29.

¹² Двойникова А. А., Кагиров И. А., Карпов А. А. Аналитический обзор методов автоматического распознавания вовлеченности пользователя в виртуальную коммуникацию // Информационно-управляющие системы. 2022. № 5 (120). С. 12.

¹³ Левитан К. М. Указ. соч. С. 201.

В условиях веб-конференции техническое оборудование в суде может быть размещено так, что собеседников может быть просто не видно или же видно плохо, что существенно усложняет процесс коммуникации.

В ситуации, когда все участники судебного заседания находятся онлайн, внимание судьи по большей части обращено к экрану, что уравнивает шансы для участников на вовлеченность судьи в коммуникацию. В гибридных судебных заседаниях дело обстоит несколько иначе. Поскольку привычным форматом проведения судебных заседаний является очное присутствие, онлайн-участнику судебного заседания может быть сложно установить контакт глазами, что может привести к трудностям в коммуникации. В таких случаях следует обращать особое внимание на выражение лица и жесты судьи, чтобы понять его настроение и лучше ориентироваться в происходящем на заседании.

Как отмечается, общение на расстоянии подвергается риску быть незавершенным и неразборчивым (непонятым), что может повышать тревожность¹⁴. С другой стороны, возможность принимать участие в судебном заседании находясь у себя дома, позволяет некоторым участникам избегать стресса, ощущая себя более комфортно в спокойной обстановке. В ситуации, когда других участников судебного заседания на экране не видно либо видно плохо, у лица может сложиться впечатление нахождения с судьей один на один, при этом удаленно, что может способствовать более спокойной коммуникации. Такое явление более подробно рассматривается в доктрине на примере онлайн-обучения¹⁵, где исследования показали снижение психологического дискомфорта у студентов, обучающихся дистанционно¹⁶.

Таким образом, в ситуации невозможности полноценно оценить «обратную связь» крайне тяжело эффективно коммуницировать с судом, находясь по другую сторону экрана.

В указанных условиях представляются эффективными следующие способы стимуляции вовлеченности судьи в онлайн-коммуникацию:

- использование четких и ясных формулировок в речи, чтобы избежать недоумений и убедиться, что судья понимает аргументацию;
- избегание в речи длинных пауз и монотонности, контроль времени выступления (судья может быстро потерять интерес, если онлайн-участник говорит слишком долго и монотонно);
- контроль телодвижений (особенно в домашних условиях возможны привычные желания выпить чай или съесть со стола печенье, потянуться или зевнуть, если заседание затянулось, и т.д.);
- подготовка и демонстрация суду визуальных материалов (графиков, диаграмм, слайдов с основными тезисами и перечнем доказательств), которые помогут удержать внимание судьи и наглядно проиллюстрировать позицию;

¹⁴ Степанова А. В., Ленина Д. А. Психологическое онлайн-консультирование: преимущества и недостатки // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 1. С. 182.

¹⁵ Петрова Н. Н., Сидоренко Л. П. Новые методы online-обучения и их эффективность // Техника и технология транспорта. 2019. № 1 (10). С. 12.

¹⁶ Букина Т. В., Нурова Л. Р., Нелюбина Е. А. Средства повышения вовлеченности студентов в учебный процесс в рамках гибридного образования // Глобальный научный потенциал. 2022. № 11(140). С. 71.

— обязательная предварительная проверка качества интернет-соединения, звука и видеотрансляции для минимизации технических сбоев и исключения возможности вмешательства в процесс членов семьи и домашних животных.

Определенно, самым главным и эффективным способом стимуляции вовлеченности судьи в онлайн-коммуникацию при гибридном формате судебного заседания остается речь. Речь участника судебного разбирательства является универсальным средством коммуникации, позволяющим вызвать интерес и внимание судьи, вызвать сомнение в доводах или доказательствах противоположной стороны, убедить в верности собственной позиции, т.е. эффективно воздействовать на суд с целью принятия желаемого решения по делу¹⁷.

Соблюдение указанных базовых правил позволит произвести положительное впечатление на судью, продемонстрировать профессионализм и уважительное отношение, чтобы сформировать ощущение доверия.

Таким образом, в ситуации проведения судебного заседания в гибридном формате, когда одна сторона присутствует очно, а другая онлайн, важное значение приобретает соблюдение принципов процессуального права, особенно принципов состязательности и равноправия сторон.

Поскольку онлайн-участник процессуально находится в более уязвимом положении, суду следует одинаково контролировать вовлеченность в коммуникацию со всеми участниками. Недопустимыми являются ситуации, при которых онлайн-участник не имел бы возможности высказаться по тому или иному вопросу, поскольку в такой ситуации он лишается главного, а порой и единственного средства коммуникации с судьей.

При этом основной задачей самого дистанционного участника является стимуляция вовлеченности судьи в коммуникацию с ним всеми средствами, указанными выше и не выходящими за рамки гражданской процессуальной формы.

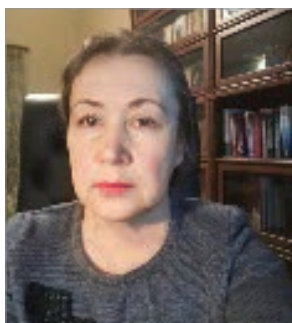
БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // Правовая политика и правовая жизнь. — 2021. — № 1. — С. 141—147.
2. *Букина Т. В., Нурова Л. Р., Нелюбина Е. А.* Средства повышения вовлеченности студентов в учебный процесс в рамках гибридного образования // Глобальный научный потенциал. — 2022. — № 11 (140). — С. 69—71.
3. *Двойникова А. А., Кагиров И. А., Карпов А. А.* Аналитический обзор методов автоматического распознавания вовлеченности пользователя в виртуальную коммуникацию // Информационно-управляющие системы. — 2022. — № 5 (120). — С. 12—22.

¹⁷ *Мусалов М. А.* Роль речевой коммуникации в юридической практике // Русский язык и литература в полилингвальном мире: вопросы изучения и преподавания (XVI Кирилло-Мефодиевские чтения) : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Карачаевск : Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2020. С. 99.

4. *Карпова Н. Л.* Трансформации коммуникации в мире и логопсихотерапии // Диалог культур и цивилизаций : сборник статей II Международной научно-практической конференции. — М., 2021. — С. 66—74.
5. *Корнев А. В.* Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6 (127). — С. 21—30.
6. *Краснянская Т. И.* К обоснованию понятия «напряженность слова» в судебной коммуникации // Юрислингвистика. — 2010. — № 10. — С. 40—46.
7. *Левитан К. М.* Культура профессиональной коммуникации в сфере права // Российский юридический журнал. — 2016. — № 4 (109). — С. 199—203.
8. *Мусалов М. А.* Роль речевой коммуникации в юридической практике // Русский язык и литература в полилингвальном мире: вопросы изучения и преподавания (XVI Кирилло-Мефодиевские чтения) : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Карачаевск : Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2020. — С. 98—102.
9. *Петрова Н. Н., Сидоренко Л. П.* Новые методы online-обучения и их эффективность // Техника и технология транспорта. — 2019. — № 1 (10).
10. *Самсонова М. В., Черных И. И.* Удаленное участие в заседаниях суда по гражданским делам: первые итоги и перспективы // Юридическое образование и наука. — 2020. — № 8. — С. 36—44.
11. *Степанова А. В., Ленина Д. А.* Психологическое онлайн-консультирование: преимущества и недостатки // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2016. — Т. 6. — № 1.
12. *Сухорукова О. А.* Судебная коммуникация как новое направление исследований в науке гражданского процессуального права // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Вып. 15. — Воронеж, 2017. — С. 94—103.
13. *Фабрикант М. С.* Доверие в интернет-коммуникации при проведении профориентационных мероприятий в онлайн-формате // Человеческий капитал. — 2022. — № 1 (157). — С. 163—164.

Теоретические и прикладные проблемы реализации коммуникативных задач в гражданском судопроизводстве

**Наталья Андреевна
ГРОМОШИНА,**

профессор кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
nataligrom@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Коммуникация сторон в упрощенном производстве: проблемные вопросы

Аннотация. В статье упрощенное производство рассматривается сквозь призму коммуникативного подхода. Акцент сделан при этом на взаимодействии сторон с судом и друг с другом. Отмечается, что с точки зрения коммуникации упрощенное производство заметно отличается от ординарного процесса. В упрощенном производстве меньшее число субъектов коммуникации как среди участвующих в деле лиц, так и среди иных участников процесса. Также в этом производстве имеет место преимущественно вербальная письменная коммуникация. Особенности такой коммуникации при реализации сторонами распорядительных прав, при переходе из искового производства в упрощенное, и наоборот, при вынесении решения и доведении его до сведения сторон нашли свое отражение в данной статье.

Ключевые слова: судебная коммуникация, стороны в гражданском процессе, упрощенное производство, взаимодействие суда со сторонами, взаимодействие сторон друг с другом, субъекты коммуникации, вербальная коммуникация.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.144-151

Natalia A. GROMOSHINA,

Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
nataligrom@rambler.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Communication of the parties in simplified production: problematic issues

Abstract. The article looks at summary proceedings through the prism of a communicative approach. The focus is on the interaction of the parties with the court and with each other. It is noted that from the point of view of

communication simplified proceedings differ markedly from the ordinary process. In simplified proceedings there are fewer subjects of communication, both among the persons involved in the case and among the other participants in the process. There is also predominantly verbal written communication in these proceedings. The peculiarities of such communication in the exercise of dispositive rights by the parties, in the transition from lawsuit to simplified proceedings and vice versa, in rendering a decision and communicating it to the parties, are reflected in this article.

Keywords: *judicial communication, parties in civil proceedings, simplified proceedings, interaction of the court with the parties, interaction of the parties with each other, subjects of communication, verbal communication.*

Стороны (истец и ответчик) — это основные участники гражданского процесса. При этом они не состоят друг с другом в процессуальном отношении, а, как правило, являются сторонами материального правоотношения. Это своего рода хрестоматийное правило, положение, известное любому юристу со студенческой скамьи.

Вместе с тем, если посмотреть на гражданский процесс, используя коммуникативный подход¹, т.е. выдвигая на первый план элемент взаимодействия, то можно констатировать, что оно происходит в процессе в виде «суд — стороны» и «сторона — сторона». Последний вид взаимодействия носит фактический характер и не подрывает теорию процессуальных правоотношений, в которых обязательным субъектом является суд.

Вот как характеризует указанную ситуацию О. А. Сухорукова в своей диссертации: «...коммуникация реализуется в процессе в двух формах: в процессуальном правоотношении как каждое процессуальное действие, совершаемое для осуществления процессуального права или исполнения обязанности (то есть фактическая реализация права или обязанности), например, осуществление стороной права давать объяснения или задавать вопросы, и вне процессуального правоотношения, когда речь идет об общении, непосредственно не связанном с осуществлением процессуальных прав и обязанностей, например, отношения между сторонами в процессе без участия суда, обмен состязательными бумагами и т.п.»².

Анализ гражданского процессуального права и гражданского судопроизводства с использованием коммуникативного подхода еще ждет своих исследователей, а в данной статье будет затронут лишь один частный вопрос — о коммуникации сторон в упрощенном производстве.

Упрощенное производство — относительно новый законодательный продукт, особенно для гражданского процесса, поскольку появилось в ГПК РФ только в

¹ О коммуникативном подходе к исследованию коммуникации участников процесса с судом и между собой см.: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С.78—87.

² Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 8.

2016 г. В арбитражном процессе это производство существует уже 20 лет, претерпело немало существенных изменений и по-разному было востребовано практикой. Причем по своей фактуре, именно с точки зрения коммуникации, т.е. взаимодействия участников процесса, упрощенное производство весьма отлично от процесса ординарного. Обратимся к наиболее ярким отличиям.

В упрощенном производстве меньшее число субъектов коммуникации. Кроме суда, мы видим здесь также стороны. Как известно, всегда имеются только две стороны: истцовая и ответная сторона, но они могут быть представлены множественностью лиц, т.е. имеется в виду соучастие. Соучастие осложняет коммуникацию. Причем это осложнение обнаружится и во взаимодействии с судом, и в общении сторон друг с другом, включая коммуникацию соучастников между собой. Последняя связь может давать удивительные метаморфозы, поскольку соучастники самостоятельны относительно друг друга и не обязаны согласовывать свои действия с другими соучастниками.

Участие третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, исключает рассмотрение дела в упрощенном порядке. Спор претендентов, которыми обычно являются первоначальный истец и третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, существенно осложняет процесс, даже если он проходит в ординарном порядке. В порядке упрощенного производства предусмотренные процессуальным законом правила коммуникации (ч. 2 и 3 ст. 232.3 ГПК РФ) создадут при их реализации с участием третьего лица с самостоятельными требованиями столь сложную и запутанную конфигурацию, что распутать ее будет непросто даже искусственному интеллекту. Поэтому решение законодателя, исключившего возможность упрощенного производства при вступлении в процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования, следует расценить как очень правильное.

Что же касается третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, то здесь ситуация иная. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ четко и однозначно увязал исключение упрощенного производства с появлением в процессе именно третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. Однако ранее закон упоминал третьих лиц как препятствие для упрощенного производства без указания на их вид.

Стоит поддержать правильный вывод, который был сделан на основе изучения судебной практики М. М. Готра, полагавшей, что «участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в упрощенном производстве является осложнением судебного процесса и не отвечает целям упрощенного производства»³. Этим исследователем дана отрицательная оценка состоявшемуся законодательному решению, с чем нельзя не согласиться. Конечно, законодателя можно понять: с одной стороны, число дел, в которых участвуют третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, весьма значительно.

С другой стороны, истец либо ответчик, не желающие рассматривать дела в упрощенной процедуре либо имеющие цель затянуть процесс, могут

³ Готра М. М. Упрощенное производство и третьи лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 24—29 ; № 5. С. 23—26.

злоупотреблять своими правами, ходатайствуя о привлечении в процесс третьих лиц такого вида. Однако при решении правового вопроса законодатель должен ориентироваться не на возможные злоупотребления участников процесса, а исходить из характеристики института и целей судопроизводства.

Вместе с тем в настоящее время наличие в процессе третьего лица без самостоятельных требований не препятствует упрощенному производству, а присутствие такого лица естественно увеличивает объем коммуникации.

Определенное осложнение процесса возникнет и при участии в упрощенном производстве прокурора, причем в любой из предусмотренных законом форм его участия. Это повлечет за собой и усложнение коммуникации. Например, взаимодействие гражданина, который по уважительным причинам не может обратиться в суд за защитой своих прав, с прокурором на досудебном этапе приводит к тому, что прокурор обращается в суд в защиту этого лица. В последующем судебная коммуникация будет осуществляться как с прокурором, так и с истцом в материальном смысле.

Аналогичные выводы могут быть сделаны и относительно участия в упрощенном производстве государственных органов, органов местного самоуправления, защищающих чужие интересы.

Из числа лиц, содействующих осуществлению правосудия, важными и нужными участниками процесса в упрощенном производстве являются представитель и переводчик. Упрощенное производство нельзя назвать простым. Участие в нем может оказаться значительно сложнее, чем в ординарном производстве, причем именно по причине иначе построенной и организованной коммуникации. Общение с судом в судебном заседании многое позволяет понять сторонам, даже не посвященным в тонкости процессуальной материи.

В упрощенном производстве неюристу очень сложно разобраться и сделать все правильно для защиты своих интересов. По этой причине фигура представителя в упрощенном производстве явно возвышается по своему значению над другими участниками процесса, даже участвующими в деле лицами. При этом фактическая коммуникация представителя со стороной оказывается едва ли не более значимой, чем коммуникация по линии процессуального правоотношения «суд — представитель».

Следующей отличительной особенностью упрощенного производства является то, что здесь исключена невербальная судебная коммуникация⁴, а вербальная коммуникация происходит преимущественно в письменной форме. Почему преимущественно, а не исключительно? Во-первых, по той причине, что в письменной форме происходит коммуникация в рамках процессуальных правоотношений, а внеправовая коммуникация может проходить также и в устной форме. Во-вторых, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2017 № 10⁵ предусматривает возможность назначения и проведения

⁴ О невербальной коммуникации и ее значении см.: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы. С. 84—85.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской

судебного заседания для рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения. И в рамках судебного заседания будет осуществляться обычная полноценная устная вербальная коммуникация.

Положение о порядке рассмотрения и утверждения мирового соглашения в упрощенном производстве — очень важное правило, являющееся, по сути, нормой права. Было бы правильным закрепить это положение в статьях ГПК РФ и АПК РФ, а не только в постановлении Пленума.

Мировое соглашение — вполне желательный исход ликвидации материально-правового конфликта. К такому итогу стороны, как правило, приходят в результате фактической коммуникации, т.е. за рамками процессуальных правоотношений. Нередко в такой коммуникации свою определяющую роль играют представители сторон, изучившие раскрытые в процессе доказательства и скорректировавшие правовую позицию сторон.

Иные распорядительные диспозитивные действия сторон, кроме мирового соглашения, не упомянуты в указанном постановлении Пленума. Имеются в виду отказ от иска и признание иска. Они вполне могут состояться в упрощенном производстве. Побудительные мотивы для их совершения не отличаются от тех, которые обычно обозначаются в ординарном процессе. Принятие судом этих распорядительных действий имеет разные правовые последствия: отказ от иска влечет прекращение производства по делу, а признание иска — принятие судом решения об удовлетворении иска. Коммуникация сторон с судом в данном случае предполагает направление соответствующего заявления в суд в письменной форме. Также должна быть направлена копия заявления друг другу, суду надлежит представить документы, подтверждающие направление заявления лицам, участвующим в деле (абз. 3 п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10).

Очень важным вопросом здесь является идентификация сторон. В ходе коммуникации суд должен убедиться в том, что заявления об отказе от иска или его признании исходят именно от сторон, т.е. от тех лиц, которые являются обладателями соответствующих прав. Если заявление подает представитель стороны, то коммуникация еще более усложняется, поскольку должны быть проверены специальные полномочия представителя. Суд должен убедиться в том, что воля сторонами проявлена свободно, что им известны последствия совершения распорядительных действий.

Введенные в ГПК РФ и АПК РФ правила об идентификации сторон, конечно, очень важны. Но в упрощенном производстве, где в рамках его процедуры ни на каком этапе не предполагается непосредственное личное общение сторон и суда, у судьи нет возможности установить личность явившихся участников процесса, т.е. провести необходимую идентификацию и аутентификацию⁶, возникает поле для злоупотреблений и ошибок. К сожалению, никаких специальных правил для

Федерации об упрощенном производстве» в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.04. 2022 № 1.

⁶ Об идентификации и аутентификации участников гражданского судопроизводства см.: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы. С. 107—127.

исключения таких злоупотреблений или ошибок нормы глав, регламентирующих упрощенное производство в гражданском судопроизводстве, не предусматривают.

Регламентируя упрощенное производство, законодатель предусмотрел довольно непростую процедуру коммуникации, связанную с сердцевиной процесса — представлением доказательств и установлением фактических обстоятельств дела. В ГПК РФ этому посвящены ч. 2, 3, и 4 ст. 232.3. Анализируя эти нормы, Е. А. Борисова справедливо замечает, что «заинтересованному в судебной защите лицу стало не только не проще, а, напротив, гораздо сложнее осуществлять свою судебную защиту в упрощенном производстве. Например, подготовка искового заявления, возражений относительно искового заявления требует основательных юридических знаний и не является простой и понятной для каждого заинтересованного в судебной защите лица (в отличие, например, от заполнения европейского формуляра или устного заявления требований в канцелярии немецкого, французского суда).

Непросто выполнить и требование закона о совершении всех необходимых действий в установленный срок. Конечно, стороны должны стремиться к тому, чтобы представляемые ими отзыв на заявление, доказательства и иные документы (в том числе в электронном виде) либо информация о направлении таких документов (например, телеграмма, телефонограмма и т.п.) поступили в суд до истечения установленного в определении срока. Стороны также должны знать, что «направление документов в суд и лицам, участвующим в деле, по почте без учета времени доставки корреспонденции не может быть признано обоснованием невозможности своевременного представления документа в суд, поскольку соответствующие действия относятся к обстоятельствам, зависящим от участвующего в деле лица» (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10)»⁷.

Е. А. Борисова выделила особенности и проблемные вопросы коммуникации как бы с точки зрения сторон. А председатель Владимирского областного суда А. В. Малышкин характеризует проблемы коммуникации с точки зрения судьи. В частности, он отмечает, что «при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства суду очень важно соблюдать предусмотренные процессуальным законом требования: к направлению лицам, участвующим в деле, соответствующих документов; к правильному установлению разумных сроков совершения отдельных процессуальных действий; к правильному определению того, получило ли лицо, участвующее в деле, судебную корреспонденцию. Несоблюдение этих требований презюмирует наличие существенных нарушений со стороны суда в части исследования и оценки доказательств и влечет безусловную отмену судебного акта»⁸.

Весьма своеобразной и свойственной только для упрощенного производства является ситуация, связанная с возможным переходом из ординарного (чаще

⁷ Борисова Е. А. Упрощенное производство в гражданском судопроизводстве: международно-правовые стандарты, зарубежный и российский опыт // Закон. 2017. № 7. С. 78—86.

⁸ Малышкин А. В. Особенности представления доказательств при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства: интегрирование общеисковых и безвызывных процессуальных форм // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 382—393.

искового) производства в упрощенное производство и обратно. И в том, и в другом случае очень важна коммуникация суда и сторон.

Например, Пленум Верховного Суда РФ дал следующее разъяснение: «В порядке упрощенного производства судами общей юрисдикции и арбитражными судами могут быть рассмотрены дела, не включенные в перечень, содержащийся в части первой статьи 232.2 ГПК РФ, частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, если стороны согласовали рассмотрение такого дела по правилам упрощенного производства и если отсутствуют обстоятельства, указанные в частях третьей и четвертой статьи 232.2 ГПК РФ, частях 4 и 5 статьи 227 АПК РФ.

Согласование рассмотрения дела в порядке упрощенного производства осуществляется в ходе подготовки дела к судебному разбирательству посредством заявления стороной ходатайства об этом и представления согласия другой стороны либо представления в суд согласия сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, предложенное по инициативе суда (пункт 5.1 части первой статьи 150, статья 152, часть вторая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 3 статьи 135, часть 3 статьи 227 АПК РФ).

Согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным, например, следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон. Отсутствие возражений сторон в отношении предложения суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства само по себе не является согласием на рассмотрение дела в таком порядке»⁹.

Все положения этого пункта постановления Пленума касаются коммуникации суда и сторон на этапе перехода от ординарного производства к упрощенному.

Поскольку в арбитражном процессе предварительное судебное заседание по общему правилу является обязательным, постольку изъявление воли сторон и его фиксация относительно перехода к упрощенному производству проще и надежнее именно в арбитражном процессе.

Переход из упрощенного производства в ординарный процесс тоже предполагает значительный объем коммуникации суда и сторон. Во-первых, в основе такого перехода может лежать обоснованное ходатайство стороны, например, о необходимости назначения экспертизы, допроса свидетеля и т.п. Во-вторых, при ситуациях, когда переход полностью инициирован судом, стороны должны быть об этом информированы, поскольку существенно меняется сам формат их участия в совершаемых в процессе действиях.

Важнейший этап коммуникации сторон и суда в упрощенном производстве связан с вынесением решения и доведением его до сведения лиц, участвующих в деле. Так, в соответствии со ст. 232.4 ГПК РФ, решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается путем вынесения судом резолютивной части решения, копия которого высылается лицам, участвующим в деле, не позднее следующего дня после дня его принятия и которое размещается в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. По заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей или в случае подачи апелляционных жалобы, представления по

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.04. 2022 № 1. П. 15.

делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, суд составляет мотивированное решение.

Приведенные здесь две части ст. 232.4 ГПК РФ наглядно показывают, что коммуникация сторон и суда не только имеет значение для информирования субъектов процессуальных правоотношений, но и предопределяет возникновение взаимных прав и обязанностей.

В итоге проведенного рассмотрения вопросов судебной коммуникации в упрощенном производстве можно сделать несколько выводов.

Правы те исследователи, которые отмечают чрезмерную скудность законодательного регулирования упрощенного производства как в ГПК РФ, так и в АПК РФ. Иными словами, есть потребность в более полном и детальном регулировании отношений, которые возникают между судом и сторонами (другими лицами, участвующими в деле) в упрощенном производстве.

Рассмотрение упрощенного производства сквозь призму коммуникации субъектов дает более полное представление об особенностях производства, его достоинствах и недостатках, о путях повышения его эффективности.

Поскольку любой судебный процесс — это взаимодействие субъектов, то использование коммуникативного подхода в исследованиях в данной области может быть вполне результативно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борисова Е. А.* Упрощенное производство в гражданском судопроизводстве: международно-правовые стандарты, зарубежный и российский опыт // Закон. — 2017. — № 7.
2. *Готра М. М.* Упрощенное производство и третьи лица // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 4.
3. *Малышкин А. В.* Особенности представления доказательств при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства: интегрирование общеисковых и безвызывных процессуальных форм // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1.
4. *Сухорукова О. А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2017.
5. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.

**Ирина Николаевна
ЛУКЬЯНОВА,**

заведующий кафедрой
процессуального права
Всероссийской академии
внешней торговли
Минэкономразвития
России,
кандидат юридических
наук, доцент
irinluk@bk.ru
119285, Россия, г. Москва,
Воробьевское ш., д. 6А

Значение права быть выслушанным и быть услышанным судом для правовой коммуникации в цивилистическом процессе

Аннотация. В статье использован подход к отношениям между судом и сторонами как к коммуникации, что позволило выявить значение процессуальной формы как механизма, обеспечивающего права стороны в судебной коммуникации, и обосновать значение идеи о праве быть выслушанным как фундаментального положения российского гражданского процессуального права. При признаваемые в российской доктрине гражданского процессуального права составные части права быть выслушанным и быть услышанным судом предложено рассматривать как соответствующие двум существенным для процессуального права элементам в структуре коммуникации — передаче сообщения, обладающего смыслом для субъектов коммуникации, и намерению отправителя сообщения побудить его адресата к определенному действию. Обнаружены проявления основного условия коммуникации — взаимного признания субъектами коммуникации — в содержании принципа быть выслушанным и услышанным судом. Обосновано значение мотивов судебного решения в качестве условия эффективности одного из элементов структуры судебной коммуникации.

Ключевые слова: правовая коммуникация, судебная коммуникация, право быть выслушанным, принципы гражданского процесса, стороны, судебское руководство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.152-160

Irina N. LUKIANOVA,

Head of the Department of Procedural Law at the Russian Foreign
Trade Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor
irinluk@bk.ru

6A, Vorobyevskoe shosse, Moscow, Russia, 119285

The meaning of the right to be heard for legal communication in the civil procedure

Abstract. To the relationship between the court and the parties is used the approach as to a communication, which allowed to identify the procedural formalities as a mechanism to ensure the rights of the party in judicial communication and justify the idea of the right to be heard as a fundamental provision of modern Russian civil procedural law. Recognized in the Russian doctrine of civil procedure law components of the right to be heard and to be heard by the court proposed to consider as corresponding to the two essentials

for procedural law elements in the structure of communication — transmission of a message that has a meaning for the subjects of communication, and the intent of the sender of the message to induce his recipient to take a certain action. The manifestation of the main condition of communication — mutual recognition by the subjects of communication — in the content of the principle to be heard and heard by the court was found. The significance of the motives of judicial decision as a condition for the effectiveness of one of the elements of the structure of judicial communication is substantiated.

Keywords: legal communication, judicial communication, right to be heard, principles of civil procedure, parties, principle of judicial leadership.

Необходимость подхода к исследованию отношений суда и сторон как к коммуникации в отечественном гражданском процессуальном праве обоснована в диссертационном исследовании О. А. Сухоруковой¹ и базируется на сформированном петербургской и московской школами теории права учении о правовой коммуникации².

Намеченные направления исследований в области гражданского и арбитражного процессуального права в свете коммуникативного подхода: выявление и определение круга взаимоотношений, для которых предпочтителен тот или иной способ коммуникации, а также установление требований к используемым в гражданском судопроизводстве технологиям, в том числе к их доступности для различных групп граждан³ (это, конечно, не закрытый перечень, а лишь открытый для дальнейшего наполнения) — необходимо принимать во внимание при планировании и выполнении научно-исследовательских, в том числе диссертационных, работ, а в недалекой перспективе — при подготовке учебников по дисциплинам «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Административное судопроизводство».

Появление в последнее десятилетие в учебниках по названным дисциплинам, издаваемым кафедрой гражданского процесса МГУ имени М.В.Ломоносова, главы об информационном обеспечении участников гражданского и арбитражного процесса ярко отражает востребованность коммуникативного подхода в цивилистическом процессе⁴.

¹ Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017.

² Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 78—95 ; Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций : учебник для студентов университетов. СПб. : ИД С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

³ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 83 (автор гл. IV «Коммуникация участников процесса с судом и между собой» — М. В. Самсонова).

⁴ Арбитражный процесс : учебник. / под ред. М. К. Треушникова. М., 2016. С. 287—295 ; Гражданский процесс : учебник для вузов / под ред. М. К. Треушникова. М., 2014. С. 383—393 ; Арбитражный процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. М., 2021. С. 326—349.

Под судебной коммуникацией в отечественной науке гражданского процессуального права предлагается понимать коммуникацию между участниками судопроизводства в рамках судебного разбирательства, урегулированную нормами и принципами гражданского процессуального права⁵.

Исходя из понятия коммуникации как связанного с отношениями процесса создания и интерпретации сообщений, которые вызывают определенную реакцию⁶, можно выделить два элемента, отражающих сущность коммуникации и имеющих значение для права в целом — это, во-первых, передача между участниками коммуникации сообщений, смысл которых они связывают со своими отношениями, и, во-вторых, изначальное намерение отправителя сообщения вызвать определенную реакцию у его адресата.

Профессор А. В. Поляков, один из основоположников доктрины правовой коммуникации в российском праве, утверждает, что право вытекает из коммуникативной природы человека, оно «изначально коммуникативно», и убедительно обосновывает это утверждение в науке теории права⁷. Опираясь на такой подход к праву в целом, процессуальное право можно рассматривать как проявление в ходе рассмотрения дела, во-первых, коммуникации по поводу спорного материального права (правоотношения), для разрешения которого государство создает суд, а во-вторых, как проявление коммуникации в виде собственно процедуры разрешения спора, т.е. определенной последовательности действий.

М. ван Хуком предложена модель пяти «коммуникативных сфер» совещательной (deliberative) коммуникации, в рамках которых происходит коммуникация в связи с деятельностью суда и может развиваться обсуждение содержания права. В такое обсуждение в связи с необходимостью разрешения правовых коллизий могут вовлекаться ученые-правоведы, а по делам, вызывающим широкий общественный резонанс, — СМИ и общество в целом⁸.

В связи с подобными случаями следует учитывать еще одно проявление судебной коммуникации — коммуникации между обществом и государством по поводу толкования права и его развития.

Нарастающая критика изменений, вносимых в последние полтора десятилетия в законодательство, регулирующее цивилистический процесс, все более и более «сжимающих» процессуальную форму в отсутствие ясной концепции ее реформирования⁹, заставляет задуматься о происхождении на протяжении веков

⁵ Сухорукова О. А. Указ. соч. С. 8—9.

⁶ Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики. Харьков, 2015. С. 36.

⁷ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. С. 228—251.

⁸ Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 237—238.

⁹ Шерстюк В. М. Тенденции развития принципов гражданского процессуального права // Законодательство. 2020. № 2 ; Громошина Н. А. О принципах цивилистического процесса в условиях, когда «современная модель капитализма исчерпала себя» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12 (88). С. 83—89 ; Воронов А. Ф. «Не могу поступаться принципами» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12 (88). С. 90—94 ; Туманов Д. А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России. 2020. № 8. С. 4.

выкристаллизовывавшихся правил, регулирующих деятельность судьи и сторон при рассмотрении гражданских дел, и прежде всего основных идей гражданского процессуального права, о действии принципов современного гражданского и арбитражного процесса. Решение этого вопроса является краеугольным камнем для легитимации участниками судебных разбирательств и обществом в целом судебных решений и формирования доверия к деятельности судебных органов по осуществлению судебной защиты в целом.

Профессор Н. А. Громошина справедливо обращает внимание на утрату в ходе реформирования демократизма гражданского процесса, основы которого были заложены в советское время, а затем в более широком объеме закреплены в Конституции России, в результате чего процедура судопроизводства не оказывает более стабилизирующего действия и усиливает раскол между государством и обществом. Преодолеть эти негативные последствия, по мнению известного ученого-процессуалиста, возможно, если законодатель и правоприменитель вернуться к Конституции РФ как закону прямого действия и свое поступательное движение будут сверять с нормой ст. 18 Конституции, которая гласит, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹⁰.

Правильность такого подхода подтверждается высказанным Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным замечанием о невозможности в должной мере реализовать правовой потенциал Конституции РФ без решения проблемы социальной справедливости в ее связи с проблемой политической демократии на уровне юридической теории и практики¹¹.

Профессор А. В. Поляков в поисках *основного принципа права* акцентирует внимание на том, что правовая коммуникация — это не просто передача информации, но взаимодействие на основе признания равной правосубъектности, он предлагает подходить к проблеме сочетания свободы человека и принудительной силы государства с позиций «*коммуникативного принципа*», который для такого баланса делает необходимым обязательное признание человека и его прав первичной основополагающей ценностью¹².

Представляется, что для доктрины гражданского и арбитражного процессуального права баланс принудительной силы государства и прав, и свобод человека означает прежде всего признание человека и его конституционного права на судебную защиту центральной ценностью судебной процедуры, что необходимо требует признания права на рассмотрение судом каждого гражданского дела с соблюдением процессуальной формы. Такое признание должно быть очевидным для восприятия сторон и публики, и поэтому оно может выражаться только

¹⁰ Громошина Н. А. Указ. соч. С. 89.

¹¹ Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Независимая газета. 09.10.2018.

¹² Поляков А. В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Теоретические и историко-правовые исследования проблем конституционного развития. Вторые Прокопьевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. СПб., 2019. С. 20.

в конкретных действиях и распоряжениях суда, демонстрирующих обеспечение возможности реализации процессуальных прав.

Центральным вопросом для поиска рассматриваемого баланса в гражданском и арбитражном судопроизводстве должен быть вопрос о гарантиях права быть заслушанным и быть услышанным. Ответ на этот вопрос, как представляется, следует искать, исходя из предложенного А. В. Поляковым коммуникативного принципа и подхода, диктуемого идеей о судебной коммуникации.

Подход к деятельности по отправлению правосудия как к судебной коммуникации делает архиважным замечание арбитражного судьи С. В. Лазарева о том, что «суд всегда в состоянии разрешить дело, в том числе в день принятия иска, а производство по делу направлено лишь на создание возможности для *реализации права участвующих в деле лиц быть* заслушанными»¹³. Действительно, у суда достаточно властных полномочий, а у судей — интеллектуального потенциала для того, чтобы вынести решение в самые короткие сроки, а судебная процедура существенно такие сроки увеличивает только для того, чтобы стороны и общество удостоверились в том, что истец и ответчик были заслушаны и рассмотрение дела было справедливым.

Если судебную процедуру, т.е. набор определенных законом действий суда и участников производства по делу, рассматривать как форму коммуникации между ними, необходимо обратить внимание на структуру коммуникации. Представляется верным утверждение о том, что структура судебной коммуникации в целом не отличается от структуры коммуникации в других сферах и включает в себя коммуникативное сообщение (информацию, имеющую смысл для ее субъектов), его создание с определенной целью и его интерпретацию субъектами коммуникации, определенный набор действий, совершаемых в определенной последовательности, связанность с отношениями (влияние коммуникации на отношения) и реакцию на нее (информацию)¹⁴.

В правовой коммуникации в целом и судебной коммуникации в частности неизбежно присутствуют два элемента, требующие регулирования: 1) передача между участниками коммуникации сообщений, смысл которых они связывают со своими отношениями; 2) отправитель сообщения намерен его содержанием вызвать определенную реакцию у адресата сообщения. Главной целью регулирования судебной процедуры в целом и каждого процессуального действия, составляющего ее, является обеспечение возможности участнику судебной коммуникации передать сообщение другому участнику с целью вызвать ожидаемую реакцию.

В силу властной природы суда его возможность передать участникам свои сообщения и добиться от них ожидаемых процессуальных действий обеспечивается не только признанием сторонами такого положения суда, но и властным характером его полномочий, и набором процессуальных санкций, и принудительным аппаратом государства. Закрепление процессуальной формы в законодательстве необходимо только для обеспечения права остальных участников гражданского

¹³ Лазарев С. В. Когда арбитражный суд должен назначить судебную экспертизу // Судья. 2021. № 2. С. 29—34.

¹⁴ Лазарев С. В. Указ. соч. С. 17—29.

и арбитражного судопроизводства, и прежде всего сторон, быть выслушанными и для защиты от произвола суда.

В терминах науки процессуального права эта идея может быть выражена следующим образом: основной задачей процессуальной формы является обеспечение сторонам реальной возможности участвовать в рассмотрении дела (т.е. в судебной коммуникации), а основными элементами процессуальной формы в гражданском процессе являются реализуемые судом положения гражданского и арбитражного процессуального законодательства, гарантирующие право быть выслушанным и быть услышанным судом.

Право быть выслушанным судом в судебной коммуникации является условием эффективности передачи сообщения между судом и другими ее участниками, прежде всего сторонами, и означает в самом широком смысле гарантированную государством истцу и ответчику возможность обратиться к суду с «сообщением», содержание которого обладает понятным для суда и сторон смыслом, а именно содержит требование о защите права (исковые требования и возражения ответчика) или просьбу (в виде заявления, ходатайства или действия) о совершении судом предусмотренного законом действия.

Право быть услышанным обеспечивает реализацию другого элемента судебной коммуникации — намерения отправителя сообщения (прежде всего стороны) вызвать его содержанием определенную реакцию адресата — суда. Так, сторона обращается к суду всегда с намерением получить от суда предусмотренный процессуальным законом ответ в виде процессуального действия, сообщения, а по окончании судебной процедуры — в виде решения. Причем такой ответ должен быть понятен стороне, иначе коммуникация окажется безрезультатной. В этом причина необходимости включения в решение суда его мотивов, причем изложенных в доступном для восприятия сторон или хотя бы их юристов форме.

Не менее важны мотивы решения для коммуникации суда с обществом. Отсутствие мотивов в судебном решении, таким образом, может допускаться только в тех случаях, когда для коммуникации сторон с судом в силу малозначительности дела для сторон и отсутствия значимости дела для общества необходимость в мотивах решения с точки зрения последних отсутствует.

Существующая в современном гражданском и арбитражном судопроизводстве ситуация, когда значительная часть судебных актов мировых судей и актов, вынесенных судьями федеральных судов в порядке упрощенного производства, не мотивируется, означает отсутствие по таким делам коммуникации суда со сторонами и государства с обществом и, как следствие, отсутствие условий для восприятия гражданами правосудия по таким делам как справедливого, без чего не может появиться доверие.

Процессуальная форма для права быть выслушанным и услышанным судом носит характер условия *sine qua non*, т.е. является неперенным условием, «экзоскелетом», обеспечивающим сторонам и другим участникам гражданского и арбитражного судопроизводства действительную реализацию в узком смысле как субъективного права быть выслушанным и услышанным судом. В широком смысле идея о праве быть выслушанным и быть услышанным судом является основной идеей и движущей силой процедуры, в рамках которой осуществляется судебная коммуникация, поэтому она должна определять содержание

деятельности по отправлению правосудия и, соответственно, процессуальной формы.

Коммуникативный принцип, предложенный А. В. Поляковым как *основной принцип права*, означает взаимное признание субъектами правовой коммуникации. В судебной коммуникации такое признание должно проявляться со стороны суда по отношению к истцу, ответчику и другим участникам процесса в уважении и соблюдении их процессуальных прав и в выполнении возлагаемой на суд в соответствии с принципом судейского руководства обязанности обеспечивать возможность реализации их прав. Стороны и другие участники процесса, обращаясь к суду, также должны проявлять свое признание суда в качестве субъекта коммуникации, на которого возложена обязанность разрешить дело. Такое признание выражается не только в соблюдении установленных процессуальных формальностей, закрепленных в церемониальных нормах ГПК и АПК, но также в обязанности лица, обратившегося к суду, обосновать свое обращение.

Взгляд на отношения суда и других участников процесса как на судебную коммуникацию подтверждает значение права быть выслушанным как фундаментального начала отечественного гражданского и арбитражного судопроизводства, на которое в современной российской литературе указывалось со ссылкой на исследование всемирно известного ученого М. Каппеллетти¹⁵.

Право быть выслушанным и быть услышанным судом требует внимательного изучения с позиций подхода к судебному процессу как коммуникации суда и других участников процесса для поиска закономерностей в реализации права быть выслушанным и быть услышанным и выявления в условиях продолжающейся многолетней оптимизации судопроизводства пределов действия данного права, нарушение которых означало бы утрату в судебной деятельности правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. — 2013. — № 6.
2. Афанасьев С. Ф. К проблеме реализации права быть выслушанным в суде при рассмотрении гражданских дел // Вестник гражданского процесса. — 2012. — № 4.
3. Афанасьев С. Ф. Право быть выслушанным в суде сквозь призму постановлений Европейского суда по правам человека // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 4 ; 2013. — № 1.

¹⁵ Cappellelletti M. Fundamental Guarantees of the Litigants in Civil Procedure: Comparative Constitutional, International and Social Trends // Stanford Law Review. 1972—1973. P. 673 ; Виноградова Е. А. Фундаментальные положения гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сборник научных статей. Краснодар. СПб., 2004. С. 38. Филатова М. А. Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 103.

4. *Виноградова Е. А.* Фундаментальные положения гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сборник научных статей. — Краснодар ; СПб., 2004.
5. *Воронов А. Ф.* «Не могу поступаться принципами» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12.
6. *Гриффин Э.* Коммуникация: теории и практики. — Харьков, 2015.
7. *Громошина Н. А.* О принципах цивилистического процесса в условиях, когда «современная модель капитализма исчерпала себя» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12 (88).
8. *Елизаров В. А.* Доказывание сторонами своих требований и возражений в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1968.
9. *Елисеев Н. Г.* Раскрытие доказательств // Закон. — 2014. — № 10.
10. *Зорькин В. Д.* Буква и дух Конституции // Независимая газета. — 09.10.2018.
11. *Кудрявцева Е. В., Прокудина Л. А.* Как написать судебное решение. — М., 2015.
12. *Лазарев С. В.* Когда арбитражный суд должен назначить судебную экспертизу // Судья. — 2021. — № 2.
13. *Макаров П. Н.* Исключение новых процессуальных средств в апелляционной инстанции (de lege ferenda) // Вестник экономического правосудия. — 2015. — № 8.
14. *Медведев И. Р.* Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: научное исследование. — СПб., 2009.
15. *Поляков А. В.* Конституция России, традиционные ценности и основной принцип прав // Теоретические и историко-правовые исследования проблем конституционного развития. Вторые Прокопьевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. — СПб., 2019.
16. *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций : учебник для студентов университетов. — СПб., 2004.
17. *Попов А. А., Попов В. А.* Заблаговременное раскрытие доказательств как проявление принципа состязательности в арбитражном процессе: отечественный и зарубежный опыт // Российское право: образование, практика, наука. — 2020. — № 6.
18. *Рожкова М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения // СПС «Гарант».
19. *Султанов А. Р.* Правосудие не может быть немотивированным! // Закон. — 2018. — № 1.
20. *Сухорукова О. А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2017.
21. *Туманов Д. А.* Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России. — 2020. — № 8.

22. *Филатова М. А.* Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития // Журнал российского права. — 2007. — № 5.
23. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
24. *Шерстюк В. М.* «Право быть выслушанным и быть услышанным» — принцип гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сборник научных статей. — Краснодар ; СПб., 2004.
25. *Шерстюк В. М.* Тенденции развития принципов гражданского процессуального права // Законодательство. — 2020. — № 2.

Коммуникация между судом и участниками процесса как гарантия достижения целей гражданского и арбитражного судопроизводства

Аннотация. В статье автор анализирует влияние коммуникации суда и участников процесса на достижение целей и задач гражданского и арбитражного судопроизводства. Констатируется обоснованность рассмотрения процесса с точки зрения коммуникативной теории и возможность применения ее методов. Обосновывается наличие у суда обязанности обеспечить эффективную коммуникацию при рассмотрении конкретных дел и участвовать в коммуникации с участниками процесса.

Ключевые слова: коммуникация, гражданский процесс, арбитражный процесс, коммуникативные связи, коммуникативная теория права.

Петр Николаевич МАЦКЕВИЧ

старший преподаватель
кафедры гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, адвокат МКА
«Орчардс»

p.matskevich@orchardslaw.com

127055, Россия,
а/я 64, МКА «Орчардс»
(для Мацкевича П. Н.)

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.161-167

Petr N. MATSKEVICH,

Lecturer of the Department of Civil
and Administrative Procedure

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), advocate at MKA «Orchards»

p.matskevich@orchardslaw.com

p.o. box 64, Orchards (for Matskevich P. N.), Russia, 127055

Communication between court and participants as a guarantee of achievement of goals and objectives of civil and arbitrage proceedings

Abstract. In the article author analysis the influence of communication between court and participants of proceedings on achievement of goals and objectives of civil and arbitrage proceedings. Author concludes that it is reasonably to examine proceedings by means of communication theory and using its methodology. It is justified that court is obliged to provide effective communication in the Consideration of Case and take participation in communication with participants of proceedings.

Keywords: communication, civil procedure, arbitrage procedure, communication links, communication theory of law.

В последнее время в науке гражданского процессуального права стало уделяться достаточно много внимания проблемам эффективности судопроизводства¹. Нормативное закрепление целей и задач судопроизводства в процессуальных кодексах (ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ), очевидно, направлено на то, чтобы эти цели и задачи достигались при рассмотрении каждого дела. С. А. Курочкин справедливо называет в качестве одного из аспектов эффективности соотношение целей и достигнутых результатов². Высокая эффективность деятельности судов проявляется не в количестве рассмотренных дел, а в качестве их рассмотрения, которое определяется правильным и скорым рассмотрением дел.

О. А. Сухорукова, работа которой полностью посвящена анализу влияния коммуникативных аспектов процесса на его эффективность, делает вполне справедливые заявления: «Реализация прав и обязанностей в процессе, составляющих содержание правоотношения, есть коммуникация в чистом виде. Поэтому можно сказать, что процессуальное правоотношение реализуется посредством коммуникации»³. Если гражданский процесс реализуется посредством коммуникации участников процесса, то от того, насколько удачно она складывается, будет зависеть достижение или недостижение задач и целей судопроизводства, поэтому, безусловно, коммуникация в конечном счете влияет и на эффективность процесса.

В обыденном смысле под коммуникацией понимают общение людей друг с другом⁴, однако коммуникация как социальное взаимодействие субъектов является достаточно сложным, многогранным процессом, проявляющимся в различных сферах человеческой деятельности. «К началу 1960-х только в философской и социологической литературе насчитывалось около сотни определений коммуникации. Можно с уверенностью сказать, что сегодня таких определений существует на порядок больше»⁵.

Современные представления о коммуникации позволяют рассматривать ее в первую очередь как коммуникативный процесс по поводу обмена информацией между несколькими субъектами с целью извлечения нового знания⁶. О. А. Сухорукова коммуникацию определяет как связанный с отношениями процесс создания и интерпретации сообщений, которые вызывают определенную реакцию, а к признакам коммуникации относит наличие сообщения, его создание и интерпретацию, связанность с отношениями, присутствие определенной реакции на

¹ См.: Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства. М., 2020 ; Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект : монография. М., 2019.

² Курочкин С. А. Указ. соч. С. 38.

³ Сухорукова О. А. Указ. соч. С. 31.

⁴ Шарков Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации : учебник для бакалавров. М., 2020. С. 9.

⁵ Мунасыпов И. М., Нигматуллина Э. Н., Савицкий С. К., Умаров М. Ф. Ключевые аспекты понятия «коммуникация» // Высшее образование сегодня. 2020. № 7. С. 75.

⁶ Чамкин А. С. Основы коммуникологии (теория коммуникации) : учебное пособие. М., 2017. С. 11.

сообщение и процессуальную природу (в том смысле, что коммуникация — это динамическое, а не статическое явление)⁷.

Невозможность существования права как социального института без коммуникации субъектов достаточно очевидна, что в свое время дало А. В. Полякову основание для формирования коммуникативной концепции права⁸.

По нашему мнению, в отличие от материальных, процессуальное правоотношение действительно не может существовать вне коммуникации. Если, например, гражданское правоотношение может возникнуть или прекратиться в связи с определенными событиями или действиями, в которых отсутствует коммуникативная составляющая, то гражданское процессуальное правоотношение возникает всегда в результате юридических фактов-действий⁹, которые, по нашему мнению, всегда в то же время носят коммуникативный характер.

В силу принципа диспозитивности для возникновения процессуального правоотношения необходимо наличие обращения к суду.

Наиболее типичной формой обращения в суд является иск, который можно определить как обращение к суду с требованием о защите нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса¹⁰. Раз иск — это обращение к суду, то это обращение является формой передачи определенного сообщения, которое излагается истцом в письменной форме посредством буквенной записи и адресуется суду, который должен это сообщение должным образом интерпретировать, уяснить содержащуюся информацию, проверить посредством предусмотренных законом способов достоверность этой информации и дать на это сообщение определенный ответ. Промежуточным «ответом» на предъявление искового заявления выступает процессуальное действие суда по принятию искового заявления к производству и возбуждению дела, возвращению искового заявления или оставлению его без движения.

Таким образом, вся процессуальная деятельность может быть представлена не только в категориях «процессуальное отношение», «процессуальное право» и «процессуальное действие», но и в виде коммуникативных единиц «сообщение» — «ответ». При этом коммуникативные связи, возникающие в ходе процесса, разнообразны и могут возникать между разными участниками процесса: истцом и судом, ответчиком и судом, судом и свидетелем. Представляется, что, в отличие от процессуальных отношений, обязательным участником которых является суд, коммуникативные связи могут возникать и напрямую между участниками процесса: между истцом и ответчиком, между стороной и свидетелем или экспертом и др. Когда истец задает ответчику вопрос, а ответчик на него отвечает, то, хотя у них не возникает по отношению друг ко другу процессуальных прав и обязанностей, но факт коммуникации между ними действительно имеет место.

⁷ Сухорукова О. А. Указ. соч. С. 12.

⁸ Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 9.

⁹ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М, 2014. С. 204.

¹⁰ Данная точка зрения на понятие иска является не единственной. Краткий обзор учения об иске см., например: Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 335–340.

При разрешении конкретного дела все участники процесса в той или иной степени задействованы в коммуникации. Однако ключевую роль в судебной коммуникации, безусловно, занимает суд. Суд является адресатом сообщений, содержащихся в исковом заявлении, отзыве (возражениях) на исковое заявление, в письменных и устных ходатайствах лиц, участвующих в деле, в их объяснениях, изложенных как в письменной, так и в устной форме, показаниях свидетелей. Именно суду лица, участвующие в деле, сообщают юридически значимую информацию, поскольку суд в итоге осуществляет правоприменение и выносит судебное решение.

О. А. Сухорукова на основе анализа коммуникативных связей в гражданском судопроизводстве приходит к выводу о том, что субъекты деятельности по рассмотрению гражданского дела (участники процесса и суд) имеют одну общую цель — эффективную судебную коммуникацию¹¹. Следует согласиться с автором, что данная цель носит промежуточный, служебный характер, не является нормативно закрепленной, но, если она эффективно выстроена в процессе коммуникации суда и участников процесса, это позволяет достичь целей и задач гражданского (арбитражного) судопроизводства, закрепленных в ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ.

В эффективной коммуникации должны быть заинтересованы в первую очередь лица, участвующие в деле, и главным образом — стороны, поскольку у этих участников есть объективный интерес к делу. От того, насколько удачно и убедительно они изложат свои аргументы, зависит, как суд воспримет эту информацию и получится ли у них убедить суд в правоте своей позиции. В конечном счете от эффективности коммуникации в определенной степени зависит и то, какое решение вынесет суд, в каком виде суд установит права и обязанности сторон.

Однако, по нашему мнению, центральное место в построении эффективной коммуникации занимает суд. В соответствии с ч. 2 ст. 12 ГПК РФ суд осуществляет руководство процессом и создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Аналогичные положения содержатся и в ч. 3 ст. 9 АПК РФ. На суд, таким образом, законом возлагается прямая обязанность по созданию надлежащих условий для рассмотрения и разрешения дел.

При этом создание условий не должно сводиться только к разъяснению лицам, участвующим в деле, их процессуальных прав и последствий совершения или несовершения ими определенных действий или лишь к строгому соблюдению норм процессуального законодательства. Раз эффективная коммуникация — это одно из условий, позволяющих правильно рассмотреть и разрешить дело, то на суд должна возлагаться обязанность создать в процессе условия для самой коммуникации.

В чем же должна заключаться роль суда в обеспечении эффективной коммуникации в процессе? Представляется, что не только в предоставлении участникам процесса возможности донести до суда необходимую информацию, но и в

¹¹ Сухорукова О. А. Указ. соч. С. 44.

приложении усилий по интерпретации судом этой информации, уяснению действительного смысла того сообщения, которое участник процесса адресует суду. Это, в свою очередь, должно исключать пассивность суда при взаимодействии с лицами, участвующими в деле, и другими участниками производства.

Если обратиться к процессуальному закону, то можно увидеть и нормативную базу, содержащую ряд положений, направленных как раз на обеспечение надлежащей коммуникации между судом и участниками производства по делу.

Первое и базовое правовое предписание — это процитированные выше нормы ч. 2 ст. 12 ГПК РФ и ч. 3 ст. 9 АПК РФ, раскрывающие содержание принципа состязательности и положения, закрепляющие руководящую роль суда при обеспечении состязательности процесса. Другие нормы, направленные на создание эффективной коммуникации, сосредоточены в первую очередь в главах процессуальных кодексов, посвященных подготовке дела к судебному разбирательству и самому судебному разбирательству.

Так, согласно ч. 1 ст. 147 ГПК РФ после принятия заявления судья выносит определение о подготовке дела к судебному разбирательству и указывает на действия, которые следует совершить сторонам, другим лицам, участвующим в деле, и сроки совершения этих действий для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела.

В части 1 ст. 148 ГПК РФ в качестве одной из задач подготовки названо уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Согласно пункту 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», в случае заблуждения сторон относительно фактов, имеющих юридическое значение, судья на основании норм материального права, подлежащих применению, разъясняет им, какие факты имеют значение для дела и на ком лежит обязанность их доказывания. В силу ст. 56 ГПК РФ суд выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В соответствии с п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ при подготовке дела к судебному разбирательству судья опрашивает истца или его представителя по обстоятельствам дела по существу заявленных требований и предлагает, если это необходимо, представить дополнительные доказательства в определенный срок, опрашивает ответчика по обстоятельствам дела, выясняет, какие имеются возражения относительно иска и какими доказательствами эти возражения могут быть подтверждены.

На стадии судебного разбирательства на суд возлагается обязанность заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ), в силу ст. 166 ГПК РФ суд при рассмотрении ходатайств должен заслушать мнения других лиц, участвующих в деле. В соответствии со ст. 172 ГПК РФ рассмотрение дела по существу начинается докладом председательствующего, что предполагает погружение судьи в материалы дела и уяснение требований истца и возражений ответчика. Ведь невозможно сделать доклад о чем-то, полностью не уяснив действительный смысл информации, содержащейся в представленных документах. Без получения нового знания, что является целью коммуникативного

процесса, без должной интерпретации информации невозможна и ее ретрансляция.

Аналогичные в целом положения содержатся и в АПК РФ (ч. 1 ст. 65, п. 1 ч. 1 ст. 135, п. 2 и 3 ч. 2 ст. 136, п. 8 и 9 ч. 2 ст. 153 и др.).

Таким образом, можно сказать, что процессуальный закон содержит нормы-предписания, обязывающие суд в рамках производства по делу обеспечить условия для эффективной коммуникации с участниками процесса, предписания, обязывающие вступать в коммуникативные связи с этими участниками в целях надлежащей интерпретации сообщаемой ими информации, необходимой для правильного разрешения дела.

Какое практическое значение могут иметь приведенные выше рассуждения и представленные выводы?

Главным образом они предполагают недопустимость ситуаций, когда суд уходит в совещательную комнату для вынесения решения, до конца не поняв позицию той или иной стороны или то, на каких доказательствах она основывает свою позицию. И речь идет не о случаях, когда суд на основе всесторонней оценки доказательств и внутреннего убеждения приходит к выводу о недоказанности доводов стороны. Речь именно о тех случаях, когда суд до конца не понял существо этих доводов и, не устранив данную неопределенность, все равно принимает судебное решение.

Изложенные соображения также подтверждают, что отдельные полномочия суда, которые на первый взгляд являются его дискреционными правами, следует рассматривать именно как процессуальные обязанности суда. Так, предусмотренная ст. 148 ГПК РФ задача уточнения фактических обстоятельств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству должна пониматься именно как обязанность суда, которая должна быть реализована во всех случаях, когда у суда остаются какие-либо вопросы.

Тем же образом, по нашему мнению, следует рассматривать право суда, предусмотренное абз. 2 ч. 1 ст. 57 ГПК РФ, предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства. Суд обязан предложить представить дополнительные доказательства, если понимает, что тех доказательств, которые сторона уже представила в обоснование своих доводов, явно недостаточно для установления искомого факта. Такое предложение (реакция суда на доводы-сообщения) позволяет обеспечить эффективную коммуникацию, ведь лицо, участвующее в деле, может быть уверенным, что тех доказательств, которые были им представлены, вполне достаточно для обоснования обстоятельств, на которое оно ссылается, а суд может оценивать их иначе.

В заключение хотелось бы отметить, что использование теории коммуникации при исследовании проблем гражданского процессуального права может иметь серьезное научное и практическое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства. — М., 2020.
2. Мунасыпов И. М., Нигматуллина Э. Н., Савицкий С. К., Умаров М. Ф. Ключевые аспекты понятия «коммуникация» // Высшее образование сегодня. — 2020. — № 7.
3. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2002.
4. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. — М., 2014.
5. Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект : монография. — М., 2019.
6. Чамкин А. С. Основы коммуникологии (теория коммуникации) : учебное пособие. — М., 2017.
7. Шарков Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации : учебник для бакалавров. — М., 2020.

**Андрей Александрович
ОСТРОУМОВ,**

доцент кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ost76@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Взаимодействие суда и сторон в процессе представления и исследования доказательств в электронном виде

Аннотация. Специфика электронной формы фиксации сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, предопределяет особенности их представления в суд, ознакомления с ними, исследования и оценки. Правильное и своевременное установление обстоятельств дела по результатам представления и исследования информации в электронной (цифровой) форме возможно при условии такого взаимодействия суда и сторон, которое учитывало бы особенности данной формы закрепления информации, обеспечивало соблюдение принципов гражданского процесса, и в первую очередь состязательности и равноправия сторон, непосредственности и судебной истины. В законодательстве необходимо предусмотреть возможность совершения ряда действий, совершенствующих порядок получения, изучения, оценки сведений об обстоятельствах дела, представляемых в электронном виде.

Ключевые слова: взаимодействие суда и сторон, представление электронных доказательств, исследование и оценка электронных доказательств, ознакомление с делом, цифровые доказательства, доказательства в электронном виде.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.168-177

Andrey A. OSTROUMOV,

Associate Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
ost76@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Interaction between the court and the parties in the process of presenting and examining evidence electronically

Abstract. The specifics of electronic form of fixation of information on circumstances relevant to the case predetermines the peculiarities of their presentation in court, familiarization with them, examination and evaluation. Correct and timely establishment of circumstances of a case based on the results of presentation and examination of information in electronic (digital) form is possible subject to such interaction of court and parties, which would take into account the features of this form of fixing information, ensure compliance

with the principles of civil proceedings, first of all, adversarial and equality of parties, immediacy and judicial truth. Legislation should provide for the possibility of performing a number of actions that improve the procedure for obtaining, examining and evaluating information on the circumstances of the case submitted in electronic form.

Keywords: Court and party interaction, presentation of electronic evidence, examination and evaluation of electronic evidence, familiarization with the case, digital evidence, electronic evidence.

Специфике использования в судах в качестве доказательства информации об обстоятельствах, имеющих значение для дела, закреплённой в электронно-цифровой форме, содержащейся на специальных материальных носителях, предназначенных для закрепления информации в такой форме, посвящено множество работ¹. В них высказаны различные точки зрения относительно того, что следует понимать под электронными (цифровыми) доказательствами², обращено внимание на отсутствие должной регламентации порядка оценки электронных доказательств³, отмечается такая отличительная особенность электронных документов, как невозможность восприятия информации, существующей в электронно-цифровой форме, без использования специальных технических, программных средств, знаний⁴.

На сегодняшний день, как свидетельствует судебная практика, представление в суд и исследование используемой в качестве доказательств информации, закреплённой в электронно-цифровой форме на различных электронных носителях, можно сказать, стало обычным явлением. При этом в электронном виде представляются в суд самые различные сведения, например электронные документы (чаще всего в таком виде представляются информация из Единого государственного реестра недвижимости), результаты фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи, изображения, воспроизводимые с экрана монитора (скриншоты), содержащие информацию, размещённую на сайтах в сети Интернет, в электронной почте, в

¹ См., например: Алиев Т. Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 28—32; Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170—188; Гройсберг А. И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 55—75; Калинин С. В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3586—3590. URL: <https://e-koncept.ru/2014/54981.htm>.

² См.: Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 44—46; Иванов Н. А. Электронные документы как доказательства в арбитражном и гражданском процессе // Администратор суда. 2009. № 2.

³ Самсонов Н. В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 40—54.

⁴ Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и в арбитражном процессе : монография. М. : Проспект, 2013. С. 477.

мессенджерах и т.д., электронные образы документов, отражающие содержание подлинников письменных документов, письменных объяснений сторон и третьих лиц, других источников доказательственной информации, закрепленной в письменной форме.

Специфика электронно-цифровой формы закрепления информации на тех или иных материальных носителях должна учитываться в рамках правового регулирования порядка представления такой информации в суд при первоначальном обращении и в рамках уже возникшего производства, порядка представления данной информации для ознакомления лицам, участвующим в деле, порядка исследования доказательств в электронном виде в ходе судебного разбирательства.

Имеющиеся теоретические работы, посвященные специфике доказательств, представляемых в суд в электронном виде, на электронных носителях, примеры из судебной практики, отражающие особенности представления, исследования и оценки таких доказательств могли бы послужить основой для совершенствования процессуальных норм, регулирующих взаимодействие суда и лиц, участвующих в деле, в первую очередь сторон, при представлении и исследовании доказательств в электронно-цифровой форме.

Судебная практика свидетельствует о необходимости доработать существующие механизмы взаимодействия (коммуникации) суда и сторон при представлении, ознакомлении и исследовании информации, закрепленной в электронно-цифровой форме на тех или иных материальных носителях не на уровне инструкций по судебному делопроизводству или локальных актов Верховного Суда РФ, а на законодательном уровне.

Для представления в суд документов в электронном виде, в том числе электронных документов, утверждается специальный порядок подачи их в суды. В инструкциях по судебному делопроизводству достаточно подробно определено, какие действия и в какой последовательности совершаются работниками суда в связи с поступлением в суд документов в электронном виде, в том числе в форме электронных документов. Что же касается специфики ознакомления с этими документами, их исследования, то здесь, на наш взгляд, многие моменты, требующие внимания, нуждаются в четкой регламентации на уровне закона.

Одной из актуальных проблем, характерной в целом не только для доказательств, представляемых в электронном виде, является обеспечение стороне возможности ознакомиться с представленными другой стороной доказательствами на этапе подготовки дела к судебному разбирательству, заблаговременно, до начала судебного разбирательства. При обращении в суд истец (заявитель) не всегда направляет другой стороне доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которых он основывает свои требования.

Часто встречаются случаи, когда сторона действует недобросовестно, представляя почтовую квитанцию о направлении другой стороне доказательств, но фактически не обеспечивая другой стороне возможность их получения. Иногда сторона умышленно направляет другой стороне не все доказательства в электронном виде или же направляет их в искаженном виде, или же в состоянии, недоступном для прочтения (в поврежденном, недоступном для воспроизведения, прочтения, осмотра виде).

Одним из вариантов представления другой стороне доказательств в электронном виде могло бы стать направление ссылки, QR-кода для доступа на тот или иной облачный сервис хранения различной информации в цифровой форме (фотографий, видеозаписей и т.п.) с целью последующего копирования размещенных на нем материалов. Пока законом такой способ направления доказательств не предусмотрен. Его легализация в какой-то мере облегчит задачу обеспечения заблаговременного ознакомления с доказательствами. Однако этот способ не устраняет проблемы размещения в облачном сервисе неполной, искаженной, поврежденной информации, не гарантирует наличие технического доступа к информации.

Закрепленная в ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, ч. 3 ст. 65 АПК РФ обязанность раскрыть доказательства, на которые ссылаются стороны как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, после возбуждения дела, как показывает практика, не всегда выполняется. Поэтому, как правило, ответчик, узнав о возникшем процессе, всегда старается заблаговременно ознакомиться с материалами дела для изучения доказательств, представленных истцом. И здесь возникает вопрос, каким образом суд обеспечивает стороне возможность ознакомления с доказательствами, представленными в электронном виде.

Ознакомление с материалами дел обычно происходит в специальном помещении суда, но в нем часто отсутствует оборудование для копирования информации с электронных носителей информации, находящихся в материалах дела. Конечно, сторона может явиться со своим техническим устройством для копирования, например, портативным компьютером, но тогда возникает следующий вопрос о том, как суду отследить, чтобы сторона только скопировала информацию с материального носителя, а не повредила, не исказила или не уничтожила ее.

Возложение на работника суда или судебного пристава обязанности следить за тем, как сторона знакомится с доказательствами в электронном виде, представляется не самым лучшим и трудно реализуемым вариантом, поскольку в одно время с делами может знакомиться множество лиц и для непосредственного внимательного наблюдения за поведением каждого такого лица может не хватить соответствующего персонала. Техническая же возможность проверить, когда, в какое время была повреждена или удалена информация с материального носителя для выявления виновного лица, самой рассматриваемой проблемы не устраняет.

Существует практика направления в суд ходатайства о предоставлении доказательств, поступивших в суд в электронном виде, путем их копирования на электронный носитель информации, прилагаемый к ходатайству. Однако срок рассмотрения такого ходатайства, согласно действующим в некоторых судах правилам, может быть достаточно продолжительным (до одного месяца). Не исключает такой механизм и вопроса о том, все ли доказательства, представленные в суд в электронном виде, будут представлены стороне (неполное представление стороне доказательств, а также невозможность открыть или воспроизвести полученную в электронном виде информацию может быть следствием исключительно технических проблем).

Вариантом, позволяющим, как представляется, избежать указанных проблем могло бы стать размещение доказательств, поступивших в суд в электронном

виде, в специальном разделе сайта суда, где они находились бы постоянно в период до вступления итогового судебного акта в законную силу, и откуда лица, участвующие в деле, могли бы после прохождения процедуры идентификации (аутентификации) скачать (скопировать) их с использованием своих технических средств и программ.

Но такой вариант, на наш взгляд, не исключает необходимости размещения в помещениях судов, предназначенных для ознакомления с материалами дела, специальной техники для изучения и копирования документов, представленных в суд в электронном виде и размещенных в специальном разделе сайта суда с использованием предложенного механизма. Право лица, участвующего в деле, ознакомиться с материалами дела, по нашему мнению, предполагает обеспечение судом лицам, участвующим в деле, возможности ознакомиться в том числе и с доказательствами, представленными в электронном виде, в помещении суда и с использованием технических средств суда (с представлением лицом своего материального носителя для копирования информации).

В законодательстве есть примеры подобного обеспечения судом стороне возможности ознакомиться с доказательствами, представленными другой стороной в суд в электронном виде. После принятия к производству искового заявления, подлежащего рассмотрению в порядке упрощенного производства, арбитражный суд на основании ч. 2 ст. 228 АПК РФ направляет сторонам данные, необходимые для идентификации сторон, в целях доступа к материалам дела, в электронном виде размещенным на специальном сайте.

В литературе неоднократно обращалось внимание на такую специфику доказательств, представляемых в электронном виде, как наличие относительно простой возможности изменения их содержания, искажения, уничтожения. При этом только относительно аудио- и видеозаписей имеются нормы об обязанности суда принять меры для сохранения их в неизменном состоянии (ч. 1 ст. 78 ГПК РФ, ч. 2 ст. 76 КАС РФ). Между тем иные документы, представляемые в суд в электронном виде, также могут быть подвержены изменению, искажению. Отдельного внимания заслуживает вопрос о сохранности и работоспособности того материального носителя информации, на котором доказательство в электронном виде изначально поступило в суд.

Обсуждая вопрос о порядке исследования доказательств в электронных виде, следует прежде всего поддержать позицию, в соответствии с которой электронные доказательства в зависимости от принадлежности к одному из предусмотренных процессуальным законом средств доказывания должны исследоваться в соответствии с установленными для них правилами⁵.

Вопрос о том, каким образом должно происходить исследование судом отдельных видов доказательств, представленных в цифровой форме, должен учитывать специфику данного способа закрепления сведений и необходимость использования специальных технических и программных средств, предназначенных для воспроизведения содержания этих сведений. При этом важно надлежащим образом

⁵ Зарубина М. Н., Павлов А. А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 205—222.

обеспечить право лиц, участвующих в деле, участвовать в исследовании таких доказательств (ст. 35 ГПК РФ, ч. 1 ст. 41 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 45 КАС РФ), соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон, принципа судебной истины.

Электронные образы документов после поступления в суд и принятия их судом в качестве доказательств обычно распечатываются и в бумажном виде подшиваются в материалы дела. В такой ситуации электронные образы документов мало чем отличаются от доказательств, представляемых в письменной форме. При этом в ГПК РФ нет четкого указания, должен ли суд распечатать на бумажные носители все представленные в материалы дела электронные образы документов, вправе ли он это сделать выборочно или может их вообще не распечатывать.

Например, при рассмотрении одного из гражданских дел суд признал нецелесообразным распечатывать весь объем поступивших из Росреестра в виде электронных образов документов материалов регистрационных дел и приступил в судебном заседании к их исследованию, используя имеющийся в его распоряжении ноутбук. Учитывая, что исследование электронных образов документов, не перенесенных на бумажный носитель, ознакомление с ними, требуют использования специальных носителей цифровой информации, специальной техники и компьютерных программ, в ГПК РФ необходимо прямо закрепить норму о том, в каких случаях суд обязан распечатать или, наоборот, вправе не распечатать на бумажном носителе поступившие электронных образы документов (например, на основании мотивированного ходатайства лиц, участвующих в деле, при отсутствии технической возможности ознакомиться с электронными образами документов в помещении суда, если сторона прямо ссылается на отдельные документы регистрационного дела, и т.д.).

ГПК РФ не содержит также норм, определяющих, как, при каких условиях должно происходить участие сторон в исследовании судом электронных образов документов, электронных документов, не распечатанных на бумажном носителе, с использованием специальных носителей, технических средств, программ в ходе судебного разбирательства. Например, должны ли лица, участвующие в деле, видеть непосредственно, какая именно информация выводится на экран монитора судьи при исследовании документов в электронном виде? Или достаточно только, чтобы судья огласил наименование того документа, который им открывается и изучается в конкретный момент времени?

На этапе исследования материалов дела суд обычно оглашает номера листов дела и наименования отраженных на них документов. В такой ситуации стороны обычно наблюдают, как судья переворачивает страницы исследуемых материалов дела. Но что судья видит на экране своего монитора, когда открывает документы в электронном виде, стороны обычно, если им прямо не обеспечить такую возможность, узнать не могут.

Можно было бы говорить о полноценном участии сторон в исследовании судом документов в электронном виде, если бы информация, исследуемая судом на экране монитора, выводилась на большой экран, установленный в зале судебного заседания, который могли бы видеть все лица, участвующие в деле. Но для обеспечения наличия такой технической возможности во всех судах, на всех судебных участках потребуются значительные средства и продолжительное время.

Можно было бы предусмотреть в ГПК РФ норму об обязанности суда сообщать лицам, участвующим в деле, какой конкретно носитель информации (с указанием при его идентифицирующих признаках при их наличии), какое техническое средство (ЭВМ с какими идентифицирующими признаками) и какая компьютерная программа) используется для открытия (перевода в человекочитаемый формат) документов в электронной форме, и оглашать наименование и краткое содержание этих документов. Это позволит устранить ситуации, когда стороны сталкиваются с технической невозможностью открыть (прочитать) документы, представленные в суд в электронном виде, а суд сообщает им об отсутствии у него таких технических проблем.

Указание судом программы, используемой для открытия документа, важно, поскольку это позволит сторонам использовать ту же программу либо обратить внимание на те или иные связанные с ее работой проблемы, например на невозможность ее использования для просмотра определенных файлов. Сейчас же иногда бывают ситуации, когда суд при изучении документов в электронном виде ограничивается просмотром экрана и последующим сообщением сторонам об исследовании им соответствующих документов, без оглашения сведений, о которых было сказано выше.

На практике нередки случаи, и это отмечается в литературе, когда судья в ходе судебного разбирательства на этапе исследования доказательств открывает на своем компьютере тот или иной сайт и изучает содержащуюся на нем информацию⁶. Такие действия могут совершаться и для проверки достоверности представленных в электронном виде доказательств. Однако, по нашему мнению, непосредственный осмотр (прочтение) судом по своей инициативе информации, размещенной в сети Интернет, может совершаться только в случаях, прямо предусмотренных законом.

В связи с этим представляется, что в ГПК РФ нужно предусмотреть возможность суда по своей инициативе осмотреть (прочитать) информацию, содержащуюся на тех или иных сайтах в сети Интернет, содержащих общедоступные сведения (например, для получения сведений публичной кадастровой карты, информации ЕГРН и т.д.) с целью полноты исследования доказательств, проверки достоверности и достаточности доказательств, представленных сторонами, в том числе в электронном виде. При этом содержание страниц сайтов, непосредственно исследованных судом, должно распечатываться незамедлительно и соответствующие бумажные носители (скриншоты) должны быть приобщены к материалам дела и заверены судом, что также нужно отразить в законе.

Информация о том, как именно происходило исследование доказательств в электронном виде, какие действия при этом совершались, с использованием каких носителей, техники и компьютерных программ, должна с надлежащей полнотой отражаться в протоколе судебного заседания, что следует признать одним из требований, предъявляемых к его содержанию, и отразить его в законе.

Отдельного внимания заслуживает порядок исследования доказательств в электронном виде при проведении судебного заседания путем использования

⁶ Шевченко И. М. Электронные доказательства в судебно-арбитражной практике // Юрист. 2022. № 4. С. 56—61.

систем видео-конференц-связи или веб-конференции. В части 3 ст. 155.2 ГПК РФ, ч. 3 ст. 153.2 АПК РФ, ч. 3 ст. 142.1 КАС РФ закреплено право лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, в ходе судебного заседания подавать в суд заявления, ходатайства и прилагаемые к ним документы в электронном виде, но при этом отсутствуют нормы о том, как технически обеспечивается такая возможность, как исследуются документы, направленные в электронном виде, как обеспечивается ознакомление с ними других участников процесса.

Порядок представления и исследования доказательств в электронном виде при проведении судебного заседания путем использования систем видео-конференц-связи также, по нашему мнению, должен быть урегулирован на уровне закона.

Одним из вопросов, которому в литературе, посвященной доказательствам, представляемым в электронном виде, уделяется особо пристальное внимание, является вопрос об их оценке. В частности, речь идет о необходимости проверки достоверности источника, подтверждения действительного направления лицом, от которого информация предположительно получена (с учетом специфики электронной формы закрепления информации, связанной с возможностью ее многократного копирования, технической сложности определения изначального времени появления в цифровом виде и идентификации лица, которое ее изначально создало или передало).

Предлагается даже закрепить возможность идентификации и/или аутентификации информации и признать это одним из признаков электронного доказательства. В этой связи представляется правильным мнение, согласно которому включение в содержание понятия электронного документа только информации, которую можно аутентифицировать и/или идентифицировать, приводит к выделению в качестве существенного признака фактических данных, получаемых с помощью электронного документа, как судебных доказательств признака достоверности. В этом случае участники процесса могут попасть в ситуацию, при которой вплоть до вынесения судебного решения им не будет известно, доказательство перед ними или нет, поскольку достоверность фактических данных заранее определить невозможно⁷.

Представляется, что в законе должно быть определено, какие именно действия может предпринять судья по своей инициативе для проверки достоверности доказательств, представленных в электронном виде. Это может быть привлечение судом специалиста для дачи консультации, назначение экспертизы, направление запросов в организации, компетентные в области цифровых технологий.

Дополнение порядка исследования доказательств, представляемых в электронном виде, определение специальных условий и критериев их оценки позволит обеспечить надлежащее взаимодействие суда и лиц, участвующих в деле, в первую очередь сторон, на этапе установления обстоятельств дела с помощью доказательств, представленных в электронном виде, будет содействовать соблюдению на должном уровне прав последних на участие в исследовании

⁷ Зайцев П. П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4.

представленных в цифровой форме сведений о фактах с использованием специальных носителей информации и техники, предназначенной для восприятия этих сведений.

Это важно, поскольку, как правильно отмечено, стороны и суд собираются вместе, чтобы получить возможность в условиях максимально возможного взаимодействия установить обстоятельства дела⁸. При этом «широкое использование электронных доказательств в гражданском судопроизводстве неизбежно и имеет тенденцию к становлению в качестве ключевого элемента всего судебного процесса. Взаимодействие субъектов права через технические устройства с использованием информационных технологий не должно делать их уязвимыми при участии в судебных спорах, наоборот, наличие их в деле должно гарантировать вынесение судом законного и верного решения»⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алиев Т. Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 5. — С. 28—32.
2. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и в арбитражном процессе : монография. — М. : Проспект, 2013.
3. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 170—188.
4. Гройсберг А. И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 2. — С. 55—75.
5. Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. — 2020. — № 9.
6. Зайцев П. П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. — 2002. — № 4.
7. Зарубина М. Н., Павлов А. А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1.
8. Иванов Н. А. Электронные документы как доказательства в арбитражном и гражданском процессе // Администратор суда. — 2009. — № 2.
9. Калитин С. В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 3586—3590. — URL: <https://e-koncept.ru/2014/54981.htm>.

⁸ Лукьянова И. Н. Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху COVID-19 и после) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 44—50.

⁹ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 197 (автор главы — И. И. Черных).

10. *Лукьянова И. Н.* Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху COVID-19 и после) // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2020. — № 7.
11. *Самсонов Н. В.* Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // *Вестник гражданского процесса*. — 2019. — № 2.
12. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
13. *Шевченко И. М.* Электронные доказательства в судебно-арбитражной практике // *Юрист*. — 2022. — № 4.

**Марина Анатольевна
ФОКИНА,**

профессор кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Российского
государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор
fok_mar@mail.ru
117418, Россия, г. Москва,
ул. Новочеремушкинская,
д. 69

Проблема лжи в судебной коммуникации по гражданским и административным делам

Аннотация. Развитие принципа добросовестности в цивилистическом процессе находит проявление в том числе в совершенствовании мер по противодействию лжи в гражданском, арбитражном процессах, административном судопроизводстве. В статье рассматривается психологическая характеристика лгущего, признаки и причины лжи, а также способы ее предотвращения и изобличения. Автор статьи ставит вопрос о формировании нового научного направления прикладного характера по разработке методики рассмотрения в суде отдельных категорий дел и тактики проведения процессуальных действий по установлению фактических обстоятельств дела.

Ключевые слова: ложь, заблуждение, доказательства, допрос, основной допрос, перекрестный допрос, очная ставка, свидетельские показания, объяснения сторон и третьих лиц, лжесвидетельство, свидетельский иммунитет, судебная коммуникация.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.178-185

Marina A. FOKINA,

Professor, Department of Civil
and Administrative Procedure,
Russian State University of Justice
Dr. Sci. (Law), Professor
fok_mar@mail.ru

69, ul. Novocheremushkinskaya, Moscow, 117418

The problem of lies in judicial communication in civil and administrative cases

Abstract. The development of the principle of conscientiousness in the civilis-tic process finds manifestation, including in improving measures to counter lies in civil, arbitration, administrative proceedings. The article examines the psychological characterization of the liar, the signs and causes of the lie, and how to prevent and expose it. The author of the article raises the question of forming a new scientific direction of an applied nature to develop a methodology for considering certain categories of cases in court and tactics for conducting procedural actions to establish the actual circumstances of the case.

Keywords: lies, delusion, evidence, interrogation, basic interrogation, cross-examination, confrontation, testimony, explanations of parties and third parties, perjury, witness immunity, judicial communication.

Проблема борьбы с ложью привлекала внимание с древних времен¹. Она не теряет актуальности и в наши дни. Автор настоящей работы неоднократно обращалась к проблеме обеспечения достоверности информации, полученной в ходе судебной коммуникации, и противодействию лжи в объяснениях сторон и третьих лиц, в свидетельских показаниях².

Определение Верховного Суда РФ от 11.03.2021 побудило вновь обратиться к этой проблеме, поскольку в нем указано: «При определении критериев пересмотра должен быть соблюден баланс между принципом правовой определенности... и недопустимостью существования объективно ошибочных решений»³. Ложь, искажение и сокрытие достоверной информации о фактических обстоятельствах дела следует рассматривать как основание для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Анализ стадии пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в контексте принципа правовой определенности свидетельствует о том, что Верховный Суд РФ относит к чрезвычайному, неординарному способу исправления судебных ошибок, а ложь выступает юридическим процессуальным фактом, служащим основанием для такого пересмотра⁴. Это делает еще более актуальной проблему обеспечения достоверности информации, получаемой в ходе судебной коммуникации. Анализ судебной практики показывает, что проблема ложной информации является актуальной для личных либо смешанных доказательств, поскольку они связаны с человеком или его деятельностью. Наиболее часто проблему лжи в судопроизводстве связывают с объяснениями сторон и третьих лиц, свидетельскими показаниями.

Ложь и заблуждение в судопроизводстве. Несмотря на видимую распространенность лжи в гражданском и арбитражном процессах, ее констатация в судебных актах — нечастое явление. Причина такой ситуации коренится в сложности разграничения лжи и добросовестного заблуждения.

Заблуждение может быть результатом ошибочного восприятия незнакомого предмета, поскольку отражение в сознании человека не может дать абсолютно

¹ См.: *Закатов А. А.* Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. С. 5—6.

² См., например: *Фокина М. А.* Свидетельские показания в состязательном гражданском судопроизводстве. Саратов : СВШ МВД РФ, 1996 ; *Она же.* Борьба с ложью в гражданском судопроизводстве: научные взгляды И. М. Зайцева и современные проблемы гражданского и арбитражного процессов // И. М. Зайцев. Научное наследие : в 3 т. Т. 3 : Избранные статьи. Ч. 2 : 1998—2000 гг. Саратов : Наука, 2010. *Она же.* Добросовестность и ее процессуальная антитеза // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства : сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 13 октября 2017 года, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия) / под ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. СПб. : Петрополис, 2018. С. 486—497.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.03.2021 № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017.

⁴ См.: *Султанов А. Р.* Ложь стороны в арбитражном процессе как процессуальный юридический факт // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 70—86 ; *Он же.* О первых шагах по недопущению лжи в процессе. М. : Зерцало, 2022.

идентичный образ реального мира. В. С. Соловьев четко проводил различие между ложью и заблуждением. Первую форму он называет «лживой», а вторую «ложной». «Лживое» обозначает сознательное и поэтому нравственно предосудительное противоречие истине. «ложное» действие может основываться только на ошибке, поэтому оно изначально не является «лживым»⁵. Заблуждение затрудняет процесс познания истины. Оно является возможным, но не необходимым условием. Заблуждение — неадекватное представление, понимание действительности, имеющее для субъекта познания видимость истинного знания⁶.

Добросовестное заблуждение не исключено для всех участников судебной коммуникации. Оно связано с мыслительной деятельностью субъекта и выражается в полном или частичном неадекватном формировании представлений и понятий субъекта, воспринявшего обстоятельства, имеющие значение для дела⁷. Заблуждение имеет произвольный характер и предполагает, что заблуждающийся искренне принимает ложное за истинное. Ложь — это всегда умышленное действие, при котором субъект ложных показаний осознает недостоверность сообщаемой информации.

Ложь и заблуждение различаются по стадиям формирования в системе мыслительной деятельности. Добросовестное заблуждение формируется на стадии формирования показаний. Ложные показания проявляются только на стадии воспроизведения информации. Субъект лжи (свидетель, сторона, третье лицо, эксперт) сам формирует ложные сведения и является источником лжи. Все это позволяет утверждать, что недостоверные показания в судопроизводстве не всегда могут быть результатом лжи, а правдивые показания не исключают ошибки.

Как справедливо отмечалось в криминалистической науке, следует различать субъективную добросовестность свидетеля и объективную достоверность его показаний⁸. При межличностном общении в качестве вербального эквивалента заблуждения субъекта выступает неправда. Неправда, в отличие от лжи, характеризуется отсутствием целевой установки субъекта совершить обман⁹. По мнению В. В. Знакова, с точки зрения психологии правду и ложь следует разграничивать по трем признакам: 1) фактическая истинность или ложность утверждения; 2) вера говорящего в истинность или ложность утверждения; 3) наличие или отсутствие у говорящего намерения ввести в заблуждение слушающего¹⁰.

С точки зрения формальной логики нет различия между ложью и заблуждением. Недостоверные показания в любой форме содержат ошибки либо в посылах, либо в тезисе, либо в аргументации.

⁵ См.: Будер А. В. В. Соловьев и современность. М.: Наука, 2018. С. 120—121.

⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 194.

⁷ См.: Селиванов Ф. А. Истина и заблуждение. М., 1972. С. 8.

⁸ См.: Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. М., 1982. С. 50.

⁹ См.: Молчанов В. В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. М.: Городец, 2009. С. 308—309.

¹⁰ Знаков В. В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 51—52.

Ложь и правда — парные категории, которыми оперирует этика. Принято считать, что в случае лжи свидетель вступает в противоречие с нравственными требованиями общества, собственным внутренним миром. Однако нельзя не учитывать, что понятие «ложь» не обладает неизменным и независимым смыслом, оно приобретает свой смысл в контексте конкретных человеческих действий и с учетом конкретных воздействий¹¹. Именно в конкретных коммуникативных ситуациях слова начинают приобретать настоящее, актуальное значение¹².

С точки зрения правосудия любая ложь, содержащаяся в объяснениях сторон и третьих лиц, свидетельских показаниях, является препятствием к правильному и своевременному установлению фактических обстоятельств дела. Однако с позиций общечеловеческой морали ситуация может быть рассмотрена иначе по двум причинам.

Во-первых, требование от свидетелей всесторонних сведений о каких-либо обстоятельствах зачастую будет означать вторжение в интимный духовный мир, отрицание права на личную тайну¹³. Отчасти данную проблему решает правило о свидетельском иммунитете и правило о закрытом судебном разбирательстве.

Во-вторых, понятия «правда» и «ложь» следует рассматривать в системной взаимосвязи с понятиями «добро» и «зло». С точки зрения философии «ложь» приобретает свой смысл в контексте конкретных человеческих действий и воздействий. Исходя из собственных представлений о моральных ценностях, человек может допустить ложное высказывание, если это позволит сделать добро и избежать зла. По мнению В. Янкевича, ложь глубоко общественна и даже конформна, поскольку она способна сгладить острые углы, примирить несовместимое и сделать менее болезненным столкновение противоречивых интересов.

Немаловажную роль играет состояние психики человека: внушение и самовнушение, преувеличение прошлого опыта, конкретные общественно-исторические условия формирования взглядов и т.п.¹⁴

Ложь — это сознательный волевой акт искажения истины, формируемый в ходе передачи информации, а применительно к судопроизводству — во время подготовки или непосредственно в ходе судебной коммуникации. В психологии различают два вида волевых действий: простые и сложные. Простые состоят из двух этапов: постановка цели и исполнение. Сложные включают три звена: постановка цели, планирование и исполнение. Соответственно, стороны, третьи лица или свидетели осознают собственную цель, планируют порядок сообщения ложных показаний и озвучивают в ходе судебного заседания ложную информацию.

Сообщение ложных сведений лицами, участвующими в деле, а также лжесвидетельство направлены на достижение целей, противоречащих целям и задачам гражданского и арбитражного процессов. Наиболее распространенной целью дачи ложных показаний является вынесение благоприятного (неблагоприятного)

¹¹ Будар А. В. Указ. соч. С. 148.

¹² Будар А. В. Указ. соч. С. 145.

¹³ См.: Зайцев И. М. Ложь в гражданском судопроизводстве // Научное наследие : в 3 т. Т. 3. Ч. 2. С. 22.

¹⁴ См.: Заботин П. С. Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979. С. 13—14.

решения для стороны, оговор лиц, участвующих в деле, сокрытие обстоятельств, дающих основание для привлечения к ответственности, и т.п.

Указанный перечень не является исчерпывающим. В каждом конкретном случае мотивы лжесвидетельства индивидуальны.

Дача ложных показаний и объяснений вызывает повышенное эмоциональное напряжение. С одной стороны, лицо знает свою обязанность сообщить известные по делу факты, а с другой — в силу сложившихся мотивов у него формируется установка на ложь. Борьба мотивов порождает состояние стресса и фрустрации, чувство безвыходности и ложь становятся средством разрешения психотравмирующей ситуации¹⁵.

Ложь изменяет законы памяти и мышление человека. В основе психической деятельности добросовестных участников судопроизводства лежит репродукция события, в то время как для лжецов это творческий процесс. Для лжецов недостаточно воспринять, запомнить и воспроизвести информацию. Они должны ее осмыслить, переработать, спланировать модель лжи, удержать ее в памяти и воспроизвести. В сознании лжесвидетеля происходит конкуренция между запечатленным в памяти подлинным событием и вымышленным, что при словесном изложении приводит к противоречивости показаний. Лжесвидетель должен заменить правду элементами недостоверной информации. Чтобы ответить на первый вопрос, лгущий должен осуществить три мыслительные операции, на второй — шесть, на третий — двенадцать и т.д. в арифметической прогрессии¹⁶.

Лжец заранее формирует содержание своих показаний, старается предугадать возможные вопросы. Продумывание своего будущего поведения и хода рассуждения собеседника называется в психологии рефлексией. Уровень рефлексии определяет степень вероятности изобличения лжи в объяснениях и показаниях сторон, третьих лиц и свидетелей.

Неоценимую помощь юристам-практикам в изобличении лжи в судопроизводстве могут оказать достижения психологической науки¹⁷, особенно психолингвистики. «Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой...»¹⁸. Психолингвистический подход может быть весьма эффективно использован для выявления ложных объяснений сторон и третьих лиц, лжесвидетельства в гражданском и арбитражном процессах, административном судопроизводстве.

Взаимодействие участников судебной коммуникации осуществляется на вербальном и невербальном уровне. Исследования зарубежных и отечественных психологов показали, что словесная информация (вербальная коммуникация) составляет 1/6 часть, а язык поз, жестов, мимики, интонации, характер и

¹⁵ См.: *Закатов А. А.* Указ. соч. С. 46—47.

¹⁶ См.: *Закатов А. А.* Указ. соч. С. 47—48.

¹⁷ См., например: *Экман П.* Психология лжи. 4-е изд. СПб. : Питер, 2017 ; *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщенной участниками уголовного судопроизводства. М. : Юрлитформ, 2016.

¹⁸ *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики : учебник. 3-е изд. М. ; СПб., 2003. С. 21.

особенности дыхания (невербальная коммуникация) — 5/6 частей¹⁹. Знание вербальных и невербальных признаков лжи поможет судье диагностировать ложь и послужит основанием для применения тактических приемов для ее изобличения.

Признаки лжи в вербальной и невербальной коммуникации широко исследованы в психологии. К вербальным признакам могут быть отнесены следующие: междометья, запинки, частые паузы, языковые проговорки, различия в первоначальных и последующих показаниях, прогрессирующее увеличение количества «припоминаемых» деталей (эффект Шпака), снижение словесного разнообразия, эмоциональная бледность и схематизм сообщения, небольшое количество личных и эмоциональных высказываний, использование несвойственных слов и речевых оборотов, излишняя гладкость высказываний, речевые тирады, неопределенность и неконкретность высказываний, занятие позиции, выгодной для говорящего, и др.²⁰. По мнению П. Экмана «...скрыть что-то или исказить истину при помощи слов проще всего, хотя при этом и случаются ошибки, в основном из-за беспечности — оговорки, тирады, а также уклончивые ответы или увертки»²¹.

Невербальные признаки лжи чаще всего связаны с жестами, которые подразделяются на жесты-иллюстраторы и жесты-адаптеры. Следует обращать внимание на высоту голоса, которая при обмане повышается, реакции вегетативной нервной системы (изменение частоты дыхания, глотательные движения, краска, заливающая лицо, бледность и расширение зрачков, моргание и др.). На практике вербальные и невербальные признаки лжи используются во взаимосвязи.

В психологии разработано системное описание показателей неискренности человека, наблюдаемых в процессе общения. В зависимости от уровня функционирования психики (психофизиологический, психологический, социально-психологический) выявлены формы проявления показателей неискренного общения (вегетативная, кинетическая, поведенческая, мыслительная, зрительно-моторная, вербальная, паравербальная, экстравербальная) и признаки неискренности (изменение характера дыхания, изменение двигательной активности, неадекватность эмоционального фона, оговорки, тирады, появление продолжительных или частых пауз и т.д.)²². Данный подход уже взят на вооружение специалистами в области психологической экспертизы, проводимой в целях установления достоверности или недостоверности информации, полученной от участников уголовного процесса²³.

Противодействовать лжи в судопроизводстве можно не только путем совершенствования законодательства, регулирующего порядок осуществления гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, но и используя

¹⁹ *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Указ. соч. С. 22.

²⁰ См.: *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Указ. соч. С. 49 ; *Экман П.* Указ. соч. С. 63—70.

²¹ *Экман П.* Указ. соч. С. 65.

²² См.: *Коноваленко М. Ю.* Продуктивность решения социально-перцептивных и коммуникативных задач в условиях неискренного делового общения : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005 ; *Он же.* Обман в деловом общении. Методы диагностики. Ростов-на-Дону, 2005. С. 140—141.

²³ *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Указ. соч. С. 40—43.

достижения криминалистической тактики²⁴. Применение рекомендаций следственной тактики при судебном рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел позволяет говорить не только о тактике предварительного следствия, но и о криминалистической тактике, охватывающей приемы проведения как следственных, так и судебных действий²⁵.

Поэтому следует использовать комплексный подход для предупреждения и изобличения лжи в гражданском процессе.

Противодействие ложной информации в современном гражданском процессе не теряет своей актуальности. Совершенствование процессуального законодательства, а также развитие прикладной направленности исследований в сфере доказательственного права, включая вопросы методики рассмотрения отдельных категорий дел и тактики проведения судебных действий, окажет положительное влияние на достижение цели правильного установления обстоятельств дела.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будер А. В. В. Соловьев и современность. — М. : Наука, 2018.
2. Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщенной участниками уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитформ, 2016.
3. Заботин П. С. Преодоление заблуждения в научном познании. — М., 1979.
4. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. — Волгоград, 1984.
5. Знаков В. В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. — 1994. — № 6.
6. Коноваленко М. Ю. Продуктивность решения социально-перцептивных и коммуникативных задач в условиях неискреннего делового общения : дис. ... канд. психол. наук. — М., 2005.
7. Коноваленко М. Ю. Обман в деловом общении. Методы диагностики. — Ростов-на-Дону, 2005.
8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебник. — 3-е изд. — М. ; СПб., 2003.
9. Молчанов В. В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. — М., 2009.
10. Ратинов А. Р., Гаврилов О. А. Использование данных психологии в буржуазной криминалистике // Вопросы криминалистики. — Вып. 11. — М., 1964.
11. Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 37. — М., 1982.
12. Селиванов Ф. А. Истина и заблуждение. — М., 1972.

²⁴ См.: Тихиня В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. Минск, 1983. С. 45.

²⁵ См.: Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. М., 1973. С. 124.

13. Соловьев А. Б. Использование полученных доказательств в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитинформ, 2019.
14. Султанов А. Р. О первых шагах по недопущению лжи в процессе. — М. : Зерцало, 2022.
15. Султанов А. Р. Ложь стороны в арбитражном процессе как процессуальный юридический факт // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 4.
16. Тихия В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. — Минск, 1983.
17. Фокина М. А. Борьба с ложью в гражданском судопроизводстве: научные взгляды И. М. Зайцева и современные проблемы гражданского и арбитражного процессов // И. М. Зайцев. Научное наследие : в 3 т. — М. : Наука, 2010. — Т. 3 : Избранные статьи. — Ч. 2 : 1998—2000 гг.
18. Фокина М. А. Добросовестность и ее процессуальная антитеза // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства : сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 13 октября 2017 года, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия) / под ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. — СПб. : Петрополис, 2018.
19. Фокина М. А. Свидетельские показания в состязательном гражданском судопроизводстве. — Саратов : СВШ МВД РФ, 1996.
20. Экман П. Психология лжи. 4-е изд. — СПб. : Питер, 2017.

**Алиса Викторовна
АВЕРИНА,**

аспирант кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина» (МГЮА),
директор по
реструктуризации
и банкротству
ООО «Система Телеком
Активы»
alisa_kem@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Судебная коммуникация в процессе утверждения мирового соглашения в рамках дела о банкротстве

Аннотация. В статье анализируется роль суда при утверждении мирового соглашения в деле о банкротстве. Реализация активной функции делает суд субъектом доказывания и субъектом коммуникации по делу. В последние годы как законодатель, так и правоприменитель все больше склоняются к необходимости ограничения состязательного и диспозитивного начал в пользу повышения значимости активной роли суда при разрешении гражданских судебных споров. Эта тенденция наиболее ярко проявляется при рассмотрении дел о банкротстве. Особое внимание к данной категории дел связано с их повышенной социальной значимостью, обусловленной множественностью разносторонних интересов, которые сталкиваются в процедуре.

В статье рассматривается противоречивая судебная практика, существующая в современном правовом поле, в результате анализа которой автор приходит к выводу о том, что мировое соглашение, заключенное в процедуре банкротства, не может быть ограничено ни строгом понятием «мировое соглашение», ни процедурой банкротства.

Ключевые слова: банкротство, активная роль суда, активный суд, мировое соглашение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.186-193

Alisa V. AVERINA,

Postgraduate student of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Director on bankruptcy and restructuring, «Sistema Telecom Aktivy», LLC
alisa_kem@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Judicial communication while approving a settlement agreement in bankruptcy case

Abstract. The article analyzes the court role while approving a settlement agreement in a bankruptcy case. The implementation of the active component of this role makes the court a subject of proof and a subject of communication in the case. Recently, both the legislator and the law enforcer are inclined to limit the adversarial and dispositive principles in favor of the active role of the court in civil litigation. This trend is most pronounced in bankruptcy proceedings. Particular attention to bankruptcy cases dealt to

their social significance, due to the multiplicity of diverse interests, that take place in bankruptcy procedure.

The article discusses the controversial judicial practice that exists in the modern legal field. Author concludes that the settlement agreement in the bankruptcy case cannot be limited either strictly by the concept of “settlement agreement” or — “bankruptcy procedure”.

Keywords: *bankruptcy, active court role, active court, amicable agreement.*

Мировое соглашение в деле о банкротстве, имеет существенную специфику в сравнении с мировым соглашением в исковом производстве и является более сложным и противоречивым институтом¹. Однако в научной среде нет единого мнения и в отношении мирового соглашения, заключаемого в ординарной процедуре. Дискуссия имеет место по вопросу правовой природы института.

В дореволюционной доктрине преобладал подход, согласно которому мировое соглашение является в первую очередь сделкой и имеет материально-правовую природу². В советский период мнения ученых разделились: одни настаивали на его материально-правовой природе³, по мнению других, мировое соглашение — это акт процессуального права⁴, третьи говорили о его смешанном характере⁵. В современной науке наиболее распространен подход, согласно которому мировое соглашение рассматривается как единство материально-правового и процессуального начал⁶. Соглашаясь с данным подходом, отметим, что мировое соглашение, заключенное в рамках дела о банкротстве, является еще более комплексным инструментом.

Различна и роль суда при заключении мирового соглашения в двух указанных производствах. Для его утверждения в гражданско-правовом споре стороны

¹ См., например: *Ватаманюк В. О.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 87.

² См., например: *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1909. С. 335 ; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : Спарк, 1995. С. 343.

³ См., например: *Курылев С. В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., 1956. С. 157 ; *Викунт М. А., Зайцев И. М.* Гражданский процесс России. М. : Юрист, 1999. С. 216.

⁴ См., например: *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1971. С. 371.

⁵ См., например: *Гурвич М. А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 105.

⁶ См., например: *Синякина А. М.* Мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 5 ; *Кореев К. Б.* Мировое соглашение в деле о банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 7 ; *Ярков В. В.* Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. 2002. № 11 ; *Рахматуллин И. И.* К вопросу о сущности мирового соглашения в деле о банкротстве // Юрист. 2014. № 3.

представляют суду результат достигнутых договоренностей, а суд проверяет его с точки зрения нарушения прав третьих лиц и закона. Вынося определение об утверждении мирового соглашения, суд исполняет свою властную функцию. При этом он строго ограничен принципом диспозитивности и не вмешивается в правоотношения сторон.

Если обратиться к мировому соглашению в деле о банкротстве, то круг вопросов, которые должен проверить суд при его утверждении, существенно расширяется. Специфика обусловлена тем, что с одной стороны, такое мировое соглашение затрагивает права и законные интересы широкого круга лиц, в том числе не участвующих в его заключении. С другой стороны, не все участники соглашения согласны с его условиями и участвуют в нем добровольно.

Утверждая мировое соглашение, суд обязан не только соблюсти баланс интересов всех заинтересованных лиц, но и понять, насколько обоснованно его применение в качестве процедуры банкротства. Решая эту задачу, суд выходит за границы своей традиционной властной функции и более активно вовлекается в процесс судебной коммуникации⁷. Для установления причин данного явления необходимо обратиться к вопросу о порядке распространения мирового соглашения в деле о банкротстве на различных его участников.

Конкурсные кредиторы, требования которых не включены в реестр, а также кредиторы по неденежным требованиям и текущим платежам не участвуют в мировом соглашении и могут заявить их после прекращения производства по делу о банкротстве. При утверждении мирового соглашения суд проверяет, не нарушают ли его условия права и законные интересы указанных кредиторов⁸.

Специальное регулирование предусмотрено для требований уполномоченного органа. Т. П. Шишмарева отмечает, что законодатель объединил в предмете мирового соглашения две сделки: с конкурсными кредиторами, которые свободно распоряжаются своими правами и заключают гражданско-правовую сделку, а также с уполномоченными органами, которые заключают соглашение, близкое по своей природе к административному договору⁹. Обязательность соблюдения условиями мирового соглашения требований налогового законодательства, в том числе невозможность изменения размера обязательных платежей, а также ограничения по рассрочке определяет привилегированный статус уполномоченного органа при участии в мировом соглашении по делу о банкротстве.

Кроме того, специальным статусом обладают кредиторы первых двух очередей. В соответствии с п. 1 ст. 158 Закона о банкротстве, суд не утверждает

⁷ О судебной коммуникации см. например: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 78—127.

⁸ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2005 № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)». Пункт 10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2018. С. 124.

мировое соглашение, если требования таких кредиторов не удовлетворены до его заключения. Работники должника, арбитражный управляющий, кредиторы по требованиям о возмещении вреда жизни и здоровью не участвуют в мировом соглашении, однако их защите законодатель уделяет особое внимание.

Таким образом, мировое соглашение в банкротстве по-разному влияет на участников дела: есть такие кредиторы, на которых оно не распространяется, и такие, требования которых должны быть погашены до его утверждения. Среди кредиторов, которые участвуют в мировом соглашении, особый статус имеет налоговый орган, остальных можно разделить на голосовавших за утверждение, и тех, кто был против или не участвовал в голосовании, но вынужден его исполнять.

В этой связи п. 2 ст. 160 Закона о банкротстве предусмотрел расширенный перечень оснований, по которым суд может отказать в утверждении мирового соглашения. Это ведет к несоблюдению формы или порядка его заключения, нарушению его условиями прав третьих лиц или закона, а также наличию у соглашения признаков ничтожности сделки.

Тем не менее суды при рассмотрении конкретных дел полагают и этот перечень недостаточным, находя не установленные законом основания для отказа в утверждении мирового соглашения. К таким основаниям можно отнести: отсутствие экономической обоснованности мирового соглашения¹⁰ или несоответствие целям данной реабилитационной процедуры¹¹; нарушение обоснованных ожиданий всех кредиторов¹²; вероятность того, что при утверждении соглашения кредиторы получают существенно меньше, чем при реализации имущества должника¹³; наличие неопределенных формулировок в понимании объема обязательств должника или сроков их исполнения¹⁴.

Следовательно, по сравнению с исковым производством законом установлен расширенный перечень вопросов, которые суд проверяет при утверждении мирового соглашения по делу о банкротстве. Более того, на практике банкротные суды продолжают расширять этот перечень, находя все новые и новые основания для отказа в утверждении мирового соглашения, либо, наоборот, утверждают его, несмотря на наличие законодательных препятствий. Существование таких мировых соглашений становится возможным за счет активного участия суда в процессе доказывания и судебной коммуникации. Так, суд может по собственной инициативе назначить проведение судебной экспертизы, истребовать доказательства, перераспределить бремя доказывания либо расширить предмет доказывания.

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017). Пункт 17 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017).

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017).

¹³ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2005 № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)». Пункт 18 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2005 № 97. Пункт 7.

Такое положение приводит к тому, что закрепленное в праве полномочие суда отказать в утверждении мирового соглашения по делу о банкротстве на практике не имеет законодательного ограничения. Границы судейского усмотрения в этом вопросе определяются лишь разумностью и добросовестностью суда, рассматривающего дело. В результате мы имеем большой пласт противоречивой судебной практики, согласно которой при условно одинаковых исходных данных суд в рамках дела о банкротстве в одном случае утверждает мировое соглашение, а в другом — отказывает в его утверждении. Такие противоречивые определения судов вступают в законную силу и существуют в правовом поле. Рассмотрим несколько примеров из практики:

Нарушение мировым соглашением закона

Одним из случаев, когда мировое соглашение в деле о банкротстве противоречит закону, является его несоответствие ст. 64 НК РФ. В соответствии с ч. 1 указанной статьи отсрочка или рассрочка по уплате налога предоставляется на срок, не превышающий один год¹⁵. Поэтому, если мировое соглашение содержит условие о погашении задолженности перед бюджетом, суд обязан проверить, насколько такая рассрочка соответствует требованиям НК РФ. На это прямо указывает Закон о банкротстве (абз. 4 п. 1 ст. 156). Однако практика применения указанных норм складывается по-разному.

Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.12.2018 по делу № А51-2581/2016 оставлено в силе определение об утверждении мирового соглашения с условием о рассрочке оплаты требований кредиторов, в том числе обязательных платежей, сроком на пять лет. Обосновывая решение, кассационный суд указал: «Условие мирового соглашения о рассрочке исполнения должником обязательств перед кредиторами на 5 лет не противоречит статье 156 Закона о банкротстве, следовательно, не может нарушать права и законные интересы лиц, участвующих в деле». В Верховном Суде РФ вопрос не рассматривался.

В другом деле мировое соглашение с условием о рассрочке более чем на 3 года было заключено между должником и налоговым органом. Суд его утвердил, две проверочные инстанции поддержали¹⁶. В Верховном Суде РФ дело не проверялось.

Примером противоположной практики является постановление по делу № А40-53265/2016 от 31.01.2018, вынесенное Арбитражным судом Московского округа, которым кассационный суд направил на новое рассмотрение вопрос об утверждении мирового соглашения с рассрочкой по оплате налогов на 3 года. Суд указал на то, что рассрочка не может превышать 1 года.

¹⁵ С 01.01.2023 этот срок может составлять три года. См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ «О внесении изменений в части I и II Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.06.2020 № Ф05-4114/2020 по делу № А41-60698/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

К аналогичному выводу пришел Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты по делу № А40-150430/2014¹⁷, где рассрочка по оплате обязательных платежей не превышала 3 лет. Со ссылкой на ч. 1 ст. 64 НК РФ суд отменил акты по делу, отказал в утверждении мирового соглашения и возобновил производство по делу о банкротстве.

Нарушение мировым соглашением прав третьих лиц

Наиболее распространенным случаем нарушения прав третьих лиц при заключении мирового соглашения по делу о банкротстве является ущемление прав и законных интересов кредиторов, которые не участвовали в его заключении. Это кредиторы по текущим требованиям, кредиторы, требования которых не включены в реестр на дату проведения собрания по вопросу утверждения мирового соглашения, а также кредиторы, не предъявившие свои требования в деле о банкротстве.

Так, Арбитражный суд Центрального округа постановлением по делу № А14-18067/2017 от 29.10.2019 направил на новое рассмотрение вопрос об утверждении мирового соглашения между должником и его единственным кредитором. Заключив соглашение при рассмотрении судом обоснованности требования, должник передал кредитору в счет погашения долга единственный ликвидный актив — квартиру. Мировое соглашение было оспорено другим кредитором, так как он также имел право удовлетворить свои требования за счет имущества, отчужденного по мировому соглашению. По итогам повторного рассмотрения дела суд отказал в утверждении мирового соглашения.

В следующем деле Верховный Суд РФ отменил определение об утверждении мирового соглашения и направил дело на новое рассмотрение в связи с тем, что у должника имелись кредиторы, не принимавшие участия в собрании, так как их требования не были включены в реестр на дату проведения собрания. По мнению суда, такие кредиторы имеют право на удовлетворение своих требований и рассчитывают на оплату долгов за счет конкурсной массы¹⁸.

Несмотря на приведенную практику, большая часть судов при рассмотрении вопроса о нарушении мировым соглашением в деле о банкротстве прав третьих лиц применяет п. 21 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 4 от 08.04.2003. Согласно разъяснению, конкурсные кредиторы, требования которых не включены в реестр, кредиторы по текущим платежам и неденежным обязательствам вправе предъявить свои требования после утверждения мирового соглашения и прекращения производства по делу без учета условий мирового соглашения в общем порядке. К примерам такой практики можно отнести определение Верховного Суда РФ № 301-ЭС18-13609 от 24.09.2018 по делу

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601 по делу № А40-150430/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.03.2018 № 305-ЭС17-19680 по делу № А40-221705/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

№ А43-2859/2017, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа по делу № А04-2563/2018 от 28.08.2020 и др.

Если мы обратимся к специальным основаниям для отказа в утверждении мирового соглашения, а также к основаниям, выработанным судебной практикой, то столкнемся с еще бóльшим разнообразием противоречивых судебных актов, которые утверждаются судом и проходят проверочные инстанции. По нашему мнению, такое положение дел обусловлено тем, что основополагающий вопрос, на который необходимо ответить суду, вынося определение об утверждении мирового соглашения в деле о банкротстве, намного шире границ, установленных законом. Суд должен определить, сможет ли должник с помощью мирового соглашения вернуться в хозяйственный оборот и насколько такое возвращение целесообразно с учетом того, что оно производится за счет его кредиторов. Ответить на этот вопрос можно тогда, когда суд станет, наравне с другими участниками дела о банкротстве, активным субъектом доказывания по делу и субъектом коммуникации, что обеспечивается за счет реализации активной роли суда.

Мировое соглашение по делу о банкротстве невозможно рассматривать только как мировое соглашение в понимании ординарной исковой процедуры либо только как реабилитационную процедуру банкротства, так как «оно не укладывается в рамки общепринятого понимания этого института наукой гражданского процессуального права»¹⁹. Аналогичным образом функция и роль суда при утверждении мирового соглашения в банкротстве выходят далеко за границы тех, которые он реализует при его утверждении в состязательном исковом процессе. Отвечая на вопрос обоснованности применения к должнику процедуры мирового соглашения, суд использует различные методы, в том числе не предусмотренные процессуальным законодательством, и становится активным субъектом судебной коммуникации, который наравне с иными участниками дела о банкротстве участвует в процессе доказывания.

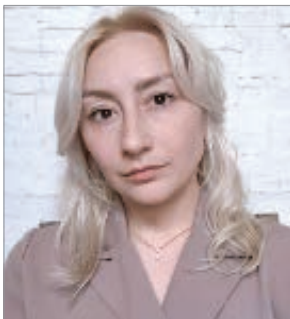
БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ватаманюк В. О.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021.
2. *Викут М. А., Зайцев И. М.* Гражданский процесс России. — М. : Юрист, 1999.
3. *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1971.
4. *Гурвич М. А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. — Т. 3. — М. : ВЮЗИ, 1965.
5. *Кореев К. Б.* Мировое соглашение в деле о банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 7.
6. *Курылев С. В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. — М., 1956.
7. *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. — М., 1909.

¹⁹ *Синякина А. М.* Указ. соч.

8. *Рахматуллин И. И.* К вопросу о сущности мирового соглашения в деле о банкротстве // Юрист. — 2014. — № 3.
9. *Синякина А. М.* Мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 5.
10. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
11. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. — М. : Спарк, 1995.
12. *Шишмарева Т. П.* Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. — М. : Статут, 2018.
13. *Ярков В. В.* Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. — 2002. — № 11.

**Виктория Игоревна
ГИЛЬМАНОВА,**

аспирант, ассистент
кафедры гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
gilmatoria@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Реализация процессуальных прав иностранными лицами при выдаче экзекватуры арбитражным судом

Аннотация. Статья направлена на исследование и оценку соблюдения условий доступности реализации иностранными лицами процессуальных прав при выдаче экзекватуры арбитражным судом. Посредством анализа норм процессуального законодательства и правоприменительной практики выявлено, что особенности судебной коммуникации, вызванные языковым барьером, могут повлечь наступление негативных процессуально-правовых последствий для иностранных лиц в виде лишения отдельных гарантий доступности правосудия. Автором предложено организовать техническую возможность перехода к просмотру интернет-страниц российского электронного правосудия на иностранном языке. Также в статье обоснована необходимость включения в число подлежащих возмещению расходов на услуги переводчика, не привлеченного к участию в деле, при этом оказавшего содействие иностранному лицу в реализации процессуальных прав вне судебного процесса, но непосредственно в связи с участием в нем. Аналогичным образом предложено возмещать расходы представителю со знанием иностранного языка, фактически выполняющему функции внесудебного переводчика.

Ключевые слова: коммуникация участников судопроизводства, судебное взаимодействие, доступность правосудия, переводчик, представительство, судебные расходы, арбитражный процесс, международный гражданский процесс, экзекватура.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.194-199

Victoria I. GILMANOVA,

Postgraduate student, assistant of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
gilmatoria@gmail.com
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Foreign persons procedural rights implementation in the issuance of an exequatur by commercial court

Abstract. The article is aimed at researching and evaluating compliance with the conditions for exercising procedural rights accessibility by foreign persons when issuing an exequatur by commercial court. By analyzing procedural legislation norms and practice, it was revealed that judicial communication peculiarities caused by the language barrier can lead to negative

procedural consequences in the form of access to justice guarantees. The author proposes to organize the technical possibility of switching to viewing the Russian e-justice Internet pages in a foreign language. The article also substantiates the need to reimburse expenses for the interpreter services who was not involved in the case, while assisting a foreign person in exercising procedural rights outside the trial, but in connection with it. Similarly, it is proposed to reimburse the expenses of an attorney with knowledge of a foreign language, who performs the functions of an out-of-court interpreter.
Keywords: *Communication of participants in legal proceedings, judicial interaction, access to justice, court interpreter, attorney, legal costs, commercial procedure, international civil procedure, exequatur.*

На уровне основного закона России судебная защита прав и свобод гарантирована каждому, т.е. и иностранным лицам¹. Реализация права на судебную защиту предполагает взаимодействие (коммуникацию) заявителя с судом. Для иностранного лица, не обладающего знанием языка российского судопроизводства, такое взаимодействие имеет свои особенности и сложности.

Поскольку арбитражное судопроизводство направлено на защиту прав и законных интересов всех без исключения хозяйствующих субъектов независимо от их гражданства и резидентства (п. 1 ст. 2 АПК РФ)², вопрос соблюдения условий доступности правосудия при реализации процессуальных прав иностранными лицами со своей спецификой судебной коммуникации заслуживает особого внимания.

Как отмечает Конституционный Суд РФ, условиями доступности правосудия являются гарантированное право на обращение в суд в установленном порядке³, необходимые, оправданные и разумные судебные расходы⁴, а также равное предоставление сторонам спора реальной возможности довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела посредством представительства⁵.

По сути, аналогичные составляющие фундамента доступности правосудия определялись и в отечественной юридической науке⁶. Далее мы постараемся оценить соблюдение указанных условий доступности правосудия для иностранных

¹ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020). Ст. 46 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2023).

² Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 09.03.2017 № 592-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 4.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1851-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.04.2023).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 № 37-П // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 5000.

⁶ Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и

лиц при выдаче экзекватуры арбитражным судом как наиболее показательного порядка рассмотрения дела с учетом ограниченного количества совершаемых в нем процессуальных действий.

Очевидно, наиболее оперативным способом обращения в арбитражный суд для иностранного лица является подача заявления о выдаче экзекватуры в электронном виде (ч. 1 ст. 242 АПК РФ), что предполагает заполнение объемной формы в разделе электронного правосудия «Мой Арбитр». Также после принятия к производству участник дела может отслеживать информацию о его движении в «Картотеке арбитражных дел», изучить инструкцию по настройке онлайн-заседаний, воспользоваться онлайн-ознакомлением и пр. Однако возможность перехода на иностранный язык в интерфейсе названных ресурсов отсутствует.

Пример отдельных бывших союзных республик демонстрирует удобство возможности выбора перевода страницы сайта на английский язык как при регистрации на государственном ресурсе для обращения в суд⁷, так и при просмотре информации о делах, в которых лицо принимает участие⁸. На наш взгляд, техническая возможность перехода к просмотру интернет-страниц российского электронного правосудия хотя бы на один из международных языков (например, английский) обеспечила бы дополнительную гарантию иностранным лицам в беспрепятственной возможности реализации их процессуальных прав.

При этом все же основной гарантией, предоставленной законодателем иностранным лицам, восполняющей языковой барьер, является установленная в ч. 2 ст. 12 АПК РФ обязанность арбитражного суда обеспечить возможность пользоваться услугами переводчика.

Статус переводчика предполагает свободное владение им языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, знание которого необходимо для перевода, а также его обязательную процессуальную легитимацию⁹. Следует обратить внимание на то, что в силу ч. 3 ст. 107 АПК РФ переводчик получает вознаграждение за работу, выполненную им только по поручению арбитражного суда. Следовательно, в вопросе возмещения расходов на услуги переводчика решающее значение имеет факт его привлечения к участию в деле арбитражным судом, что подтверждается и практикой¹⁰. Также суды подчеркивают, что судебные издержки,

гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г. М. : Лиджист, 2001. С. 61—62.

⁷ Услуги в сфере судопроизводства (Court proceedings services) // Государственные услуги Республики Казахстан и информация онлайн. URL: https://egov.kz/cms/ru/categories/court_proceedings (дата обращения: 27.03.2023).

⁸ Электронные услуги судов Литвы (lithuanian court e-services) // E-service portal of Lithuanian Courts. URL: <https://e.teismas.lt/en/public/home/> (дата обращения: 27.03.2023).

⁹ *Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В.* Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 120—121.

¹⁰ Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2018 по делу № А37-714/17 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4852-aa3b-e958c300b8b2> (дата обращения: 02.04.2023).

связанные с оплатой услуг переводчика, подлежат возмещению в случае непосредственного участия иностранного лица в судебном разбирательстве¹¹.

При этом участие переводчика в деле о выдаче экзекватуры возможно только после возбуждения производства по нему, поскольку суду необходимо разъяснить лицам, участвующим в деле, право на привлечение переводчика, непосредственно привлечь его определением и отобрать подписку о предупреждении об уголовной ответственности¹². Получается, что расходы на необходимую помощь переводчика при совершении всех подготовительных действий иностранного лица, направленных на изучение порядка обращения в арбитражный суд, сбор документов и подачу заявления о выдаче экзекватуры, а также последующих иных действий вне судебных заседаний не могут быть возмещены в порядке ч. 3 ст. 107 АПК РФ.

Таким образом, с одной стороны, законодателем обеспечена возможность участия переводчика для реализации иностранным лицом своих прав в арбитражном суде, а с другой — расходы, понесенные на его услуги, могут быть возмещены только при привлечении к участию в деле данного лица именно самим арбитражным судом. При этом помощь переводчика может объективно потребоваться иностранному лицу до возбуждения производства по делу, а также в ходе рассмотрения дела вне рамок непосредственной процессуальной деятельности. Невозмещимые траты на услуги внесудебного переводчика являются препятствием к соблюдению условий доступности правосудия, связанных с разумностью судебных расходов.

Поскольку перечень судебных издержек, установленных в ст. 106 АПК РФ, является не исчерпывающим, полагаем, возможно было бы допустить возмещение расходов на услуги лица, обладающего знаниями русского и необходимого иностранного языка, по содействию иностранцу в реализации процессуальных прав вне судебного процесса. Безусловно, в данном случае судам также следует руководствоваться критериями разумности, которые применяются, например, при распределении расходов на оплату услуг представителя¹³.

Необходимо также отметить, что незнание русского языка иностранным лицом может быть восполнено профессиональным представителем, оказывающим ему юридическую помощь.

Между тем знание иностранного языка не характеризует квалификацию представителя как лица, обладающего юридическими знаниями, и поэтому не может влиять на величину судебных расходов, возмещаемых судом¹⁴. Суды не

¹¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.10.2014 по делу № А41-16126/12 // Карточка арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/card/42e7-8bd0-f9003f78272f> (дата обращения: 02.04.2023).

¹² Кузнецов О. Ю. Организационно-правовые основы назначения переводчика к участию в арбитражном и гражданском процессе // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 41.

¹³ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.12.2007 № 121. П. 3 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 2.

¹⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2020 по делу № А40-311752/18 // Карточка арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/card/b5ab-4dd5-b87b-b6fcba701066> (дата обращения: 03.04.2023); постановление ФАС Се-

учитывают знание иностранного языка представителем в связи с тем, что представительство реализуется не при взаимодействии с доверителем, а при выполнении отдельного процессуального действия, по которому представитель действует в пределах имеющихся полномочий¹⁵. Поэтому услуги, хотя и оказанные при представлении интересов лица в арбитражном суде, но не рассматриваемые как самостоятельные юридически значимые действия, не подлежат включению в состав судебных издержек и возмещению¹⁶.

Получается, что та часть расходов, которая фактически затрачена на необходимую коммуникацию с представителем на иностранном языке, связанная с консультированием и осведомлением, не может быть возмещена. Однако на рынке юридических услуг стоимость оказываемой помощи представителем, владеющим иностранным языком, может оказаться выше средней¹⁷. Обращение иностранного лица к представителю, стоимость услуг которого потенциально не подлежит возмещению в полном объеме, приводит к чрезмерному и неразумному несению данным лицом расходов и, как следствие, несоблюдению условий доступности правосудия. В практике и без того имеется тенденция «существенного уменьшения судами сумм расходов на представителя, заявленных сторонами»¹⁸.

По нашему мнению, расходы на действия представителя по изучению содержания документов на иностранном языке, по переводу и разъяснению российского законодательства, на его коммуникацию с доверителем должны быть возмещены аналогично издержкам на переводчика, не назначенного судом, однако оказывающего содействие в реализации процессуальных прав иностранному лицу.

Из проведенного анализа можно сделать вывод о том, что даже в деле о выдаче экзекватуры при минимальном количестве процессуальных действий иностранный заявитель может столкнуться с трудностями реализации своих процессуальных прав, вызванными языковым барьером. При этом вынужденное фактически повторное обращение в суд для достижения цели защиты права, уже подтвержденного иностранным судом, не должно быть сопряжено с трудностями, связанными с соблюдением порядка подачи заявления, отсутствием ясности сведений о ходе рассмотрения дела и несением невозмещимых расходов.

Подводя итог, отметим, что для создания условий по доступности правосудия было бы уместным организовать техническую возможность перехода к просмотру интернет-страниц российского электронного правосудия на иностранный язык.

веро-Кавказского округа от 19.02.2014 по делу № А32-5357/13 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/card/4bb7-8fcb-58600ae2e65d> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁵ Сидоров Р. А. Представительство в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. С. 13.

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2021 № 309-ЭС21-12914 по делу № А76-21543/18 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/card/873-44e4-85e3-e2de6a41594f> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁷ Знание английского языка в России увеличивает доход в среднем на 15 % // Официальный сайт Информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12762649> (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁸ Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 86.

Поскольку у иностранного лица может иметься потребность в получении услуг переводчика вне рамок непосредственной процессуальной деятельности, полагаем, необходимо допустить возмещение расходов на услуги переводчика, оказавшего содействие иностранному лицу в реализации процессуальных прав.

Плата за фактическое оказание представителем услуг по изучению содержания зарубежных документов, переводу и разъяснению российского законодательства, коммуникации на иностранном языке должна быть отдельно возмещена аналогично расходам на внесудебного переводчика.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В.* Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 114—123.
2. *Кузнецов О. Ю.* Организационно-правовые основы назначения переводчика к участию в арбитражном и гражданском процессе // Российская юстиция. — 2009. — № 6. — С. 39—42.
3. *Момотов В. В.* Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 68—89.
4. *Сидоров Р. А.* Представительство в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тверь, 2003. — 28 с.
5. *Шакарян М. С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г. — М. : Лиджист, 2001. — 399 с.

**Александр
Александрович
ЛУКАШИН,**

аспирант кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
aallukashin@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

К вопросу о целесообразности онлайн-коммуникации суда с экспертом и специалистом в гражданском процессе

Аннотация. В статье исследуются вопросы дистанционного участия эксперта и специалиста в судебных заседаниях в гражданском процессе. Автором оценивается допустимость построения правового регулирования исследуемого вопроса исключительно с позиций удобства и экономии. Рассматриваются высказываемые в научном и профессиональном сообществе опасения, связанные с возможностью оказания давления на свидетелей при их участии в судебном заседании с использованием систем веб-конференции. Обосновывается сохранение рисков, отмеченных применительно к дистанционному участию свидетелей, при проведении допроса эксперта и получении консультации специалиста с использованием систем веб-конференции. В заключение дается оценка положений действующего законодательства с позиций их влияния на процесс судебного познания фактических обстоятельств дела, делается вывод, что унификация положений о дистанционном участии в судебном заседании лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих осуществлению правосудия, не может быть признана удачной.

Ключевые слова: судебная коммуникация, веб-конференция, заключение эксперта, допрос эксперта, консультация специалиста.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.200-206

Alexandr A. LUKASHIN,

Postgraduate student of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aallukashin@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the matter of reasonability of online communication of the court with an expert and a specialist in civil procedure

Abstract. The article is devoted to the issues of remote participation of an expert and a specialist in court sessions in the civil procedure. The author evaluates the admissibility of the construction of legal regulation of the issue under study only from the point of convenience and economy. Concerns expressed in the scientific and professional community related to the possibility of exerting pressure on witnesses when they participate in a court hearing using web conference are considered. The preservation of the risks noted

in relation to the remote participation of witnesses during the interrogation of an expert and obtaining expert advice using web conference systems is justified. In conclusion, the author states that the unification of the provisions on remote participation in the court session of persons participating in the case and persons assisting in the administration of justice could not be assessed as successful.

Keywords: *judicial communication, web-conference, expert opinion, expert interrogation, specialist consultation.*

Одним из направлений развития гражданско-процессуальной науки является коммуникативный подход к изучению общественных отношений, составляющих предмет гражданского процессуального права. Объектом правовых исследований в рамках данного подхода являются, в частности, взаимоотношения суда с иными участниками гражданского процесса по поводу привлечения специальных знаний для разрешения возникшего правового конфликта.

М. В. Самсонова отмечает, что успешность коммуникации в ходе рассмотрения дела в суде зависит от способностей субъектов к определенному виду взаимодействия. Данный автор предлагает для целей совершенствования правового регулирования процессуальной деятельности учитывать дифференциацию субъектов гражданского процесса в зависимости от их индивидуальных возможностей, *особенностей ситуации, в которой они находятся, вступая в коммуникацию по поводу судебной защиты*. Исходя из этих факторов, следует определить круг взаимоотношений, для которых предпочтителен тот или иной способ коммуникации (в частности, очный или дистанционный)¹.

Соглашаясь с высказанным мнением, полагаем также необходимым со своей стороны отметить, что при определении возможных и допустимых способов коммуникации следует ориентироваться также на цель (прежде всего процессуальную), которую эта коммуникация преследует.

При обращении к действующим нормам гражданского процессуального законодательства приходится констатировать, что законодатель не прислушался к высказанной выше рекомендации.

Статья 155.2 ГПК РФ², ст. 153.2 АПК РФ³ и ст. 142.1 КАС РФ⁴ предоставляют возможность участия в судебном заседании с использованием системы

¹ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 77—79 (автор главы — М. В. Самсонова).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. Федерального закона от 17.02.2023 № 34-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. Федерального закона от 18.03.2023 № 80-ФЗ) // СЗ РФ. 2002 № 30. Ст. 3012.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. Федерального закона от 17.02.2023 № 34-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

веб-конференции наряду с лицами, участвующими в деле, всем иным участникам соответствующего судопроизводства.

В связи с широким распространением использования системы веб-конференции при проведении судебных заседаний представителями научного сообщества были высказаны небезосновательные опасения относительно возможности участия в онлайн-заседаниях свидетелей⁵. Связаны эти опасения с объективно существующими рисками оказания давления на свидетеля лицами, находящимися вне поля обзора веб-камеры, а также со сложностями в соблюдении требования процессуального законодательства об обязательном удалении свидетелей из зала судебного заседания.

В качестве возможных способов решения данной проблемы может быть предложено использование веб-камер с углом обзора в 360 градусов, а также технологий дополненной реальности, позволяющих видеть не только лицо, участвующее в веб-конференции, но также его окружение.

Как справедливо было отмечено в ходе проведенного в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 03.12.2022 круглого стола «Очная и онлайн-коммуникация в гражданском судопроизводстве: можно ли поставить знак равенства?», предложенные решения не гарантируют отсутствие давления на свидетеля, поскольку при их использовании суд по-прежнему не может исключить вероятность того, что помещение, из которого к участию в веб-конференции подключился свидетель, не принадлежит одной из заинтересованных сторон.

При этом перспективы участия в веб-конференции экспертов и специалистов некоторыми авторами оцениваются положительно. Так, И. Н. Лукьянова пишет, что проводить допрос эксперта по подготовленному им заключению, а также получать консультации специалистов (хотя они не относятся к доказательствам в гражданском процессе) в режиме онлайн очень удобно и экономно как для суда, так и для сторон⁶.

Подчеркнутое этим автором достоинство предложенной формы участия в судебном заседании эксперта и специалиста бесспорно. Вместе с тем думается, что удобство и экономия при совершении определенного процессуального действия имеют полезный эффект лишь в том случае, если они не препятствуют достижению изначально заложенной цели такого действия.

Думается, что единодушие представителей научного и профессионального сообщества в вопросе о существовании рисков утраты достоверности информацией, полученной от свидетеля с использованием дистанционных технологий, связан с внешней процессуальной формой свидетельских показаний. Сведения, которыми владеет свидетель, имеют доказательственное значение только

⁵ См., например: *Ярков В. В.* Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3—6 ; *Корякина К. Г., Хохрякова О. В.* Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 12—18.

⁶ *Лукьянова И. Н.* Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху COVID-19 и после) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 49.

в случае, если они сообщены суду свидетелем лично, устно в ходе судебного заседания. Суд при таком процессуальном порядке получения свидетельских показаний непосредственно удостоверяется в отсутствии давления на свидетеля в момент дачи им показаний.

Участие свидетеля в судебном заседании с помощью дистанционных технологий ставит под угрозу соблюдение процессуального порядка получения свидетельских показаний и допустимость такого средства доказывания.

Основанием вышеприведенного вывода И. Н. Лукьяновой применительно к проведению допроса эксперта с использованием дистанционных технологий может являться «рассредоточенность» внешней процессуальной формы заключения эксперта. Так, основным результатом процессуальной деятельности эксперта является его заключение. Необходимость в проведении допроса эксперта в судебном заседании имеет место исключительно в случае возникновения у суда и лиц, участвующих в деле, потребности в разъяснении содержания представленного экспертом в суд заключения.

В этой связи с формальной точки зрения допрос эксперта в судебном заседании является самостоятельным по отношению к проведению экспертизы процессуальным действием, но при этом сведения, сообщенные экспертом в ходе допроса, не образуют самостоятельного средства доказывания, а являются частью его заключения. Поэтому, как представляется, проведение допроса эксперта с использованием системы веб-конференции сопряжено с теми же рисками, что и получение свидетельских показаний путем дистанционного участия свидетеля в судебном заседании.

Интересно обратиться к норме ч. 1 ст. 82 КАС РФ, которая допускает дачу экспертами устного заключения, если экспертиза проводится в судебном заседании, что в совокупности с положениями ч. 1 ст. 142.1 КАС РФ позволяет эксперту давать свое заключение посредством веб-конференции. Эта особенность правового регулирования внешней процессуальной формы заключения эксперта в административном судопроизводстве также является актуальной для исследуемой проблемы.

Возвращаясь к анализу вывода И. Н. Лукьяновой относительно удобства получения консультации специалиста посредством дистанционных технологий, отметим, что, на наш взгляд, этот вывод сделан исходя из распространенного в научной литературе мнения, в силу которого консультация специалиста не является доказательством.

Действительно, если в качестве отправной точки исследуемого вопроса обозначить подобный подход, коммуникация специалиста с судом и другими участниками процесса посредством веб-конференции не вызывает каких-либо опасений.

Проблема доказательственного значения консультации специалиста выходит за рамки настоящего исследования. Тем не менее отметим, что правильным видится решение поставленной проблемы в пользу признания консультации специалиста доказательством. К такому выводу можно прийти, проанализировав сущность информации, которую специалист сообщает суду. Думается, что при даче специалистом консультации суду представляются сведения о фактах, которые имеют место не в связи с обстоятельствами конкретного спора, но существуют в качестве общих научных и опытных положений.

Поэтому следует поддержать позицию Т. В. Сахновой о квалификации письменных результатов справочно-консультационной деятельности специалиста в качестве доказательств доказательственных фактов. Т. В. Сахнова основывает свой вывод на нормах ГПК РФ, которые устанавливают правило об обязательном приложении к протоколу осмотра письменных и вещественных доказательств письменной консультации специалиста наряду с заключением эксперта, безусловно, являющимся доказательством. Оба документа в этом случае являются доказательствами доказательственного факта — достоверности источника формирования доказательств⁷. Думается, что консультация специалиста является доказательством доказательственного факта не только в описанной Т. В. Сахновой ситуации, но и в любом другом случае.

Доказательственный факт традиционно понимается как обстоятельство, не являющееся искомым юридическим фактом, но находящееся с ним в определенной связи и, благодаря этому, дающее возможность сделать вывод о его наличии или отсутствии⁸.

Факты, сведения о которых представляются суду в ходе консультации, служат средством установления искомых юридических фактов. Проиллюстрируем этот тезис примером.

Гражданка И. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю М. о взыскании убытков, причиненных оказанием ветеринарных услуг ненадлежащего качества, которое, по мнению истца, заключалось в применении к беременной собаке истца препарата окситоцин, в результате чего у собаки был спровоцирован разрыв матки, повлекший утрату собакой репродуктивной функции.

Привлеченный к участию в деле специалист пояснил, что действие препарата окситоцин длится от 30 до 60 минут. Судом было установлено, что после окончания действия окситоцина собака родила двух щенков. После этого истец с собакой отправился домой.

Консультация специалиста позволила суду прийти к выводу, что к моменту, когда истец с собакой покинул клинику, действие препарата окситоцин закончилось⁹.

В рассмотренном примере суду для того, чтобы познать искомый юридический факт — причинно-следственную связь между введением собаке медицинского препарата и разрывом матки у собаки истца, необходимо было познать доказательственный факт — время действия медицинского препарата. Этот факт был установлен судом исходя из консультации специалиста.

Таким образом, придя к выводу, что консультация специалиста все же имеет доказательственное значение в гражданском процессе, можно обнаружить, что при дистанционном участии специалиста в судебном заседании возникает

⁷ Сахнова Т. В. Экспертиза в гражданском процессе: теоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 68—69.

⁸ См., например: Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 165 ; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 433.

⁹ Решение Иглинского районного суда Республики Башкортостан от 12.12.2019 по делу № 2-1765/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8mijgeycsr1/> (дата обращения: 16.03.2023).

уже описанная выше проблема, связанная с риском получения недопустимого доказательства.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что участие эксперта и специалиста в судебном заседании посредством использования системы веб-конференций сопряжено с риском получения судом недостоверной доказательственной информации.

Описанные в настоящей статье риски исключить полностью, не отказываясь от предоставления эксперту и специалисту возможности участвовать в судебных заседаниях посредством системы веб-конференций, не представляется возможным. Подобное состояние правового регулирования может быть объяснено по-разному.

Первое возможное объяснение, которое, на наш взгляд, видится более соответствующим действительности, заключается в том, что законодателем при дополнении процессуальных кодексов проанализированными положениями не были учтены описанные в настоящей статье риски.

При таких обстоятельствах законодателю может быть предложено скорректировать правовое регулирование, чтобы исключить возможное нарушение процессуального порядка получения заключения эксперта и консультации специалиста как доказательств. Наиболее правильным способом решения поставленной проблемы видится исключение из норм ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ указания на допустимость участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференций эксперта и специалиста.

В качестве альтернативной, менее радикальной корректировки правового регулирования может быть предложено дополнение норм статей 155.2 ГПК РФ, 153.2 АПК РФ и 142.1 КАС РФ полномочием суда отказать в удовлетворении ходатайства лица, содействующего осуществлению правосудия, об участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции в случае, если суд сочтет обязательным их личное участие в судебном заседании. Внесение таких изменений не позволит полностью исключить возникновение описанных в настоящей статье проблем, однако предоставит суду возможность в каждом конкретном случае определять допустимость, целесообразность и эффективность дистанционного участия в судебном заседании лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Если же при внесении соответствующих изменений в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ законодателем были учтены описанные в настоящей статье риски, но тем не менее он посчитал допустимым участие эксперта и специалиста в судебном заседании посредством системы веб-конференции, на наш взгляд, это может свидетельствовать об очередном проявлении упрощения процессуальной формы. Так, думается, что при получении сведений о фактических обстоятельствах дела посредством дистанционных технологий в определенной степени нивелируется действие принципа непосредственности познания судом фактических обстоятельств дела.

Несмотря на то, что подобное упрощение процессуального порядка получения доказательств может открыть путь к признанию на законодательном уровне доказательственного значения за заключением внесудебной экспертизы и рецензией на заключение эксперта, что оценивается нами как безусловное развитие

института доказывания в цивилистическом процессе, думается все же, что такое развитие не должно происходить путем отказа от одной из основополагающих гарантий достижения целей правосудия.

Независимо от причин, по которым сформировалось действующее правовое регулирование дистанционного участия в судебных заседаниях, унификация таких правил для лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих осуществлению правосудия, не может быть признана обоснованной.

При регулировании порядка использования системы веб-конференции лицами, участвующими в деле, можно исходить из категорий удобства и экономии. В случае же с лицами, содействующими осуществлению правосудия, во главу угла должно быть поставлено надлежащее исполнение ими своей процессуальной функции. Соответственно, вопрос о допустимости их дистанционного участия в судебных заседаниях должен решаться положительно только в том случае, если при этом не страдает эффективность достижения целей, для которых свидетель, эксперт и специалист привлекаются к участию в деле.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2004.
2. *Корякина К. Г., Хохрякова О. В.* Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. — 2020. — № 3. — С. 12—18.
3. *Лукьянова И. Н.* Достоверность электронных доказательств в судебном разбирательстве онлайн (некоторые рассуждения о проблемах электронного правосудия в эпоху COVID-19 и после) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 7. — С. 44—50.
4. *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014.
5. *Сахнова Т. В.* Экспертиза в гражданском процессе: теоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — Красноярск, 1998.
6. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
7. *Ярков В. В.* Принципы гражданского процессуального права в условиях дери-туализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 11. — С. 3—6.

Протокол в гражданском процессе: некоторые аспекты судебной коммуникации и принципа непосредственности

Аннотация. Протокол судебного заседания рассматривается в качестве средства обеспечения фиксации коммуникации суда и участников процесса. Автор анализирует существующие подходы к сочетанию средств ведения протокола судебного заседания и критикует точку зрения на использование аудиопотокола в качестве единственного средства фиксации хода судебного процесса. Несмотря на выявленные недостатки аудиопотоколирования, автор приходит к выводу о невозможности возврата к использованию письменного протокола судебного заседания в качестве единственного и для преодоления недостатков аудиопотоколирования предлагает использовать технологии распознавания речи для подготовки текстового протокола судебного заседания. Это позволит снизить нагрузку на работников аппарата суда и одновременно гарантировать реализацию принципа непосредственности при рассмотрении дела в суде первой и апелляционной инстанций.

Ключевые слова: принцип непосредственности гражданского судопроизводства, протокол судебного заседания, аудиопотокол, технологии распознавания речи, транскрибация.

**Алексей Дмитриевич
ЭРЗИН,**

аспирант кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
alexerzin@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.207-213

Alexey D. ERZIN,

Postgraduate student of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
alexerzin@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Protocol in Civil Procedure: Some Aspects of Judicial Communication and the Principle of Immediacy

Abstract. The article reviews the court records as a tool to ensure the fixation of communication between the court and the participants of the process, and also defines its role in the appeal court proceedings. The author analyzes the existing approaches to the combination of recording facilities and criticizes the point of view on the use of audio-recording as the main way to record the court proceedings. Despite the identified disadvantages of audio-recording, the author concludes that it is impossible to return completely to the written record of the court proceedings and as a solution to overcome the

© Эрзин А. Д., 2023

shortcomings proposes the use of speech recognition technology to prepare a text record of the court session. According to the author, such a reformation of the civil process will reduce the burden on the court system employees and, at the same time, ensure the implementation of the principle of immediacy in the proceedings in the court of appeals.

Keywords: *principle of immediacy of civil proceedings, record of a court session, audiorecording, voice recognition technology, transcription.*

П ротокол судебного заседания фиксировал и отражал ход процесса не одно столетие. В том либо ином виде протокол судебного заседания был известен еще судопроизводству Древней Руси: Новгородская судная грамота обязывала суды вести протокол судебного заседания, с которым стороны знакомились и делали в нем отметку об этом¹.

Протокол судебного заседания, будучи с тех времен документом, отражавшим ход коммуникации участников судебного процесса, представляет особый интерес в аспекте реализации принципа непосредственности в современном цивилистическом процессе.

1. Принцип непосредственности предполагает непосредственное (личное) восприятие судом доказательств. Протокол судебного заседания, являясь «зеркалом» процесса, должен отражать то, как суд исследовал доказательства и взаимодействовал с участниками процесса. С одной стороны, он призван помочь судье при вынесении решения восстановить в памяти объяснения сторон, ответы на вопросы суда и т.п., с другой — предоставить лицам, участвующим в деле, гарантию защиты от судебных ошибок и произвола, обеспечивая возможность осуществления контроля со стороны апелляционной инстанции и позволяя воссоздать процесс непосредственного восприятия доказательств и познания обстоятельств дела судом первой инстанции.

Правовое регулирование протокола судебного заседания претерпевает изменения. Если до 2010 г. письменная форма протоколирования была единственной применительно ко всем видам судопроизводств, то с 2010 г. в арбитражном процессе аудиопротоколирование становится основным средством фиксации хода судебного разбирательства. Впоследствии с принятием КАС РФ в 2015 г. правило о ведении одновременно письменного и аудиопротокола появляется в административном судопроизводстве, а в 2019 г. и в ГПК РФ.

Следует также отметить, что Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ (вступил в силу с 01.10.2019)² в ГПК РФ и АПК РФ внесены изменения в части безусловных оснований для отмены решения в суде апелляционной инстанции (п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 270 АПК РФ). Отсутствие протокола судебного заседания в письменном виде стало рассматриваться в качестве безусловного

¹ Колунтаев С. А. История суда и правосудия в России : монография : в 9 т. М., 2022. Т. 1 : Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX — середина XV века) / отв. ред. В. М. Сырых, В. В. Ершов. С. 188.

² Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

основания для отмены решения только в случае отсутствия аудио- или видео-записи судебного заседания.

В подготовленном Верховным Судом РФ проекте закона о внесении изменений в ГПК РФ предлагается закрепить правило о приоритете аудиопотокола, как это сделано в арбитражном процессе³.

В связи с тем, что происходящие изменения, на наш взгляд, свидетельствуют о выраженной тенденции перехода к аудиопотоколированию как единственной форме ведения протокола, необходимо проанализировать предлагаемые изменения с целью выявления возможных проблем и рисков, а также осмыслить данные изменения с точки зрения принципа непосредственности.

2. По вопросу об отказе от составления письменного протокола высказаны полярные мнения. Некоторые ученые (например, В. М. Шерстюк⁴) считают, что необходимо использовать только письменный протокол, составляемый секретарем судебного заседания. Иные исследователи, а также преимущественно представители судейского сообщества, напротив, высказываются о том, что письменный протокол должен стать историей гражданского процесса⁵.

Изучение практики применения аудиопотоколирования позволяет утверждать, что данный способ фиксации обладает как достоинствами, так и определенными недостатками. К достоинствам следует, безусловно, отнести: полноту отражения судебной коммуникации, преодоление проблемы искажения фиксируемой информации лицом, его составляющим, экономию времени секретарей, положительное влияние на дисциплину при рассмотрении дела и т.д.

Между тем существуют и разного рода недостатки: как технического характера (запись может прерываться, завершиться досрочно, требовать многократного прослушивания для распознавания, а также зависеть от различных внешних факторов, включая расстояние говорящего от микрофона, особенности его дикции, скорость и громкость речи и т.п.), так и организационного (отсутствуют единые правила доступа к аудиозаписям, как следствие — в судах различаются подходы к его организации, сторонам необходимы дополнительные средства и оборудование для воспроизведения аудиозаписи).

³ Законопроект № 235526-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/235526-8> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ См.: Шерстюк В. М. Протокол судебного заседания в арбитражном суде первой инстанции // Избранные труды. М., 2017. С. 654.

⁵ Такую точку зрения высказывают, например, судья Змеиногорского городского суда Алтайского края А. Ю. Сафронов (см.: Сафронов А. Ю. Использование информационных технологий в суде по уголовным делам // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3. С. 114.), судья Волгоградского областного суда С. А. Гордейчик (см.: Гордейчик С. А. Аудиопотоколирование судебных заседаний: вопросы, требующие разъяснений // Законность. 2019. № 12 (1022). С. 56), судья Арбитражного суда Калужской области Е. А. Пашкова (см.: Пашкова Е. А. Протоколирование неявных судебных заседаний в арбитражном суде // Судья. № 9. 2022. С. 62), судья Арбитражного суда города Москвы В. А. Лаптев (см.: Лаптев В. А. Пути развития цифрового правосудия в России в сфере арбитражного судопроизводства // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 5. С. 180).

Помимо указанных недостатков, которые постепенно можно преодолеть, существуют и более серьезные — возможность исследования аудиопотока судом вышестоящей инстанции. Так, сегодня приходится констатировать, что действия по заслушиванию аудиопотока судебного заседания в судах апелляционной инстанции проводятся крайне редко. Причина кроется в том, что судьям привычнее и быстрее пролистать материалы дела и ознакомиться с необходимым доказательством, чем прослушивать аудиозапись всего судебного заседания. И ситуация в дальнейшем не изменится с учетом увеличения объема и интенсивности нагрузки на судей проверочных инстанций.

Выявленные проблемы и недостатки, с одной стороны, и имеющиеся преимущества аудиопотока — с другой, позволяют прийти к выводу о том, что при сохранении существующих правил составления протокола в письменной форме введение правила и об отказе от письменного протокола, и об установлении его приоритета является неэффективным.

3. Полагаем, что средством преодоления описанных проблем является использование технологий распознавания устной речи при составлении протокола судебного заседания, или иначе — программ, осуществляющих транскрибирование (транскрипцию). Принцип их действия заключается в том, что любая аудиозапись может быть распознана и переведена в текстовый формат либо после завершения создания такой аудиозаписи, либо в режиме реального времени.

Интересно отметить, что, как показал анализ специальных публикаций по данной теме, проблема распознавания речи при формировании протокола является технической и в настоящее время фактически решена. Для распознавания речи используются рекуррентные нейросети (RNN), на которых построены все сервисы, распознающие голоса, музыку, изображения, лица и т.п.⁶ Такие нейросети способны не только распознавать слова, но и подбирать наиболее вероятные слова, используя контекст в тех случаях, когда они не были распознаны⁷. Такие нейросети, дополненные архитектурой долгой краткосрочной памяти (LSTM), могут учитывать контекст, не только опираясь на текущую ситуацию, но и на весь предыдущий опыт распознавания⁸. Таким образом, необходимо лишь выбрать приемлемое техническое решение и «обучить» его, наполнив акустическую модель фонемами и языковую модель текстами⁹.

За рубежом системы распознавания голоса уже используются для составления протоколов судебных заседаний. Народные суды Китая активно используют технологии распознавания голоса для синхронного ведения электронного

⁶ Подробнее об этом см.: Распознавание речи: очень краткий вводный курс // URL: <https://habr.com/ru/company/toshibarus/blog/490732/> (дата обращения: 24.03.2023).

⁷ Единственным недостатком подбора слов RNN является то, что для подбора нераспознанных слов может использоваться только ближайший контекст, примерно в 5 слов.

⁸ Подробнее об этом см.: LSTM — сети долгой краткосрочной памяти // URL: <https://habr.com/ru/company/wunderfund/blog/331310/> (дата обращения: 24.03.2023).

⁹ Данные модели необходимы для проведения различий между словами при распознавании речи, дополняя друг друга, они повышают качество распознавания. Подробнее об этом см.: Пиши голосом правильно // URL: <https://habr.com/p/388151/> (дата обращения: 24.03.2023).

протокола судебного заседания¹⁰. Сходное решение используется и российскими арбитражными судами¹¹. В Латвии с 2013 г. используется программное решение «Система маркировки аудиопrotocolов ТИХ», результатом применения которого являются интерактивные протоколы судебных заседаний в формате PDF со связанным текстом и аудиоданными¹². В медицине подобные решения используются еще с 1996 г. для записи анамнеза, чтобы медицинский персонал мог не отвлекаться на записи¹³.

Между тем не все примеры использования таких технологий являются успешными. В своей лекции, посвященной применению искусственного интеллекта в правосудии, и. о. начальника Управления Судебного департамента в г. Москве Е. Ю. Игнащенко¹⁴ рассказал о проведении в период с 2017 по 2021 г. эксперимента по созданию письменного протокола при помощи технологий распознавания речи. В лабораторных условиях были достигнуты следующие результаты: 90 % слов распознавались правильно. В реальных судебных заседаниях качество распознавания снизилось до 60 %.

Говоря о несовершенстве данных технологий, лектор отмечал, что при составлении протокола, в котором содержится много нераспознанных слов, секретарю дольше его исправлять, чем напечатать новый самостоятельно. В связи с этим от использования таких технологий в г. Москве пока отказались.

Полагаем, что это не должно рассматриваться как непреодолимое препятствие для использования информационных технологий для расшифровки аудиозаписи судебного заседания. Полученные результаты эксперимента, скорее, поднимают вопросы о содержании текстового¹⁵ протокола и необходимости дословной фиксации сказанного в судебном заседании, в том числе зафиксированного в аудиопrotocolе.

Обращение к недавнему прошлому свидетельствует, что проблема нечитаемости отдельных частей или целых протоколов, а также качества их содержания и ранее существовала и, по сути, так и не была решена. В научных публикациях указывалось на то, что слова в протоколах произвольно сокращаются,

¹⁰ Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 267.

¹¹ См.: Кружалова А. В. Роботизированный протокол судебного заседания // Цивилистика: право и процесс. 2021. № 4 (16). С. 51.

¹² См.: Автоматическая подготовка протокола судебного заседания // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/programmy-dlya-otsenki-tselesoobraznosti-udo-i-vybora-mery-presecheniya-vstroyat-v-eticheskie-ramki/> (дата обращения: 24.03.2023).

¹³ См.: Распознавание речи: очень краткий вводный курс.

¹⁴ Лекция на тему «Искусственный интеллект на службе правосудия: прошлое, настоящее, будущее» проведена в онлайн-формате 03.03.2022 в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹⁵ Далее используется термин «текстовый», поскольку допускается, что протокол может составляться в формате электронного документа и храниться в материалах электронного дела.

не соответствуют правилам орфографии¹⁶, а секретари и судьи физически не успевают зафиксировать содержание выступлений сторон¹⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют, что требования к фиксации каждого сказанного слова никогда не предъявлялись к письменному протоколу. Полагаем, что и не должны предъявляться к протоколу, который будет сформирован при помощи технологий распознавания речи.

4. Помимо рассмотренного вопроса, дальнейшей разработки также требует вопрос о содержании протокола как документа, отражающего процесс судебной коммуникации. Требования к содержанию протокола судебного заседания и полноте отражения в нем информации следует формировать исходя из тех задач, которые обеспечивает данный документ, а именно — возможности наиболее полного отражения хода судебной коммуникации и обеспечения принципа непосредственности в судах проверочных инстанций.

В текстовом протоколе судебного заседания, помимо преамбулы со сведениями о деле, времени и месте судебного заседания, суде и сторонах (которые могут заполняться вручную, поскольку редкие фамилии и незнакомые имена нередко неправильно воспринимаются на слух и коверкаются), должны быть зафиксированы (в том числе проговариваться судьей и (или) иными участниками процесса) следующие обстоятельства:

- 1) заявления, ходатайства и объяснения лиц, участвующих в деле, их представителей;
- 2) показания свидетелей с указанием вопросов, которые им задавались, разъяснения экспертами своих заключений, консультации и пояснения специалистов;
- 3) сведения об оглашении письменных доказательств, данные осмотра вещественных доказательств, прослушивания аудиозаписей, просмотра видеозаписей, исследования иных доказательств, включая информацию из телекоммуникационных сетей;
- 4) распоряжения председательствующего и вынесенные судом без удаления из зала судебного заседания;
- 5) иные сведения о ходе судебного разбирательства.

Поскольку в качестве одной из проблем, способствующих снижению качества распознавания речи, Е. Ю. Игнащенко указывал на наличие нескольких источников звука, считаем, что судьям следует рекомендовать при переходе от одного этапа судебного заседания к другому, в том числе при передаче слова другому лицу, произносить ключевые фразы (наименования фрагментов протокола), которые автоматически распознаются системой и выделяются жирным либо подчеркиванием. «Объявляется состав суда, рассматривающего дело», «суд разъясняет лицам, участвующим в деле, права и обязанности», «истец заявляет ходатайство...», «суд переходит к допросу свидетеля...» — такими нам представляются ключевые фразы.

Если программа не осуществляет соответствующие действия автоматически, то в готовом текстовом протоколе секретарь должен выделять дополнительно следующие сведения:

¹⁶ См.: Рысин Д. Протокол судебного заседания // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 2.

¹⁷ Кудрявцева Е. Аудиозапись судебного заседания // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 57.

- об осуществлении сторонами распорядительных действий;
- о соглашениях сторон по фактическим обстоятельствам дела и заявленным требованиям и возражениям;
- сведения, которые стороны просят выделить специально.

Кроме того, лица, участвующие в деле, не лишены возможности на основе аудиозаписи просить внести изменения в текстовый протокол в случае явного искажения его содержания при распознавании речи с помощью механизма подачи замечаний на протокол.

Таким образом, на сегодняшний день существуют технологии, позволяющие автоматизировать работу сотрудников аппарата суда по подготовке протокола, что делает возможным изготовление текстового протокола при помощи технологий распознавания речи (нейросетей). Такое решение рассматриваемой проблемы позволяет преодолеть отмеченные недостатки аудиопотокола как единственного средства фиксации, гарантируя при этом соблюдение принципа непосредственности судебного разбирательства, возможность проверки результатов судебной коммуникации судами проверочных инстанций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гордейчик С. А. Аудиопотоколирование судебных заседаний: вопросы, требующие разъяснений // Законность. — 2019. — № 12 (1022). — С. 55—56.
2. Колунтаев С. А. История суда и правосудия в России : монография : в 9 т. — М. : Норма, 2022. — Т. 1 : Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX — середина XV века) / отв. ред. В. М. Сырых, В. В. Ершов. — 640 с.
3. Кружалова А. В. Роботизированный протокол судебного заседания // Цивилистика: право и процесс. — 2021. — № 4 (16). — С. 49—52.
4. Кудрявцева Е. Аудиозапись судебного заседания // Российская юстиция. — 2002. — № 1. — С. 57—58.
5. Лаптев В. А. Пути развития цифрового правосудия в России в сфере арбитражного судопроизводства // Вестник экономического правосудия РФ. — 2023. — № 5. — С. 168—187.
6. Пашкова Е. А. Протоколирование неявных судебных заседаний в арбитражном суде // Судья. — 2022. — № 9. — С. 61—64.
7. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского союза, США, ЮАР и некоторых других стран : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 375 с.
8. Рысин Д. Протокол судебного заседания // Российская юстиция. — 1997. — № 7.
9. Сафронов А. Ю. Использование информационных технологий в суде по уголовным делам // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 105—118.
10. Шерстюк В. М. Протокол судебного заседания в арбитражном суде первой инстанции // Избранные труды. — М., 2017. — С. 644—654.

Иосиф Моисеевич Резниченко

Иосиф Моисеевич Резниченко оставил в нашей памяти немеркнущий след. Кому-то такие слова покажутся чрезмерным преувеличением. Однако начнем с сухих фактов. Родился 2 ноября 1930 г. в г. Керчь Крымской АССР РСФСР. В 1952 г. с отличием окончил Казанский юридический институт, а в 1967 г. — заочную аспирантуру Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). В 1969 г. под руководством профессора М. А. Гурвича подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оценка доказательств в советском гражданском процессе», в 1990 г. — докторскую диссертацию на тему «Функциональные принципы гражданского процесса (правовые и психологические аспекты)». С 1966 по 2001 г. работал на юридическом факультете Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток), а с 2001 г. — профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Вроде бы его жизненный путь сложился как у всех настоящих ученых. Но обратим внимание на еще один факт. Иосиф Моисеевич является автором научных работ, наиболее значимыми из которых являются: «Психологические аспекты искового производства» (Владивосток, 1999); «Полемическое мастерство адвоката» (Владивосток, 2003). Подобная тематика исследований для обычного адвоката совершенно необычна. Первым в науке И. М. Резниченко поставил вопрос о раскрытии психологических механизмов важнейших принципов и категорий гражданского процесса, о психологических аспектах поведения участников процесса и суда, о специфике воспитательного воздействия. Но след в науке — даже не главное. Важнее, какие воспоминания о нем остались в памяти людей.

Все дело в том, что Иосиф Моисеевич обладал, как часто говорят наши современники, сногшибательной харизмой. Колорит его личности придавало прежде всего мастерство речи. Сам Иосиф Моисеевич иногда сетовал, что беда абсолютного большинства наших адвокатов заключается в том, что у них нет никакой литературной базы. Русская классическая литература для них — тайна за семью печатями. Между тем много приемов, как ярко и образно донести мысль, можно почерпнуть именно оттуда. А еще, помимо знания русской словесности, он был глубоко нравственным человеком, очень любил свою профессию, проживая ее искренне, и от этого, как в театре, ему хотелось верить! Иосиф Моисеевич считал, что, когда ты защищаешь человека, обязательно должен включаться эмоциональный фактор. Нельзя подходить к делу, как к некой чисто логической задаче. Для человека его защитник, представитель в деле — последняя надежда. Если ты судьбой, Богом и обстоятельствами поставлен адвокатом, ты не можешь не любить людей. Самых поганных, самых паскудных, самых гнусных¹.

¹ Иосиф Резниченко: «Когда защищаешь, обязательно должен включаться эмоциональный фактор» [Интервью журналу «Огонек, 13 сентября 1998 г.] // URL: <https://konkurent.ru/article/18330>.

Включать эмоциональный фактор в суде было обязательным для этого выдающегося профессионала. В судебной речи он то пылок и азартен, то вдумчив и рассудителен. Никаких слов-паразитов и пустых фраз. Знаменитый приморский адвокат В. В. Любарский, друг И. М. Резниченко, заметил: «Он довольно наглядно наследил в городах и селах Приморского региона: работая в Лесозаводске, он поразил всех логикой, в Дальнереченске — красноречием, в Спасске-Дальнем — дальновидностью, в Находке — находчивостью, во Владивостоке — всеми названными качествами, включая — умом»².

При этом Иосиф Моисеевич не считал себя адвокатом побед. У него был азарт браться за «безнадежные» дела, хотелось, по его выражению, «добраться до доньшка, найти и использовать все, что можно», сделать все по максимуму. Для него процесс защиты, кульминация защиты, судебные прения были важнее конечного результата. В этом смысле он считал себя счастливым человеком и был благодарен судьбе за профессию.

В личном общении И. М. Резниченко запомнился еще и как большой любитель пошутить (в том числе и над собой) искрометно, тонко. Для тех, кто не имеет возможности вспомнить личное общение с ним (Иосиф Моисеевич ушел из жизни 16 января 2016 г.), предлагаем ознакомиться с весьма серьезным результатом его труда. Научные работы и судебные речи И. М. Резниченко стали классикой. Судебные заседания с его участием были «учебным пособием» о том, как строить свою речь, на чем заострить внимание, как сделать профессиональным шедевром рутинное, казалось бы, выступление.

Успех Иосифа Моисеевича как адвоката был во многом обусловлен глубоким научным подходом к судебной коммуникации с точки зрения не только права, но и психологии. Здесь мы предлагаем вашему вниманию отрывок из книги «Психологические аспекты искового производства» (Владивосток, 1989). Будучи по-настоящему полемичной, поднимающей фундаментальные и одновременно актуальные проблемы, эта книга, как никакая другая, поддерживает тематику данного выпуска.

Материал подготовила:

И. И. Черных,

*доцент кафедры гражданского
и административного процесса*

*Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

² URL: <https://goldenmost.ru/chitayte-reznichenko-chitayte/>.

И. М. Резниченко
Психологические аспекты
искового производства³ (извлечение)

Глава IV. Психологические аспекты принципов непосредственности, устности и непрерывности

1. Участники общения в суде

Указанные принципы лежат «в основе формы общения с участниками процесса и способа восприятия судом процессуального материала»⁴. Разумеется, они не исчерпывают всех сторон общения в суде; поэтому анализ его будет с неизбежностью выходить за рамки действия этих принципов.

Отправление правосудия означает, что порядок рассмотрения и разрешения дел не должен зависеть от личностных особенностей и тех лиц, чей спор должен быть разрешен, и тех лиц (судей), кто призван разрешить этот спор. Рассмотрение дел, по мысли законодателя, должно быть таким, чтобы суд в условиях непосредственного и т.д. общения мог одинаково эффективно рассматривать дела любой категории, любой сложности, с участием лиц любой индивидуальности, т.е. все без исключения гражданские дела⁵.

Для этого требуются одинаковый порядок, наделение участников общения правами и обязанностями, которые как можно меньше зависели бы от личностных особенностей или чьего-то усмотрения.

Поскольку деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел является социальной, то и участие людей в этой деятельности представляет не любой произвольный, а «нормативно одобренный образец поведения», обусловленный положением каждого в процессе (ГПК дает эталон ролевого поведения каждого участника процесса: истца, ответчика, третьих лиц, прокурора и т.д.).

Общение в судебном заседании урегулировано ГПК и является ролевым, официальным и по отношению к суду субординационным. Но такая характеристика является недостаточной. Более полно этот опрос будет рассмотрен ниже, а сейчас отметим, что ограничивать анализ отношений в судебном заседании только ролевым подходом недостаточно. Внутри этих ролевых отношений складываются межличностные отношения, обусловленные интересами, волей, чувствами и т.д.

Рассмотрим круг участников общения в судебном заседании.

³ Резниченко И. М. Психологические аспекты искового производства. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 165 с.

⁴ Гурвич М. А. Принципы советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 27.

⁵ В психологической литературе с полным основанием указано на то, что в юридической психологии проблеме общения принадлежит одно из основных мест (см.: Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии // Проблема общения в психологии. М. : Наука, 1981. С. 3).

Прежде всего следует выделить суд. Судейская коллегия наделена функцией рассмотрения и разрешения гражданских дел, и вовеки она выступает как единый руководящий орган. Разногласия между членами коллегии разрешаются только ими и так, что суд всегда может выполнять свои задачи, выступая в отношениях с участниками процесса как носитель единой воли.

Суд представляет собой формальную группу, формируемую предусмотренным законом способом (путем выборов). Во главе этой группы стоит профессиональный судья, являющийся ее постоянным членом и руководителем, народные же заседатели образуют переменный состав.

Руководящее положение судьи определено законом и обеспечивается на практике его специальным образованием, опытом работы и профессиональными навыками. Согласно закону, оно не распространяется на сферу правосудия, последнее не является сферой компетенции единолично председательствующего; более того, оберегая суверенность каждого члена суда, закон обязывает председательствующего подавать свой голос при решении всех вопросов последним. Такое положение обеспечивает и автономию судейской коллегии и ее интегративность, т.е. способность сохранять структуру и функции, контроль членов группы друг над другом и иерархию ролей.

Закон стремится избежать исполнения членом суда альтернативных, т.е. взаимоисключающих, ролей (судьи и свидетеля, судьи и эксперта и пр.), на что направлен институт отвода и самоотвода.

Задача суда — разрешить спор между сторонами — означает, что в круг субъектов общения с неизбежностью включаются лица, чей спор должен быть рассмотрен и разрешен судом, т.е. истец и ответчик.

Равенство истца и ответчика означает, что отношения между ними имеют не субординационный, а координационный характер: нет никаких преимуществ одной стороны перед другой. Лишь по отношению к суду как к органу власти эти отношения имеют субординационный характер.

Каждое лицо, участник спора, получает в суде статус истца или ответчика. Для каждой из этих сторон имеется свой ролевой набор. Их содержание, их процессуальное положение, или статус, характеризуются тем, что стороны выступают прежде всего как субъекты доказывания, как источники доказательств и как субъекты распорядительных актов.

Таким образом, роль каждой из сторон достаточно сложна, и каждый раз в процессе следует точно знать, какой компонент роли играет стороной, в качестве субъекта каких конкретно действий выступает сторона.

Аналогичную роль играет третье лицо, заявляющее самостоятельные исковые требования. Роль третьих лиц, не заявляющих исковые требования, уже. Не будучи субъектами спорного материального правоотношения, они не могут выступать как субъекты распорядительных актов. Они фигурируют в процессе как источники доказательств и как субъекты доказывания.

Прокурор как представитель высшего надзора за законностью выступает как субъект возбуждения дела, источник производственных доказательств, субъект доказывания, субъект заключения по делу, и субъектом распорядительных актов он не является.

Представитель госоргана (ст. 42 ГПК) действует как субъект возбуждения в предусмотренных законом случаях дел, субъект доказывания, источник доказательств и субъект заключения.

Субъектом общения является и публика («все присутствующие в зале судебного заседания» — ст. 148 ГПК). Публика представляет собой и одно из средств социального контроля над деятельностью суда, и объект воспитательного воздействия суда. На публику возложены определенные обязанности — вставать при входе судей в зал судебного заседания, стоя выслушивать решение, соблюдать порядок, подчиняться распоряжениям председательствующего. В психологическом плане важно подчеркнуть эффект «молчаливого соприсутствия»⁶ публики. При наличии публики усиливается самоконтроль участников процесса и суда, повышается культура процесса. Если публика состоит из лиц, близких истцу или ответчику, соответствующая сторона испытывает большую уверенность вследствие молчаливой поддержки публики. Обратное воздействие это обстоятельство производит на другую сторону.

Субъектами общения в процессе являются не только отдельные лица, но и малые группы. Эти группы представляют собой объединение лиц с общими интересами, с общей позицией. Эти группы составляют: а) соучастники; б) лицо, участвующее в деле (чаще всего сторона), и ее представитель; г) сторона и третье лицо на ее стороне, не заявляющее исковых требований. Природа этих групп неоднородна. Наибольшую монолитность составляет пара — сторона и ее представитель. Причина заключается в том, что представитель (имеется в виду договорный представитель) своего интереса не имеет и, будучи поверенным клиента, оказывает ему всемерную юридическую помощь. Клиент и представитель — это официальная группа, создаваемая на основе договора, заключенного клиентом с юридической консультацией. Ее объединяет совместная деятельность для достижения цели, сформулированной требованием истца или возражениями ответчика.

Кроме того, клиент информирует представителя обо всех обстоятельствах дела, о заинтересованных в исходе дела лицах, о сохранившихся доказательствах. Вследствие своей правовой некомпетентности он не может правильно ориентироваться в той или иной процессуальной ситуации, отстаивать свои интересы. Они вырабатывают под руководством представителя стратегию своей деятельности в процессе. Основанная на доверии клиента к представителю и на ответственности представителя, эта группа проявляет себя в процессе активностью, исходящей, как правило, от представителя. Противоречия, которые могут возникнуть между представителем и клиентом, ограничиваются лишь процессуальными моментами⁷.

Что же касается соучастников, то они образуют группу лишь при том условии, если между ними нет противоречий в целях. Эта группа констатируется поручением ведения дела одному из соучастников (ст. 35 ГПК) или заключением договора между соучастниками и юридической консультацией. Поскольку объединение соучастников в группу не лишает их самостоятельности, каждый индивидуальный

⁶ Обозов Н. Н. Психологические процессы и функции в условиях индивидуальной и групповой деятельности // Проблема общения в психологии. М. : Наука, 1981. С. 25.

⁷ Ватман Д. П. Адвокатская этика. М. : Юрид. лит., 1977. С. 47—48.

распорядительный акт (отказ от иска, мировое соглашение, признание иска) разрушает группу или сужает ее состав. В группе соучастников в качестве представителя выделяется наиболее авторитетный из них, пользующийся наибольшим доверием. Он принимает на себя ответственность за правильное ведение дела.

Интересно сравнить ответственность в первом и втором случае: ответственность адвоката имеет профессиональный характер, ответственность соучастника — исключительно личностный. В первом случае она стимулируется возможностью дисциплинарного и иного официального воздействия, во втором — исключительно товарищеским и иным осуждением.

Еще одну группу, но уже неформальную, образует сторона и третье лицо на ее стороне. Но в отличие от групп «сторона — представитель» и «соучастники», их объединение в группу ГПК не предусмотрено. В тех случаях, когда их интересы в процессе совпадают, они выступают единым фронтом. Более того, если участие третьего лица в процессе оказывается «процессуальным обеспечением права регресса» (К. С. Юдельсон), если ответчик ничего не теряет в случае удовлетворения иска, то третье лицо проявляет в процессе и большую активность и больше инициативы, чем сторона, с которой оно образует группу.

Но нередки случаи, когда фактические интересы соучастников, а также стороны и его третьего лица расходятся, и тогда они занимают различные позиции, группа или не создается, или распадается.

2. Природа общения в суде

Будучи органом власти, суд наделен для этого соответствующими полномочиями. Отсюда и характер общения его с участниками процесса. Это общение можно охарактеризовать как властно-судебное или еще более кратко — судебное. Выбор именно этого термина, с одной стороны, объясняется властностью деятельности суда, с другой же — подчеркивает, что носителем этих властных начал является суд. Властное общение характеризует и общение командира с подчиненными в армии, и начальника с подчиненными в милиции, и ряд других видов общения. Но общение в суде имеет свою специфику. Оно характеризуется детальной правовой регламентацией, субординационным характером отношений всех без исключения участников процесса с судом, наделением правами лиц, участвующих в деле, задачами познания обстоятельств дела и разрешения его по существу.

Каждое лицо, участвующее в деле, занимает позицию по делу в соответствии со своим интересом.

Позицию по делу занимают не только стороны; но, в отличие от сторон, другие лица, участвующие в деле, выражают ее не распорядительными актами, а, например, объяснениями, заявлением в интересах граждан и социалистических организаций, отказом поддерживать его, речью в судебных прениях и т.д.

Немаловажную роль играет позиция в доказывании. Она тесно связана с позицией по делу, и чаще всего они взаимообусловлены.

Соотношение позиций по делу и позиций в доказывании показывает, каков характер отношений лиц, участвующих в деле (в первую очередь сторон). Если позиции не совпадают, то эти отношения являются конфликтными, если совпадают, то отношения — неконфликтные.

Уровень конфликта может быть различен. Он может относиться к иску (истец поддерживает иск, ответчик возражает против иска); он может представлять собой разногласия в отношении искомых фактов (были — не были), совокупности доказательств (достаточно для выводов об искомых фактах — недостаточно), конкретных доказательств (достоверное — недостоверное — сомнительное — подложное).

Суд должен отделить конфликтное от неконфликтного, выявить не только уровень конфликта, стороны в конфликте (истец — ответчик; прокурор — ответчик; третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, — истец — ответчик — третье лицо на стороне ответчика и т.д.), но и характер конфликта. Он может быть действительным, т.е. у сторон могут быть подлинно конфликтные отношения, обусловленные противоположностью их интересов. Кроме действительного, существует также мнимый конфликт. Он является следствием недостаточной информированности, заблуждения участников конфликта. Такой мнимый конфликт, как правило, разрешается при поступлении новой информации, которая вносит ясность в отношения сторон (например, ответчик своевременно вернул долг члену семьи истца).

Следует выделить также притворный конфликт, когда в действительности у сторон нет конфликтных отношений, но вследствие самых различных причин он имитируется сторонами. Так бывает, например, когда волеизъявление истца, обращающегося за судебной защитой, не выражает его воли.

Отношения сторон могут иметь и неконфликтный характер, который обнаруживается в распорядительных актах стороны, когда истец отказывается от иска, ответчик признает иск и стороны заключают мировое соглашение.

Отношения сторон с судом имеют, как правило, характер сотрудничества. Сторона заинтересована в получении решения в свою пользу и с этой целью помогает суду. Эта помощь проявляется в представлении доказательств, обосновывающих позицию стороны, в иной доказательственной деятельности стороны. Проявляя активность в своих интересах, сторона тем самым сотрудничает с судом, который должен всесторонне исследовать и оценить доказательства по делу. Разумеется, это сотрудничество имеет ограниченный характер: сторона, как правило, помогает суду лишь постольку, поскольку это не вредит ей самой. Но как только возникает угроза ее интересам, ее помощь суду прекращается.

Таким образом, говоря о сотрудничестве между стороной и судом, надо иметь в виду объективный и субъективный характер сотрудничества. То, что объективно представляется сотрудничеством, помощью суду, субъективно вовсе может и не быть таковым, так как сторона ставит перед собой цель помочь себе.

Из изложенного вытекает, что деятельность стороны в своих интересах в рамках законности объективно представляет собой сотрудничество с судом; но как только сторона выходит за рамки закона или злоупотребляет своими процессуальными правами, на смену сотрудничеству приходят конфликтные отношения. Так, ложные объяснения, представление заведомо ложных доказательств, навязывание вопросов, передергивание фактов в речи, уклонение от явки в суд и т.п. — образчики конфликтных отношений стороны с судом.

Иногда отношения приобретают остроконфликтный характер. Это бывает тогда, когда спорное благо имеет для стороны особое значение и сторона в борьбе

за него испытывает особое эмоциональное напряжение. В таких случаях сторона может попытаться вести себя вызывающе, не подчиняться суду и т.п. В распоряжении суда имеются соответствующие меры воздействия (ст. 149, ч. 4, ГПК).

Наиболее ярко сотрудничество с судом проявляется у прокурора.

3. Стороны (функции) в общении

а. Информационная сторона

Как отмечено в социально-психологической литературе, в структуре общения выделяются три взаимосвязанные стороны: коммуникативная, интерактивная и перцептивная⁸.

Указанный выше подход к анализу общения является не единственным. Так, Б. Ф. Ломов выделяет в общении информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную и аффективно-коммуникативную (в которой, судя по названию, делается упор на детерминацию эмоциональной сферы человека) функции⁹.

Коммуникативная сторона представляет собой обмен информацией между участниками общения в судебном заседании.

Отметим прежде всего информацию, поставляемую суду лицами, участвующими в деле, и другими участниками процесса. Эта информация неоднородна. Так, осведомительная информация содержит сведения о себе, об отсутствии отводов, ходатайств; доказательственная — об искомых и доказательственных фактах и извлекается из средств доказывания; обобщенная представляет собой выступления в судебных прениях; побудительная — всевозможные ходатайства¹⁰.

Главную роль играет доказательственная информация. Она может иметь противоречивый характер: каждая из сторон стремится подтвердить доказательствами свою позицию по делу. Вся информация, и доказательственная в том числе, воспринимается судом в условиях действия принципов устности, непосредственности и непрерывности. Даже в тех случаях, когда исследуются письменные и вещественные доказательства, первые зачитываются, а вторые исследуются, чтобы в устной форме отметить те их особенности, которые имеют доказательственное значение. Соблюдение принципа непосредственности приводит к исследованию первоисточников, исключает посредствующие звенья между судом и доказательствами, сводит к минимуму всевозможные искажения информации.

Устная форма исследования доказательств в условиях непосредственного контакта между судом и участниками процесса, с одной стороны, и источниками доказательств, с другой, приводит к тому, что суд получает информацию, выходящую за рамки строго речевого, т.е. вербального, общения. Немалую роль играют и невербальные средства общения — мимика, жестикация, пантомимика. На суд первой инстанции, несомненно, воздействуют, например, уверенность или неуверенность свидетеля, паузы, интонация, движения, которые показывают его

⁸ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 97—98.

⁹ См.: Ломов Б. Ф. Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 85.

¹⁰ В социально-психологической литературе информация делится на побудительную и констатирующую (см.: Андреева Г. М. Указ. соч. С. 104—105). Нам представляется необходимой более дробная классификация.

растерянность, недоумение, нежелание, иронию, торопливость, спокойствие и т.п., влияя на направление исследования и подчас оценку доказательств. Отметим, что все эти факторы играют тактическую роль, остаются «вещью в себе»: стиль и практика составления решений исключают ссылку на них.

Эта информация добывается не только судом, но и лицами, участвующими в деле. В любом случае она предназначена для суда.

Переход от рассмотрения дела по существу к судебным прениям означает, что лица, участвующие в деле, перешли от поставки доказательственной и побудительной информации к поставке главным образом обобщенной информации. Структура судебных речей достаточно сложна. В речи содержится и обобщенная и побудительная информация: добытая в суде информация подвергается анализу в интересах каждого выступающего в прениях и завершается обращением к суду, в котором формулируется позиция стороны по делу: истец, например, просит удовлетворить иск, ответчик отказать в иске и т.д.

Побудительная информация, поступающая суду, — это, образно говоря, информация снизу вверх, она совершенно лишена властного начала и представляет собой, по терминологии закона, требование (ст. 37 и др. ГПК), а также заявление (ст. 22 ГПК), ходатайство (ст. 30 ГПК), распорядительные акты и др.

Информация, исходящая от суда, также имеет разнородный характер. Так, осведомительная информация содержится в объявлении состава суда, а также в информировании о том, кто участвует в качестве прокурора, представителя трудового коллектива и т.д. (ст. 154 ГПК), в разъяснении лицам, участвующим в деле, их прав и обязанностей (ст. 155 ГПК), в докладе дела (ст. 164 ГПК) и т.д.

Побудительная информация связана прежде всего с исполнением функции руководства процессом. Кроме того, вся поступившая суду многообразная информация воспринимается, оценивается, перерабатывается и поступает в обратном направлении в устной и письменной форме в виде определений и решения. Главное место среди судебных постановлений занимает судебное решение. В судебном решении можно выделить и осведомительную, и обобщенную, и побудительную информацию. Последняя адресована в первую очередь сторонам по делу и, представляя собой ответ на их обращение к суду, содержит властное подтверждение судебной защиты, оказанное истцу или ответчику.

б. Интерактивная сторона

Интерактивная сторона процессуального общения представляет собой обмен действиями, взаимодействие участников процессуального общения. Эти действия обусловлены властным положением суда и подчиненным положением участников процесса.

Рассмотрим сначала действия, исходящие от участников процесса. Сразу же оговоримся, что суд по-разному реагирует на констатирующую и на побудительную информацию. Констатирующая (доказательственная) информация судом или «принимается к сведению» или вызывает вопросы. Суд не вправе тут же давать оценку этой информации: оценка доказательств будет дана судом в совещательной комнате (исключение — ст. 60, ч. 2 и 3, ГПК). Лишь по наличию и направленности вопросов можно сделать предварительный вывод об отношении суда к этой информации.

Побудительная информация, исходящая от лиц, участвующих в деле, — это всегда «активация, т.е. побуждение к действию в заданном направлении»¹¹. Субъект таких действий предвидит, к каким последствиям они приведут, и желает наступления таких последствий.

Информация как «запрет нежелательных видов действий»¹² от них исходить не может, так как они не вправе что-либо запрещать.

Действия участников процесса, обращенные к суду, — это всегда ходатайства, т.е. требования¹³, на которые суд реагирует определениями и решением. Исходя из требований закона и учитывая обстоятельства дела, суд удовлетворяет или не удовлетворяет их.

Действия участников процесса, обращенные друг к другу (например, допрос), проходят под контролем суда и в случае его положительного отношения молчаливо санкционируются судом. Но в любой момент суд может вмешаться в это взаимодействие, снять, например, вопрос, если он имеет наводящий характер или если обстоятельства дела с достаточной полнотой выяснены. Другими словами, даже взаимодействие участников процесса друг с другом представляет собой в то же время взаимодействие их с судом, но взаимодействие, носящее скрытый характер и проявляющееся вовне каждый раз по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле, как прекращение или корректировка взаимодействия участников процесса друг с другом.

Если участники процесса позволяют себе действия, которые нарушают процессуальный регламент, суд не остается безучастным к ним. В его арсенале достаточно средств воздействия на тех, кто своим действием или бездействием (например, неявкой в судебное заседание, невыполнением требований суда) создает помехи в процессуальном общении.

Особое место занимают распорядительные акты как действия сторон. Как известно, суд принимает или отвергает их в соответствии с требованиями ст. 34 ГПК. Суд должен стремиться к тому, чтобы выявить действительную волю, чтобы исключить принятие распорядительных актов, вызванных заблуждением, угрозой и т.п. С другой стороны, следует содействовать формированию распорядительных актов, ликвидирующих конфликт на основе закона и нравственности.

Каковы же действия суда?

Они обусловлены положением суда в процессе, властным характером его полномочий. Степень властности проявляется в них по-разному в зависимости от того, на кого направлено воздействие суда и в связи с чем.

Высшая степень властности проявляется в приказе, т.е. в выражении воли, обязательной для адресата. Так, суд требует соблюдения порядка в зале судебного заседания под угрозой немедленного применения санкций (удаление нарушителей порядка из зала суда — ст. 149, ч. 1, ГПК); суд применяет меры принуждения, которые реализуются судом немедленно (например, по определению

¹¹ Андреева Г. М. Указ. соч. С. 104.

¹² Андреева Г. М. Указ. соч.

¹³ Надо различать просьбу и требование: на просьбу может быть и не дан ответ, ответ на требование обязателен, поэтому психологическая природа искового заявления, возражений, ходатайств — требование.

суда нарушителя дисциплины удаляют из зала судебного заседания — ст. 149, ч. 2, ГПК) или отсроченно (наложение штрафа — ст. 149, ч. 2, ГПК).

Упомянем затем распоряжение, т.е. выражение воли, обязательной для адресата под угрозой отсроченного применения санкций (предупреждение свидетеля об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний — ст. 169 ГПК); предложение, т.е. обращение к адресату совершить (или не совершить) какое-либо действие с оставлением за последним возможности не делать этого (сторонам предлагается дать объяснение, но стороны, как известно, вправе не дать объяснений); разрешение, т.е. предоставление права совершить что-либо (разрешение свидетелю удалиться ранее окончания разбирательства дела — ст. 168 ГПК).

В наименьшей мере властность проявляется в разъяснении (разъяснение прав и обязанностей).

Некоторые действия суда имеют своей основой не закон, а социально-психологические факторы. Так, авторитет, высокий престиж, уважение к суду позволяют ему в необходимых случаях прибегнуть к совету, т.е. пожеланию (например, не злоупотреблять спиртными напитками — по делу о восстановлении на работу уволенного за прогул; изменить отношение к семье — по делу о разводе и т.п.), к просьбе (например, пригласить свидетеля), к порицанию, т.е. выражению неодобрения, к увещанию, т.е. к воздействию на чувства, к упреку и т.д.

Эти и другие действия суда могут как исходить от суда, не будучи вызваны действиями участников процесса, так и представлять собой ответные действия на действия участников процесса. Действия суда могут быть направлены на активацию, интердикцию (запрещение) или разрешение соответствующего действия участника процесса. Они могут быть направлены на эмоции (увещание свидетеля в возрасте до 16 лет, уклоняющегося от дачи показаний), на волю (запрещение свидетелю удалиться ранее окончания разбирательства дела), не оставляя в стороне и интеллект (например, по делам о разводе).

Главенствующая роль суда в процессуальном общении обеспечивает наибольшую эффективность в отправлении правосудия.

в. Перцептивная сторона

В структуре общения выделяется и перцептивная сторона, охватывающая прежде всего восприятие участников общения, установление взаимопонимания между ними.

Понятие взаимопонимания является очень многогранным: «...или как понимание целей, мотивов, установок партнера по взаимодействию или как не только понимание, но и принятие, разделение этих целей, мотивов, установок...»¹⁴.

Нас прежде всего интересует первая сторона взаимопонимания. Для гражданского процесса оно заключается всего во взаимопонимании доказательственной, побудительной информации, позиций сторон по делу, а в ряде случаев — целей и мотивов участников процесса.

Главную роль играет взаимопонимание между судом и участниками процесса. Это главное его звено. Именно оно обеспечивает эффективность правосудия. В ряде случаев имеет значение и взаимопонимание сторон, например, когда их

¹⁴ Андреева Г. М. Указ. соч. С. 137—138.

разделяет мнимый конфликт и требуется дополнительная информация, чтобы ликвидировать его.

Ознакомление с позициями сторон начинается во время принятия искового заявления и углубляется в ходе изучения материалов дела, бесед со сторонами во время подготовки дела к судебному разбирательству.

В судебном заседании перед исследованием доказательств суд выясняет, каковы позиции сторон и не произошли ли в них изменения. Таким образом, суд получает ясное представление о том, что именно хочет каждая из сторон, какие факты она кладет в основу своих требований и возражений и какими доказательствами будет оперировать.

Чаще всего процессуальная цель сторон совпадает с фактической, но они могут и расходиться, не соответствовать друг другу. Суд по-разному подойдет к делу о разводе, которое возбуждается не для того, чтобы развестись, а для того, чтобы воздействовать на супруга угрозой развода, сделать ее реальной, и к ответчику по иску об освобождении имущества от ареста, готовому признать иск вследствие злонамеренного соглашения с истцом в надежде «спасти» хоть часть имущества. Установление подлинной цели сторон и соотнесение их с интересами государства и общества совершенно необходимо, чтобы в конечном счете было вынесено правосудное решение.

Суду необходимо знать мотивы обращения за судебной защитой и иерархию мотивов сторон, чтобы иметь возможность в случае необходимости воздействовать на мотивационную сферу сторон с целью желательного распорядительного акта. Каждый раз, когда от стороны исходит распорядительный акт, суд должен знать мотивы его, что имеет немаловажное значение для решения вопроса о том, принять или не принять его.

Таким образом, перцептивная сторона общения в судебном заседании заключается для суда в понимании позиции сторон, мотивов и целей их, доказательств по делу и, наконец, в тех пределах, в которых это необходимо, самого человека, с которым общается суд.

Для стороны перцептивный аспект общения заключается в понимании роли суда как органа правосудия, в понимании требований к нему, которые предъявит суд в связи с рассматриваемым делом (например, своевременной явки в суд, представления доказательств и пр.), в понимании юридической терминологии.

Взаимопонимание между судом и сторонами в судебном заседании облегчается благодаря ряду обстоятельств:

- а) если во время подготовки дела между судьей и сторонами был установлен психологический контакт;
- б) если сторона воспользовалась услугами адвоката; будучи связующим звеном между стороной и судом, адвокат благодаря доверию стороны и деловому сотрудничеству с судом помогает исключить всякое непонимание между ними;
- в) если сторона знает закон и юридическую терминологию, а суд — словарь стороны.

Очень важным для взаимопонимания является соответствие ожиданий и поведения суда и сторон. Каждый ожидает друг от друга поведения, соответствующего его статусу в суде. Если эти ожидания не оправдываются (например, проявление судом необъективности, нарушение прав стороны, невнимательность суда,

чрезмерная эмоциональность стороны, объяснения не по существу, ложь и пр.), взаимопонимание нарушается.

Эти ожидания имеют главным образом нормативный характер, так как закреплены в законе. Если до сведения сторон доводится, что именно ожидает от них суд во время подготовки дела и в судебном заседании, то ожидания сторон в отношении суда формируются до и вне процессуального общения с судом.

Каковы же механизмы взаимопонимания?

Отметим прежде всего идентификацию. Для того чтобы лучше понять другого человека, надо поставить себя на его место, уподобить себя ему. Тогда удастся понять причины поведения человека, его действия и прогнозировать его поведение в связи с данным делом. Отсутствие способности к идентификации превращает общение в подобие диалога глухих.

В социальной психологии последних лет усиленно разрабатывается механизм эмпатии¹⁵ как вчувствование в другого человека. В отличие от идентификации, здесь наличествует эмоциональный фактор: один человек чувствует за другого¹⁶.

Очень важен и механизм рефлексии, т.е. «осознание действующим индивидуумом того, как он воспринимается партнером по общению»¹⁷. Так, требование законности и обоснованности позиции, осознанное стороной, есть акт рефлексии, так как именно такой, законной и обоснованной, как считает сторона, ее позиция воспринимается судом. Адвокат, готовясь к выступлению, обязательно ориентируется на то, как он будет воспринят: прежде всего судом, и поэтому он использует (в отличие, например, от стороны) юридически значимые доводы; а также стороной и публикой, стремясь оправдать и их ожидания (как он их себе представляет). Рефлексия «работает» и при составлении решения, когда судья учитывает, как оно будет восприниматься во время оглашения его.

Ограниченность процессуального общения приводит к появлению различных «эффектов», которые мешают глубине и правильности понимания друг друга. Отметим прежде всего эффект «ореола». Он заключается в том, что созданный заранее образ человека мешает видеть его действительные черты, и первоначальная положительная или, напротив, отрицательная оценка распространяется на все его качества¹⁸.

В качестве примера можно привести одно из дел по иску о выселении ответчицы по основаниям ст. 333 ГК. В отношении ее были представлены отрицательно характеризующие данные (судимость, привлечение за мелкое хулиганство и т.д.), и, несмотря на отсутствие достаточных доказательств, иск был удовлетворен.

¹⁵ Социальная психология. Л., 1979. С. 170—171.

¹⁶ Механизм эмпатии, как нам представляется, наиболее характерен для отношений стороны и ее представителя (адвоката). Доверие стороны, ответственность адвоката в связи с принятием поручения, нерегламентированный характер их отношений способствуют не только идентификации адвоката с клиентом, но и эмпатии: адвокату становится не только понятным, но и близким доверившийся ему человек.

¹⁷ Андреева Г. М. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ См.: Социальная психология. М., 1975. С. 201 и др. На явление ореола в процессуальной литературе впервые обратила внимание А. Г. Коваленко (см.: Коваленко А. Г. Полнота материалов по гражданско-правовым спорам. Саратов, 1981. С. 46—47).

Эффектом ореола интуитивно пытаются воспользоваться стороны в тех случаях, когда представляют суду при отсутствии в этом необходимости положительные характеристики в отношении себя или стремятся скомпрометировать противную сторону. Так, по одному делу об установлении отцовства ответчик ходатайствовал допросить свидетелей, которые могли бы сообщить суду о множестве случайных связей в жизни истицы до знакомства с ним.

Эффект ореола является частным случаем стереотипизации, которую можно объяснить, как стремление строить выводы на основе недостаточных данных. Стереотип представляет собой обобщение, под которое подгоняются сходные случаи. Стереотип мешает увидеть то особенное, характерное, что присуще данному конкретному лицу и, как следствие, может привести к неправильному выводу о нем.

Так, по ряду дел об отобрании ребенка наблюдается действие стереотипа матери как заведомо более заботливой, чем отец; по делам о разводе — стереотипа жены как более капризного человека, чем мужа; по трудовым делам — стереотипа лица, имеющего более высокое образование, как лучшего работника и т.д.

Указанные принципы в условиях непосредственного взаимодействия и личного контакта позволяют сводить на нет эти факторы.

**Ирина Ильинична
ЧЕРНЫХ,**

доцент кафедры
гражданского
и административного
процесса
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

Куда смотрит компас коммуникации, или Благодарность — основа коммуникативной среды будущего

Изучение коммуникативных социальных процессов на междисциплинарном уровне способно выступить методом познания и осмысления действительности. В этом выпуске журнала мы собрали размышления о правовой коммуникации. Как предопределено самим феноменом права, в основе своей эти научные поиски стратегий коммуникации направлены на преодоление конфликтной ситуации в общественных отношениях, преимущественно с помощью суда.

Надо отметить, что не только правовая наука, но и иное гуманитарное знание, объединяющееся для исследования общества, человека и коммуникативной среды, длительное время шло по такому же пути, что весьма наглядно демонстрирует наука психология. Традиционно в психологии основное внимание исследователей и практиков было сосредоточено на выявлении патологии, ее причин и исцеления.

Однако в последние десятилетия фокус внимания психологов был смещен в сторону позитивного функционирования личности, сформировалось направление — позитивная психология, у которой центральная тема заключается в том, что благоприятные социальные отношения являются важнейшим условием процветания человека.

Удивительно, что многие исследователи «назначают ответственным» за психологическое и психическое здоровье индивида развитую способность к коммуникативному акту благодарности. Она считается основополагающей для поддержания взаимности обязательств между людьми и эволюционно приспособленной для поощрения альтруистического, просоциального поведения. Кроме того, благодарность связывают с психологическим, социальным и физическим благополучием личности. Учеными было предложено следующее определение благодарности: «...чувство радости в ответ на получение подарка, независимо от того, является ли он ощутимой выгодой от конкретного другого или моментом умиротворенного блаженства, вызванным природной красотой»¹.

Но, помимо внутреннего состояния благодарного индивида, подчеркивается и внешнее проявление благодарности как морального, активно просоциального и эмоционального выражения, когда человек признает подарок, осознает его ценность и ценит намерения дарителя², ощущает признательность за доброту и

¹ Цит. по: *Караваяева Л. П., Тарасова Л. В.* Позитивная психология: феномен благодарности как инструмент обеспечения благополучия личности // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2023. № 6. С. 92—99.

² *Buragohain Pranjal and Rajen Mandal.* Teaching gratitude among secondary school students as a means of well-being // *International Journal of Humanities, Social Sciences and Education (IJHSSE).* ISSN 2349-0373-printed, 2349-0381-online. Vol. 2. Is. 2. P. 179—188.

стремится ответить взаимностью. Если мы все это подразумеваем в благодарности, то получаем универсальное понятие, суть которого доступна всем. Его значение выходит за рамки мимолетной мысли или чувства, будучи выраженным каким-либо образом, оно задействует интеллект, волю.

Во-первых, эмоция благодарности служит моральным барометром, указывая на изменения в социальных отношениях человека. Во-вторых, как моральное подкрепление, выражение благодарности служит стимулом для благотворителя в будущем вновь проявлять доброжелательность. Наконец, благодарность служит моральным мотивом, поскольку ее переживание побуждает получателя в дальнейшем вести себя просоциально³.

Поэтому благодарность является важным связующим элементом для общества. Это «моральная память человечества», мост, соединяющий одного человека с другим. Деонтология воспринимает благодарность как моральный долг и фокусируется на состоянии благодарности у детей. Благодарность может не возникать у них естественным образом. Во многих странах, признающих ее серьезное воспитательное значение, в образовательных учреждениях существуют программы по обучению навыкам благодарить. И это очень важно в академической среде.

Исследования показывают, что преобладающим отношением многих студентов является отношение жалобы и неудовлетворенности, противоположное благодарности. Может быть много веских причин для этого, в частности, нарциссизм и чрезмерная ориентация подростков на независимость, изменение в обществе отношения к платному образованию как к услуге: роль учителя обычно строится как «дающего знания» ученику, а роль учащегося — как «получателя», считающего себя «клиентом», которого нужно удовлетворять. Это может оказать разрушительное воздействие на способность студентов заниматься учебой.

Австралийский ученый, Керри Хауэллс, серьезно исследующий тематику благодарности в образовании, опираясь на идеи М. Хайдеггера, весьма изящно формулирует основу для благодарности во взаимоотношениях между учителем и обучающимся. «Как мы можем поблагодарить за этот дар — дар способности размышлять о том, что в наибольшей мере подстегивает работу мысли, — лучше, чем действительно размышлять об этом? Значит, высшей благодарностью должно быть мышление? И глубочайшая неблагоприятность — бездумье?» Мы видим прямое указание на замкнутую взаимосвязь между мышлением и благодарностью. И делается вывод, достойный быть высеченным на камне: «Чем больше человек думает с благодарностью, тем больше он думает по-настоящему»⁴.

Преподавателю следует помнить, чем больше человек способен вовлечь себя в мыслительный процесс, тем больше он выражает благодарность за способность мыслить.

Это такое сокровенное измерение благодарности, которое влияет на все аспекты личности — подсознание, мысли, слова, эмоции и физическое состояние.

³ Giacomo Bono, Mikki Krakauer, And Jeffrey J. Froh. The Power and Practice of Gratitude. A brief history of research on gratitude // URL: https://www.academia.edu/35818592/the_power_and_practice_of_gratitude_a_brief_history_of_research_on_gratitude.

⁴ Kerry Howells. The role of gratitude in higher education // URL: https://www.academia.edu/62036221/The_role_of_gratitude_in_higher_education.

Делая эту мысль доступной для учащегося, учитель достигает главной образовательной цели — довести ученика до состояния готовности взять большую ответственность за развитие у самого себя благодарного и отзывчивого отношения к тому, что требует размышлений, к тому чтобы распознавать и ценить преимущества других и культивировать в себе желание отвечать взаимностью позитивными действиями.

«Благодарить — значит делиться... Удовольствие, которым я обязан тебе, принадлежит нам обоим, — объясняет французский философ Андре Конт-Спонвилль.⁵ Предлагая студенту развить в себе внутреннее отношение к желанию отдавать, а не просто брать в процессе обучения, преподаватель ищет способы, с помощью которых он тоже мог бы получать от своих студентов. Успешный опыт такого возвращенного чувства взаимосвязанности можно описать словами одного из обучающихся. «Вместо того, чтобы просто стараться получить более высокую оценку за участие, я давал учителю и классу более продуманные ответы и вопросы, ожидая, что ответы будут полнее информировать других учащихся и меня самого. Поступая таким образом, я обнаружил, что вопросы, которые я задавал, на самом деле были более полезными для моего собственного понимания, чем раньше. Я обнаружил, что чем больше я отдавал своим занятиям, тем больше я получал. Учитель был благодарен мне за участие, что способствовало улучшению отношений между нами. Построение таких отношений с учителями имеет для меня большое значение и способствует более глубокому и взаимовыгодному подходу к обучению».

Очевидно, что благодарность может быть важнейшим компонентом позитивного развития молодежи, приучая вносить вклад в свои собственные сильные стороны и развитие и, в свою очередь, отдавать должное людям, группам, учреждениям или сообществам, которые воспитывают. Можно было бы завершить этот пост жизнеутверждающим призывом к молодежи настраивать жизненную ориентацию на позитивные аспекты окружающего мира. Благодарность и взаимопомощь помогут обрести согласованность в жизни и изменить мир к лучшему, построив идеальные общественные отношения без конфликтов. Но менее всего хотелось бы исполнять роль проповедника.

Реалии современной России таковы, что мы легко оперируем словами, эмоциями, но отнюдь не поступками, способными изменить и объединить общество. Здесь самое время вернуться к праву и оставить, как говорится, открытый финал, который каждый домыслит сам для себя. В качестве «финальных кадров» отметим, что максимально определяет идею права связь личного и коллективного опыта. Для индивида право предстает средством, которое должно оберегать его от конфликтов, исключать социальную опасность, предоставлять алгоритмы выживания среди себе подобных. Для общества это создание, использование, переоценка таких алгоритмов. Большинство людей, в особенности молодежи, упускают рациональную основу права, предусматривающую принудительность, и ответственность индивида. Получается, что он имеет право на все. А если человек чувствует, что имеет право на все, то он ни за что не благодарен.

Каждый должен определить, что чувствовать, что говорить и как поступать в целях построения социально консолидированного общества и куда направлять компас коммуникации.

⁵ Comte-Sponville A. La gratitude, Petit traité des grandes vertus. Paris : PUF, 1995.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >